

Антон Грановский Плещаница колдуна

Гиблое место – 2

Антон Грановский Плещаница колдуна Проект «Гиблое место»

*Кате Неделько и ее дочурке Вике,
с пожеланием крепче стоять на ногах!*

*Ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места
становятся непроходимыми. Я же говорил – тут не место для
прогулок.*

«СТАЛКЕР»

*Когда б не дупло в клыке,
Вздыхал бы чело в венке.*

М. Щербаков

Глава первая

1

Чернобородый разбойник Коломец, отряхнув яловые сапоги от грязи, пригнул голову под низкой притолокой и вошел в схрон, прорытый в холме и отгороженный от посторонних глаз зарослями бузины.

Следом за ним семенил, пытаясь не отставать, темноволосый мальчишка лет двенадцати, грязный, в оборванной одежде с чужого плеча.

Кивнув двум разбойникам, играющим в кости, Коломец пошел прямо к атаману Дерябе. Мальчишка у порога остановился, но чернобородый разбойник схватил его за шиворот и грубо втолкнул в комнату.

Деряба сидел за столом и задумчиво смотрел на серебряный кубок с хмельным медом. На вошедших он уставился мутными глазами.

– А, Коломец, – проговорил он после паузы. – Случилось чего?
Коломец толкнул вперед мальчишку и ответил:
– Пострельца поймали. Говорит, что в пяти верстах отсюда видел караван.
Мальчишка вытер рукою нос и угрюмо заявил:
– Меня не поймали. Я сам к вам пришел.

Атаман посмотрел на него с интересом.
– Что за караван – говори.
Мальчишка стрельнул глазами на Коломца, насупился и ответил:
– Четыре подводы с грузом. Все накрыто рогожей. В пятой – людишки.
– Как велик конвой?
Мальчишка поднял руку и растопырил пальцы.
– Пять охоронцев? – уточнил Деряба.
Мальчишка кивнул.
– Гм... – Атаман поскреб ногтями щеку. – Я чай, и оружия много?
– Много, – ответил пострелец. – Бердыши, мечи, копья – все при них. А еще щиты и кольчуги.
– Гм... – Брови Дерябы съехались на широкой переносице. – Всего пяток человек. Не густо. Сам-то ты чей будешь?
– Прощка я, – ответил пострелец. – Милованов сын.
– Прощка? Что за прозвище такое?
– Христианское. Прохор по-взрослому. Мой батька у болгарских богомоллов перенял.
– Зачем?
– Понравилось.
Деряба ухмыльнулся:
– «Понравилось». Ишь ты. А сам-то батька где?
Мальчишка нахмурился.
– Моего батьку купец Жадан насмерть засек, – угрюмо проговорил он.
– Засек? Вон оно что. А к нам зачем пришел? Барыш свой урвать надеешься?
Прощка презрительно дернул щекой.
– Нужон мне ваш барыш.
– Тогда зачем?
– Жадан в том в караване едет. Из Онтеевки вертается.
Деряба хмыкнул, повернул рыжую кудлатую голову и взглянул на чернобородого разбойника.
– Так думаешь, тут можно?
– Кажись, можно, – ответил Коломец. – Третьего дня шаман Перуну цельного быка пожег. Должен помочь.
– На Стрибога с Перуном надейся, а сам не плошай, – изрек Деряба.
Коломец на это усмехнулся.

– Атаман, – сказал он, понизив голос, – уж десятый день без дела сидим. Ребятки застоялись. Боюсь, заропщут али пошаливать начнут.

Деряба несколько секунд думал, после чего твердо сказал:
– Возьмем караван. Отправь вперед двоих ватажников – пускай разведают, что да как. А пострела этого с собой возьмем. Ежели что – башку ему первому отрежем.

Деряба метнул на мальчишку холодный взгляд, но тот не поежился и не отвел глаз. Твердый был мальчишка. Упорный. Не повезло купцу Жадану такого пострела обидеть.

Атаман был сильно пьян, но Коломец знал, что хмель недолго держится в рыжеволосой голове Дерябы. Пара верст конного ходу на встречном ветру – и от хмеля не останется и следа.

Коломец нахлобучил на черную, вихрастую голову шапку и вышел из комнаты. В сенях

он грозно взглянул на парней и рявкнул:

– Ну, чего расселись? Атаман велел – по коням!

2

Отряд из двадцати всадников, во главе которого скакал на гнедом, рослом коне сам атаман Деряба, нагнал караван меньше чем за полчаса.

Напали внезапно. Выскочили из кустов, как лешие из малинника, и принялись рубить конвой кривыми печенежскими саблями.

Первому охоронцу срубил мечом башку с плеч сам Деряба. Второго пронзил пикой Коломец. Еще трое охоронцев выхватили из ножен мечи, но воспользоваться ими не успели.

Разбойники рубили их мрачно, деловито и угрюмо: взмах – удар, взмах – удар... Работа привычная.

Один из охоронцев, розовощекий паренек лет осьмнадцати, сумел прорвать круг и пришпорил было коня, но разбойник Хлюп вскинул лук и пустил ему вслед стрелу. Стрела пронзила мальчишке горло, и он замертво свалился с коня в дорожную пыль.

Вскоре с охоронцами было покончено, и разбойники, хрипло дыша, повернули коней к подводам. В крайней из них сидели трое. Толстый бородатый мужик с отечным лицом и в богатом кафтане; худая баба лет сорока, одетая, как одеваются купчихи, и еще один человек – еще не старый, но уже седой, с бритой по-иноземному бородой и с какими-то слюдяными кругляшками на глазах. Ужас нагнал на сидящих столбняка.

Но вот один из троих, толстобрюхий купец, опомнился, вскочил на ноги и стеганул коренную лошадку плетью по крупу, но чернобородый Коломец преградил им путь и, схватив лошадь под уздцы, заставил подводу остановиться.

– Тпру! – рявкнул он, да так сильно и страшно, что лошади в ужасе прижались друг к другу и запрядали ушами.

Толстопузый купец хотел прыгнуть с подводы и броситься наутек, но атаман Деряба занес над его головой саблю и резко проговорил:

– А ну стой!

Купчик зажмурился от блеска клинка, перепачканного кровью, и присел на корточки.

– Вот так, – ухмыльнулся Деряба.

Он опустил саблю и отер свободной рукою потный лоб. Рубить людей – тяжелая работа. У Дерябы ныла рука и болело плечо. Зато хмель окончательно выветрился у него из башки.

– Мальчишку сюда! – распорядился Деряба.

Один из разбойников сбросил с седла постреленка и пнул его ногой в спину, направляя к атаману. Мальчик пробежал несколько шажков на негнущихся ногах и остановился. Его сухое, востроносое лицо было бледным, почти серым. Он старался не смотреть на мертвецов, валявшихся на земле.

Деряба кивнул на купца и сурово спросил:

– Ну? Этот, что ли, твой Жадан?

Мальчик поднял взгляд и посмотрел на толстобрюхого купца. Тот глядел на постреленка умоляюще.

– Чего молчишь? Он или не он?

– Он, – хмуро ответил Прошка.

– Ладно, уйди в сторону.

Прошка опустил голову и отошел к обочине дороги. Рыжий атаман взглянул на купца и спросил:

– Чего везешь?

– Ничего, батюшка, – развел руками купец. – Деньги в товаре, а товар я в Онтеевке перегрузил, он теперь с моим человечком до самого Яров-града поедет.

Деряба вздохнул и снова поднял саблю. Глянув на страшную саблю, купец побледнел и

взмолился:

– Смилуйся, атаман, не губи! Помилуй бедного купца, буду век за тебя Велесу и Перуну молиться!

Деряба вдруг склонился с коня, быстро схватил купца одной рукою за ухо, оттянул его и полоснул по уху саблей.

Купец заорал, а Деряба выпрямился и швырнул отрезанное ухо в пыль. На лице его при этом не было никакого задора. Он словно бы делал привычную и скучноватую работу. Дождавшись, пока купец перестанет орать, атаман заговорил снова:

– Вишь, чего с ухом-то. Такое же и с пузом твоим будет, коли деньги не отдашь.

Купец с ужасом смотрел на атамана. По его пальцам, прижатым к покалеченной голове, текла кровь, а по толстым, отвислым щекам стекали в усы блестящие слезы.

– Батюшка родимый, нету денег, – протяжно и горестно проговорил он. – Не губи... Пуст я совсем.

– Так нет?

– Нет! Ничего нет!

– Ну, ладно. Нет так нет.

Деряба стал было отворачиваться, но вдруг размахнулся и рубанул купца саблей по голове.

Кровь брызнула в стороны. Сидевшие в подводе люди закричали от ужаса и отшатнулись. Голова купца раскололась пополам, как тыква.

Деряба выдернул из разрубленной головы клинок сабли и обтер его об рогожу.

Тело купца перегнулось через край подводы и затем тяжело, будто куль с мукой, рухнуло в пыль.

Теперь взгляд атамана остановился на бабе. В последние годы многие купецкие вдовы сами вели дела. Иные из них оказались в деле более удачливыми и тертыми, чем их почившие мужья, и за короткий срок удвоили, а то и утроили свои состояния.

– Ну, что, купчиха? – тихо спросил Деряба. – Дашь денег?

Лицо купчихи дрогнуло, а из глаз брызнули слезы.

– Нету... – пробормотала она сквозь слезы. – Нету денег, голубчики. Все в товаре.

Деряба вздохнул и хотел что-то сказать, но тут один из разбойников, кривоногий печенег Карумка, завопил:

– Атаман! Кто-то скачет!

Деряба повернул голову и глянул вдаль. По дороге и впрямь скакал всадник. Разбойники тотчас повыхватывали из ножен сабли. А Хлюп взял в руку лук.

– Атаман, хочешь, я его сниму? – спросил он.

Деряба нахмурился и покачал головой:

– Нет. Поглядим, кто таков и чего надо.

Всадник не спеша приближался к каравану. Деряба и прочие разбойники зорко и угрюмо следили за его приближением, хотя в начинающихся сумерках фигура всадника выглядела неясно и размыто.

Бояться одинокого всадника лихим разбойничкам было негоже, и в их свирепых глазах застыло только мрачное любопытство.

Наконец всадник подъехал к передней подводе и осадил коня. Он был одет в охотничью куртку, кожаные штаны и ичиги. Волосы были длинные, а борода короткая. Сам молод, но не по возрасту угрюм.

– Кто у вас главный? – сухо осведомился всадник.

– А тебе чего? – грубо спросил Коломец и приподнял саблю, но Деряба положил ему руку на плечо, прищурил глаза на незнакомца и глухо проговорил:

– Ну, я главный. А ты что за ком с горы?

Всадник взглянул на Дерябу и сказал:

– Хочу, чтобы ты сложил оружие и поехал со мной.

Конопатое лицо Дерябы вытянулось от изумления.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

Незнакомец кивнул:

– Да.

Деряба весело глянул на своих людей, как бы говоря – ребята, вы это видели? Разбойники загоготали. Атаман снова перевел взгляд на незнакомца и весело осведомился:

– И зачем же я тебе понадобился?

– За твою голову назначена большая награда, – сказал незнакомец так, будто речь шла о совершенно обычном деле. – А мне очень нужны деньги.

– Вот как? – Ухмылка сползла с губ Дерябы. – Ты, я вижу, погибели ищешь, щенок? Ну, считай, что ты ее нашел. А ну, Карумка, секи его!

Лезвие сабли сверкнуло над головой Карума, однако рубануть степняк не успел. Всадник сдернул с плеча черный посох, и вдруг что-то громыхнуло. Карумка свалился с коня, несколько раз дернулся в пыли и замер навсегда.

– Атаман, у него ольстра! – дрогнувшим голосом проговорил Коломец.

– Сам вижу! – хмуро отозвался Деряба.

Дуло ольстры смотрело атаману в грудь. Уцелевшие разбойники сбились в кучу, как перепуганные овцы.

Некоторое время все молчали. На небе темные мороки заволокли солнце, и сумерки еще больше сгустились. На лицо незнакомца упала тень.

– Мне нужен только атаман, – негромко проговорил он. – Отдайте мне его, и я...

Договорить ходок не успел. Из леса с клекотом вылетела спуржун-птица, одно из самых страшных и кровожадных исчадий Гиблого места. Перепончатые, будто у летучей мыши, крылья на мгновение затмили свет.

Незнакомец повернулся к лесу и вскинул ольстру, но сделал это недостаточно быстро. Один из когтей спуржун-птицы уцепился за плащ парня и дернул его кверху.

Атаман, единственный, кто не растерялся и не замер на месте от ужаса, выхватил из рук одного из разбойников копьё и, привстав на стременах, метнул его в летающую тварь.

Копьё со свистом рассекло воздух и вонзилось чудовищу под левое крыло. Перепончатокрылая тварь упала на траву и забилась в предсмертных судорогах.

Незнакомец, упавший рядом с тварью, быстро вскочил на ноги и направил на Дерябу свою ольстру, однако в лицо ему уже смотрел железный наконечник стрелы.

– Тихо, Хлюп, – негромко сказал лучнику Деряба. – Тихо.

Некоторое время оба – незнакомец и атаман разбойников – молчали. Потом Деряба облизнул губы и спросил:

– Что будем делать, парень?

– За твою голову купцы готовы дать пятьдесят золотых солидов, – ответил незнакомец.

– Вот как? – Деряба усмехнулся. – Нешто ты веришь толстобрюхим?

Незнакомец молчал. Тогда рыжий атаман сказал:

– Я спас тебе жизнь. Если б не я, спуржун-птица разорвала бы тебя на части.

– Ты спасал свою жизнь, а не мою, – возразил незнакомец. – Она бы перерезала всех.

– Но я ее сгубил, – спокойно заявил Деряба. – И ты жив.

Они еще немного помолчали. Поскольку незнакомец не торопился с ответом, Деряба заговорил снова.

– Я хочу уйти, – сказал он. – Просто дай нам уйти, и мы тебя не тронем.

Незнакомец по-прежнему молчал. Тогда Деряба положил руку на предплечье Хлюпа и пригнул его лук книзу.

– Вот, – сказал он, внимательно глядя на незнакомца. – Теперь я беззащитен перед тобой. Решай, как поступишь.

Еще несколько мгновений незнакомец держал Дерябу на прицеле, затем тоже опустил свою ольстру.

– Ладно, – проговорил он с досадой. – Сейчас ступай. Но в следующий раз пощады не жди.

– Не буду, – пообещал Деряба. – Но и ты помни: ежели снова попадешься на моем пути, медлить не стану. Уходим, ребята! – гаркнул Деряба.

Миг – и шайка разбойников растворилась, исчезла в облаках поднятой копытами лошадей пыли.

Незнакомец дождался, пока они уедут подальше, затем устало вложил ольстру в кобуру и взглянул на сидевших в подводе людей – купчиху и седого мужчину со слюдяными кружочками на глазах.

– Как вы сюда попали? – спросил он.

– Заплутали, – ответил седой. – Сбились с дороги и заплутали.

Незнакомец дернул уголками губ, что, должно быть, означало усмешку.

– Далеко же вас занесло, – сказал он. – Отсюда полверсты до Гиблого места.

Купчиха покосилась на черную стену леса и сделала знак для отвода дурных сил.

– Мы, батюшка, того и не ведали! – промолвила она.

Незнакомец откинул со лба длинную каштановую прядь и сказал:

– Я заберу у вас одну подводу. Хочу увезти спуржун-птицу в Порочный град. Подводу оставлю в Хлыне, на постоялом дворе Дулея Кривого. Там и заберете.

– Да, батюшка, конечно, бери, – поспешно проговорила купчиха. – Я чай, за тварь эту хорошо заплатят?

Незнакомец ей не ответил. Он вынул из ножен меч и двинулся к распростертым на дороге человеческим телам. Несколько минут он был занят тем, что отрубал мертвецам головы.

Купчиха и седой отвернулись, чтобы не видеть этого. Они знали: незнакомец рубил головы, опасаясь, что мертвецы превратятся в упырей.

Купчихе, которую звали Истрина, пришлось однажды видеть упыря вблизи. Дело было во время ночных гуляний, посвященных богу Роду. Ходячий мертвец, которого голод погнал далеко от Гиблой чащобы, вышел из ночного леса, схватил одну из девок и утащил ее в лес.

Парни, которые были с девкой, перепугались. Упырь был неповоротлив, но никто из них даже не попытался его догнать. С утра деревенские объявили облаву и даже взяли след упыря, но за ночь он успел уйти далеко, а соваться за ним в Гиблое место никто не посмел.

Управившись со своей жуткой работой, незнакомец тщательно обтер меч об дерюгу и вложил его в ножны. Затем взглянул на мертвую спуржун-птицу и что-то подсчитал в уме.

Истрина знала, что внутренности и части тела многих обитателей Гиблого места обладают чудодейственными свойствами. Говаривали, к примеру, что кровью лесной нелюди можно лечить многие болезни. Впрочем, кровь нелюдей стоила так дорого, что даже ей, состоятельной купчихе, была не по карману.

Незнакомец глянул на седого и попросил:

– Помоги мне погрузить тварь в телегу.

Сказал вроде негромко, а голос был такой, что не ослушаешься. Седой слез с подводы и боязливо подошел к мертвой спуржун-птице. Загрузить в телегу пятипудовую крылатую тварь оказалось делом нелегким, однако вдвоем они справились быстро.

Незнакомец привязал своего коня к телеге, запряженной двумя крепконогими лошадками, отер рукавом куртки потный лоб и сказал, обращаясь к Истрине и седому:

– Через версту с гаком будет развилка. Свернете направо и доедете до рассеченного молнией дуба. Там свернете налево. Дорога побежит по чистому полю. К вечеру будете в Хлынь-граде. Мороки на небе разошлись, а до заката еще далеко, так что бояться вам пока нечего.

Истрина робко улыбнулась.

– Спасибо тебе, добрый молодец. А ты сам-то как же?

– Я напрямик, – коротко ответил незнакомец. – По лесной тропе.

Светлые глаза Истрины слегка потемнели. Она опасливо покосилась на лес и тихо проговорила:

– Так ведь там темные твари. Нешто не боишься?

Парень усмехнулся.

– Боюсь. Но думаю, что меня они боятся больше.

Незнакомец поправил на поясе сумку-ташку, затем достал из нее несколько небольших вещиц и вставил их в свою страшную ольстру. Потом положил ольстру в подводу, взял в руки вожжи и, пожелав купчихе и седому страннику удачи, погнал телегу к лесу.

– Да помогут тебе боги, добрый человек! – крикнула ему вслед Истрина.

Телега, подпрыгивая на кочках, съехала на лесную тропу и скрылась за деревьями.

Седовласый мужчина поправил пальцами слюдяные кружочки на глазах и тихо спросил:

– Интересно, кто это был?

– Ходок, кто ж еще, – так же тихо ответила Истрина.

– Ходок?

Истрина покосилась на седого с сомнением.

– Ходок в места погиблые. Нешто не слыхал?

Тот качнул головой:

– Нет.

– Ну, стало быть, еще услышишь. – Истрина отвернулась и с тревогой посмотрела на солнце. – Скоро будет темнеть. Пора отсюда уезжать.

Седой неуверенно посмотрел на обезглавленные тела охоронцев.

– А с ними что делать?

– Этим уже не поможешь, – ответила Истрина. – Как солнце сядет, понаползут из леса темные твари и до косточек обглодают. Ну все, седай в подводу.

Устроившись на подводе, Истрина стегнула лошадей поводьями и прикрикнула:

– Н-но, пошли!

Лошади словно того и ждали. Они резво взяли с места и, набирая скорость, понесли подводу прочь от жуткого места.

Когда подвода скрылась из глаз, Прошка, про которого все в суматохе позабыли, выбрался из кустов бузины и медленно подошел к лежащему у обочины купцу Жадану.

Ходок справился со своей работой неважно. На шее купца темнел глубокий рубец, но голова не полностью отстала от тела.

Мальчик нахмурился, нагнулся и поднял с земли окровавленный меч.

Некоторое время Прошка стоял перед трупом с мечом в руках, тощий, худой, бледный, с темными, глубоко запавшими глазами. Потом нахмурился и швырнул меч на землю.

– Не смогу я, – дрогнувшим голосом пробормотал он. – Ты вот что, Жадан... Ежели оживешь, меня не ищи. А найдешь, тебе же будет хуже. Потому что тогда я сам тебя убью.

Сказав так, мальчик повернулся, сошел с дороги и затрусил через поле мелкой рысью – все дальше и дальше от Гиблого леса.

3

Дверь открылась, и через порог переступил чернобородый Коломец.

– Вот, – хрипло сказал он и втолкнул в комнату Прошку. – Пострела нашего к тебе привел.

Деряба убрал от жирного рта кусок вареной говядины и глянул на мальчишку маслянистыми от сытости и хмельного меда глазами.

Мальчишка едва стоял на ногах от усталости. Ясное дело, добирался до схрона пехом. Часа два, наверно, брел, не меньше.

Деряба отер рукавом рот и спросил:

– Чего хочешь?

– Атаман... – Голос мальчишки звучал тихо и сипло. – Возьми меня в свою ватагу.

– В ватагу хочешь? – Деряба криво ухмыльнулся. – А на что ты мне?

– Я тебе пригожусь, – пробормотал Прошка, пошатываясь от усталости. – Я ловкий... На мне мяса нет, а кости у меня гибкие, как ивовые прутья. В любую дыру пролезть смогу.

– Гм... – Деряба задумчиво поскреб жирными пальцами волосатую щеку. В голову ему, кажется, пришла какая-то идея. – Гм... – снова проговорил атаман и, скосив глаза на Прошку, заинтересовался: – Души не губливал?

Прошка покачал головой:

– Нет.

– А коли придется, погубишь?

– Коли нужда заставит, так погублю.

Атаман посмотрел на парня с жестким прищуром.

– Ладно. Присягай мне.

На худом лице мальчишки появилась растерянность.

– А как присягать-то? – неуверенно спросил он.

– Повторяй за мной: «Присягаю не щадить живота моего за атамана и товарищей...»

– Присягаю не щадить живота моего за атамана и товарищей, – послушно повторил мальчишка.

– Попадусь в полон, никого не выдам. Будут бить, стану молчать. Будут истязать, стану молчать.

Прошка повторил и это.

– Резать будут, буду нем, как рыба, – продолжил Деряба.

– Резать будут, буду нем, как рыба, – тихо отозвался мальчишка.

– А нарушу клятву, быть мне убиту, как собаке!

– А нарушу клятву, быть мне убиту, как собаке.

Деряба усмехнулся и незаметно подмигнул Коломцу.

– Молодец, пострел! Теперь ты в моей шайке. – Он вынул из деревянной тарелки большой кусок мяса и швырнул его Прошке.

Тот поймал мясо и с жадностью впился в него зубами. Атаман посмотрел, как он рвет мясо и глотает его, не жуя, и покачал головой.

– Теперь вот что, – снова заговорил он. – Отъешься, отоспишься, а с утра двинешь в Порочный град.

На мгновение мальчишка перестал работать челюстями.

– В Порочный град? – переспросил он, не поверив своим ушам.

Деряба кивнул:

– Да. Переоденешься нищим.

Мальчик опустил руку с куском мяса и, глядя на Дерябу гневно замерцавшими глазами, глухо проговорил:

– Я никогда не побирался.

– Ничего, научишься, – отозвался атаман. – И зенками на меня не сверкай. Я тебя в Порочный град для дела посылаю. Поброди там, послушай.

– А чего слушать-то?

– Все, что может пригодиться. Особо на купчишек поглядывай. Может, кто чего сболтнет по пьяной лавочке. Нынче многие купчишки свой товар тайными тропами возят. Вот об этом и слушай. И вот еще что. Кто такие ходоки, знаешь?

– Ходоки в места погиблые? – переспросил Прошка.

Атаман кивнул:

– Ну.

– Кто ж про них не знает.

– А сегодняшнего ходока, который за головой моей приезжал, помнишь?

– Помню.

– Сможешь его, ежели случится, распознать?

– Верно, смогу.

– Хорошо. Увидишь, бросай все и ковыляй за ним. Узнай мне про него все, что

сможешь.

Прошка с сомнением нахмурился.

– А зачем тебе это?

– Должок ему хочу отдать. Ежели найдешь да разузнаешь, награжу деньгой. Все понял?

– Да.

– Ну и ладно. Теперь доедай да заваливайся спать. Коломец, подыщи ему топчан да местечко потеплее.

Чернобородый разбойник кивнул.

– Сделаю. Слышь ты, пострел, пошли!

Он хотел взять мальчишку за шиворот, но тот увернулся и, прижав к груди кусок мяса, сам выскочил из комнаты. Коломец хотел шагнуть за ним, но атаман его окликнул:

– Погоди-ка.

Коломец остановился и вопросительно взглянул на Дерябу.

– Чего?

– Мальчишку могут узнать, – негромко проговорил тот. – Так ты поработай над его мордой. Только не сильно. Нос и глаза не режь. И гляди, чтобы кровью не истек.

Коломец приподнял черную бровь и недоуменно спросил:

– Как же он – в тряпках, что ли, в град пойдет?

Деряба насмешливо прищурил недобрые глаза:

– А чего? Так даже жалостливее. Ну, все, иди.

Подождав, пока за Коломцом закроется дверь, Деряба запустил руку в тарелку, выбрал самый жирный кусок мяса и, запихав его в рот, мерно заработал челюстями.

4

Это был странный мужчина. На вид – лет тридцать пять – сорок, но голова уже седая, словно у старика. Но самым любопытным были прозрачные слюдяные кружочки, которыми он зачем-то прикрывал глаза.

Впрочем, Хомяч не особо удивился. В Порочный град приходит много чудных людей. Этот приехал на подводе, накрытой рогожей. Увидев Хомяча, он остановил лошадей и громко проговорил:

– Эй! Ты тут старожил?

Хомяч, сидевший на бревне перед полыхающим в сумерках костерком, глянул на незнакомца острыми глазками.

– Старожил – грыжу нажил, – ухмыльнулся он беззубым ртом. – А тебе чего надо-то?

Незнакомец слез с подводы. Затем вытащил из-под рогожи бурдюк, вынул пробку и протянул бурдюк старому бродяге.

– Тут водка, – объяснил он. – Хочешь хлебнуть?

Бродяга прищурился на бурдюк и сглотнул слюну. Затем неуверенной рукой принял бурдюк, сунул в него багровый нос и недоверчиво принялся.

Седой смотрел на Хомяча с любопытством.

«Вот глядит, – подумал Хомяч недовольно. – Должно быть, путешественник. Они все любопытные».

Хомяч запрокинул плешистую голову и хорошенько отхлебнул из бурдюка. Водка горячей волной пробежала по груди.

– Ух... хороша...

Седой путешественник улыбнулся.

– Рад, что тебе понравилось. Как тебя зовут?

– Хомяч, – ответил бродяга.

– Послушай, Хомяч, я тут человек новый. Ничего про местные обычаи не знаю. Будь добр, расскажи мне про Порочный град.

– Я бы рассказал, да не знаю, что.

– Все, что найдешь нужным. Я прибыл издалека, из земель моравийских. До нас доходят только слухи. А я, перед тем как самому осматриваться, хочу, чтобы мне кто-нибудь про здешние дела поведал.

– Что ж, – улыбнулся Хомяч, – коли так, то расскажу. Только рассказ свой издалека начну, ладно? – Бродяга снова отхлебнул из бурдюка, обтер губы ладонью и заговорил: – Годков этак пять назад наша княгиня Наталья захворала. Ну, тогда-то она еще была княжной. Вот, значит, захворала она, и спасения ей от хворобы никакого. Пришел тогда один лекарь чужеземный да и говорит: «Добудьте, говорит, пробуди-траву для княжны, а то помрет». А трава та только в Гиблом месте и растет. И порешил князь отрядить на поиски пробуди-травы отрядик.

Слюдяные кружочки на глазах путешественника блеснули, отражая свет костра.

– А в ту пору был в городе один странник, – продолжил, поглядывая на него, Хомяч. – Звали его Глеб. Вызвал его к себе князь и говорит: «Пойди, – говорит, – в Гиблое место и разыщи мне пробуди-траву...»

– А почему он обратился к этому страннику? – поинтересовался седой.

– Так ведь из наших никто в Гиблое место не пошел бы. Даже княжьи охоронцы и те бы трусили.

– Это почему же?

– Да потому что, кто в Гиблом месте погибнет, тот упырем станет и будет по свету бродить да кровушку людскую пить.

Седой путешественник поправил пальцами слюдяные кружочки на глазах и сказал:

– Ты это серьезно?

– А то как же, – усмехнулся Хомяч. – Это всем известно. Вот и послал князь Глеба-чужеземца в Гиблое место. А с ним еще четырех полонцев.

– Полонцев?

Бродяга кивнул:

– Угу.

– За что ж их полонили?

– Да за разное. Охотник Громо́л княжьего мытаря насмерть побил. Васька О́льха бурую пыль добывал в обход княжьего указу. Был с ними еще один печенег, да я его имя позабыл. И еще один старик – навроде меня.

– Про бурую пыль я знаю, – кивнул путешественник. – Чрез ваших торговых людей она и до нас дошла. Так, значит, вы ее в Гиблом месте добываете?

– Ясное дело, там. Все, что в нашем княжестве чудного есть, все оттудова. Так вот и послал князь отрядик в Гиблое место. Да только отрядик тот сгинул.

– Сгинул? Весь?

Хомяч покачал головой:

– Не, не весь. Остался Глеб. И еще один охоронец, что с ними увязался, по имени Крысун.

– А зачем он с ними увязался?

– Мысль хитрую имел. И не прогадал. Когда он из места Гиблого вернулся, много чудных вещей принес. Да и бурой пыли, сказывают, немало нашел. Пришел из Гиблого места – и враз разбогател.

Путешественник помолчал, обдумывая рассказ старого бродяги. Хомяч тем временем снова отхлебнул из бурдюка и подбросил в костер немного валежника. Пламя разгорелось ярче.

– Значит, полонцы погибли, – задумчиво проговорил путешественник. – А как же они погибли?

– Да кто как. Ваську О́льху, татарина и охотника газарцы лесные пиками проткнули. А старец Осьмий в упыря оборотился.

Глаза путешественника моргнули два или три раза за прозрачными кружочками слюды.

– Чудные дела у вас в княжестве творятся, – недоверчиво проговорил он.

– Это верно, – согласился бродяга и снова потянул бурдюк к губам.

Седой подождал, пока он отхлебнет, и спросил:

– Так что ж теперь с Гиблым-то местом? И отчего здесь град Порочный вырос?

– А это очень просто, – ухмыльнулся Хомыш. – После того как Крысун разбогател, много охочих нашлось в место Гиблое прогуляться. Да только обычный человек в Гиблом месте не уцелеет. Вот и стали люди для того ходоков нанимать. Вроде провожатых. Чтоб те им помогли из Гиблого леса чудных вещей принести.

– И что, в Гиблое место постоянно кто-то ходит? – поинтересовался седой.

Бродяга отрицательно качнул плешивой головой:

– Да нет, конечно. Вот только ходоки... Те только Гиблым местом и живут. Если людишек не водят, то на нечисть охотятся. Силки на упырей да волколаков ставят.

– Как силки? – не понял путешественник. – Зачем силки?

Бродяга насмешливо прищурился.

– А ты в местных кружалах еще не был?

Путешественник покачал головой:

– Нет.

– Зайдешь – поймешь. – Хомыш отхлебнул из бурдюка, вытер рот ладонью и, усмехнувшись, добавил: – Нечисть нынче в цене. Бава Прибыток и Крысун за хорошего оборотня могут целую жменю золотых денег отвалить.

– Зачем же им оборотни? – удивился путешественник.

– Да ясно зачем. В здешних кружалах твари лесные в клетках дерутся, а пришлые люди на них денежку ставят. И людям развлечение, и Баве с Крысуном доход.

Бродяга облизнул губы и, понизив голос, добавил:

– А есть еще такие, которые с нелюдью да волколаками любовными утехами занимаются. Это, конечно, дороже.

Лицо путешественника, освещенное пламенем костра, вытянулось от изумления. Слюдяные кружочки полыхнули рыжим огнем.

– Тут и это дозволено?

– Дозволено, – кивнул бродяга. – Волколачихи часто красивые попадают. Не говоря уж про нелюдь.

Седой путешественник задумался. Было видно, что ему стоит огромного труда осмыслить слова Хомыча.

– Нда... – проговорил он наконец. – Скажи-ка, Хомыш, а кто из ходоков самый лучший?

– Лучший-то? Гм... Многих я ходоков знавал, которые из Черного бора да из Гнилой чащобы не вернулись. А с ними и людишки, что за чудесами отправлялись, сгинули. А Глеб-Первоход уже пять годков в Гиблое место ходит. И по сию пору жив.

Бродяга счел нужным подкрепить свои слова хорошим глотком водки. В голове у него уже слегка помутилось, и соображал он довольно туго, но зато на сердце с каждым глотком становилось теплее и радостнее.

Все-таки какой молодец этот Глеб-Первоход, что водку изобрел. Жаль только, что секрет ее приготовления он купцу Баве продал. Продав и условие жестокое вместе с деньгами взамен получил – более никому секрет тот не раскрывать.

Огонь в костре слегка поугас. Путешественник, продолжая о чем-то думать, поднял с земли парочку толстых палок и бросил их в костер. Пламя приподнялось, и слудяные кружочки на глазах седого снова засверкали.

– Послушай, Хомыш, ежели Гиблое место такое страшное, почему же в него люди ходят?

Бродяга грустно улыбнулся.

– Эх, мил человек... Людишки – они ведь мечтами живут. Жизнь кругом обрыдлая. Неурожаи, поборы, хворобы, зверье. А хуже зверья – люди. То хазары набегут и села огнем пожгут, то соседнее княжество войной пойдет. И некуда простому человеку от бед и несчастий деваться.

– Ну, так и просили бы о помощи богов, – сказал на это седой странник. – Зачем в Гиблое место-то идти?

Хомыч горестно усмехнулся.

– На богов нынче уж никто не надеется. А из мест погиблых, коли живым вернешься, так и счастья с собой кусочек принесешь. Не всегда, конечно, но... Погоди-ка. А тебе самому-то Гиблое место зачем?

Путешественник снял с глаз кружочки, протер их краем рубахи и снова посадил на нос. Потом посмотрел сквозь эти кружочки на бродягу и сказал:

– Я, Хомыч, тоже чуда хочу.

– Вона как. – Бродяга крикнул. – А голову за чудо сложить не боишься?

Седой усмехнулся и проронил:

– Недорого она нынче стоит, голова-то моя.

– Что так? – прищурился бродяга.

– Да вот так.

Они немного помолчали, глядя на огонь. Седой хмурил брови, Хомыч улыбался. Языки пламени двоились и кружились в его глазах, и Хомычу это зрелище представлялось уморительно веселым.

Вдруг где-то неподалеку ухнул филин. Седой вздрогнул и рассеянно перекрестил себя щепоткой. Брови Хомыча взлетели вверх. Вон оно что! Этот седой чудак – христианин! Ну и дела. А с виду нормальный человек.

– Слышь-ка, – тихо заговорил Хомыч, глядя на путешественника любопытными глазами, – а ты часом не христианин?

– Христианин, – тихо и серьезно ответил путешественник. – А что?

– В единого бога веруешь?

– Верую.

– А правду говорят, что ваш бог к кресту прибит и плачет?

– Он не просто так плачет, – сказал седой. – Он о тебе и обо мне плачет.

Хомыч прищурил маленькие, насмешливые глазки:

– Чего ж он обо мне плачет? Жалеет, что ли?

– Жалеет, – согласился седой.

Хомыч усмехнулся. Он никогда не мог понять, как это один бог может управляться с огромным миром. У лешего вон каждый пенёк в лесу наперечет. А кто за Дажьбога солнце зажжет? А кто тучку над посевами растянёт, ежели Стрибога не станет? А мертвецов кто для помощи людям снарядит, коли Чернобог в тень не уйдет? Хозяйство-то вокруг огромное. Одному богу никак не справиться.

И потом: куда ж все остальные боги подевались, если один Иисус остался? Нешто он их всех перебил?

Хомыч хотел было расспросить обо всем этом путешественника, да передумал. Вместо этого он сузил морщинистые глаза и сказал:

– Слышь-ка... Ты знай: у нас ваших не больно жалуют.

– Почему? – удивился седой.

– Потому, что вы своих мертвых в землю закапываете и дожидаться под землей второго пришествия заставляете. А мы наших мертвых на кострах погребальных сжигаем и чрез то – в небо отпускаем.

Путешественник улыбнулся.

– И что, хорошо вашим мертвым на небе?

Хомыч подумал и ответил:

– Пожалуй, что не очень.

– Это потому, что все они жили в грехах и ничего о другой жизни не ведали, – объяснил седой. – А грехи – они ведь как пути железные. Опутай ими голубя, высоко ли голубь взлетит?

Хомыч рассеянно сморгнул, но не нашелся, что на это сказать.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул седой. – А Иисус научил, как людям от этих пут избавиться.

Бродяга покачал головой:

– Ты лучше никому про Иисуса своего не рассказывай. А то могут и убить. У нас тут народ лютый. Чиркнут ножичком по горлу да в овраг бросят.

– Кровь мучеников – семя христиан, – непонятно сказал путешественник. – Чем меня попусту пугать, ты лучше скажи: где мне Глеба-Первохода вашего найти?

– Да где и всегда, – с усмешкой ответил бродяга. – Небось в большом кружале сидит. Он там завсегда обитает, когда в Гиблое место не ходит.

– А узнать мне его как?

– Спроси, любой покажет.

Путешественник поднялся с бревна и слегка размял затекшие ноги.

– Пойду познакомлюсь, – сказал он.

– Познакомься, – кивнул бродяга. – Чего ж не познакомиться. Только, слышь-ка, ты с ним поосторожнее. Ольстра у него громовая, да и меч-всеруб на боку не для шутки висит.

Седой улыбнулся:

– Хорошо, что предупредил. У меня к тебе еще одна просьба, Хомыч. Покарауль, пожалуйста, мою подводку. Я человек небогатый, но отблагодарю.

– Это мы можем, – кивнул Хомыч. – А с бурдюком-то как? Оставишь, что ли?

– Оставлю. Только много не пей. Я слышал, от водки люди дуреют.

– Насчет этого не беспокойся, – заверил его Хомыч. – Я свою меру знаю.

Он подмигнул путешественнику и снова приложился к заметно отощавшему бурдюку.

5

Комнатка была небольшая. Из мебели только кровать, стул да шкаф. И еще бронзовое зеркальце на стене. Снизу доносились отзвуки непрекращающейся гулянки. Играла музыка, орали пьяные мужики. В Порочном граде жизнь не останавливалась ни на секунду.

Лежащая в постели девушка была тонка и изящна. Лицо скуластое, загорелое, с нежными чертами. Глаза большие, ярко-синие. Волосы темные, мягкие. Зовут Диона. Странное имя, нездешнее.

Глеб Орлов опустил босые ноги на пол и покосился на кисти рук Дионы, обмотанные белыми тряпочками.

– Ты так и не сказала, что у тебя с руками.

Диона, едва прикрытая одеялом, отвела взгляд и удрученно вздохнула.

– Кипятком обварила. А тебе было противно?

Глеб покачал головой:

– Нет. Ты показывала руки лекарю?

– Показывала. Он дал мне траву и велел прикладывать.

Глеб кивнул. Затем достал из берестяной коробки самодельную сигарету, набитую сушеной и измельченной бутовой травой. Не «Мальборо», конечно, но на безрыбье и рак рыба. Впрочем, Глеб давно забыл вкус настоящих сигарет. Как и многое другое из того, что связывало его с прошлой жизнью.

– Первоход, – тихо окликнула его девушка. – Ты придешь ко мне еще?

Глеб высек из огнива клочок огня и зажег сигарету. Скользнул взглядом по ладной фигурке девушки, затем перевел взгляд на ее загорелое лицо с темными губами.

И акцент у нее какой-то странный.

– Откуда ты, Диона? – спросил Глеб.

– Издалека, – ответила девушка.

– И давно здесь работаешь?

– Четвертый день. А ты почему спрашиваешь?

Глеб выдохнул густое облако дыма, посмотрел сквозь него на девушку и спросил:

– Нравится работа?

Диона улыбнулась и ответила томным голосом, явно повторяя преподанный сводней урок:

– С тобой мне понравилось. Очень!

И все-таки странно, как такая красивая и юная девушка оказалась в утешном доме, снова подумал Глеб.

Впрочем, всякое бывает. Крепко затянувшись сигаретой, Глеб погасил окурок в кадке с геранью, обул кожаные ичиги, поднялся с кровати и привел в порядок одежду. Потом потянулся в карман за деньгами.

– Сколько?

Диона назвала цену.

Орлов удивленно приподнял брови. Не слабо! Такую цену за людей обычно не платят. Вот если бы Диона была волколаком...

Глеб представил себе собаку с головой Дионы и поморщился. Мерзость. Удивительно, как много вокруг извращенцев, готовых платить огромные деньги за коитус (иначе это и назвать нельзя) с лесной нечистью.

– Хозяин дорого тебя ценит, Диона, – сказал Глеб и выложил на стол несколько золотых монет.

Девушка хороша и мила, но жалеть ее не стоит. Силком ее сюда никто не тянул. В Порочном граде все работают по доброй воле. Кроме, конечно, запертых в клетки тварей, добытых Глебом и его коллегами-ходоками в Гиблом месте.

Последние пять лет сильно изменили Глеба. Прошлая жизнь теперь представлялась ему далеким полузабытым сном. Новый альбом Алины Полях, кутежи русских олигархов в Куршевеле, репортажи из ночных клубов Москвы и Питера – все то, о чем он когда-то писал, теперь казалось ему сущим бредом.

Реальность – настоящая, с запахом, вкусом и болью – была здесь. За много лет до наступления христианской эры, в жестоком языческом мире, по сравнению с чудесами которого все «чудеса» двадцать первого века представлялись ничтожными дешевыми фокусами.

Попрощавшись с Дионой, он вышел в коридор и стал спускаться вниз по узкой деревянной лестнице.

Глеб залпом выпил холодную водку и поставил оловянный стаканчик на стойку. Водка была неважная, хотя Фрол (Глеб сам его этому научил) прогонял ее для очистки сквозь древесный уголь.

Занюхав водку горбушкой хлеба, Глеб достал из кармана самодельную оловянную вилку, наткнул на зубья соленый рыжик и отправил его в рот.

В кружале играла музыка. Ритмичный грохот барабана перекрывал перезвон бубна и тонкое, бьющее по нервам завывание флейты. На стенах горели факелы, а на круглом возвышении, отгороженном от переполненного народом зала железными прутьями клетки, извивалась в нелепом танце женщина-нелюдь.

Ее огромные молочно-белые груди размеренно колыхались из стороны в сторону, а шесть необычайно гибких рук складывались в удивительные фигуры, подчеркивая ритм музыки.

Глеб знал, что эти грациозные руки, увенчанные длинными когтистыми пальцами, так сильны, что могут легко задушить даже быка.

Эту грудастую мегеру он сам поймал позапрошлой зимой. Защищая свою жизнь, девчонка едва не сломала ему шею.

– Озар! – окликнул Глеб целовальника. – Дай мне кувшин!

Целовальник Озар, огромный флегматичный мужик, нагнулся, открыл крышку погребка, достал с ледника запотевшую глиняную крынку, запечатанную притертой пробкой, и поставил на стойку.

– Из Гиблого места? – поинтересовался он, скользнув взглядом по усталому лицу

Глеба.

Тот взял стаканчик и кивнул:

– Угу.

– Понятно. – Озар помялся немного и сказал: – Тут такое дело, Первоход... Брательник мой младший хочет стать ходоком. Я ему пытался втолковать, что все это дурь да блажь. Рассказывал, что у ходоков не жизнь, а сплошное мучение. Что они мрут, как мухи. Что их не любят ни боги, ни духи, ни люди. А он ни в какую. Уперся, и все тут. Уж и не знаю, как его отговорить. Вот я и думаю: может, ты подсобишь?

– Как?

– Потолкуй с ним. Расскажи чего-нибудь. Тебе и выдумывать ничего не надо, от твоей правды любого человека наизнанку вывернет. Пусть он просто в глаза твои посмотрит. Подсобишь?

Глеб усмехнулся:

– Запросто.

– Тогда я его как-нибудь приведу?

– Валяй, – кивнул Глеб.

Озар взял с полки тарелку с аккуратно нарезанным черным хлебом и несколькими шматочками соленого свиного сала, предназначенного для кого-то из посетителей, и поставил перед Глебом.

– Заведение платит, – сказал он и отошел в другой конец стойки, чтобы не мозолить Глебу глаза.

Люди побаивались и ненавидели ходоков, считая их, и не совсем безосновательно, существами Гиблого места. Менее жуткими, чем упыри и волколаки, но такими же чужими и непонятными.

Глеб выпил водки, заел салом и краюхой хлеба и снова посмотрел по сторонам.

Бава Прибыток и Крысун отгрохали великолепный зланный град, разместив его в трех верстах от пограничной межи, отделяющей Гиблое место от остального мира. Название «Порочный» полностью соответствовало тому, что здесь творилось.

По периметру града стояли будки с дозорными, призванными отражать вылазки нечисти, буде такие произойдут. Впрочем, нечисть перла сюда из леса нечасто.

Расцвел Порочный град быстро. Да и как тут не расцвести? Здешные заведения могли дать усталому человеку все, чего ему не хватало в обычной жизни: острые ощущения, сладострастные утехы, звериную разнузданность и полную безответственность.

На Град Порочный не распространялись никакие княжьи законы и указы. В обмен на то, что князь Егра закрывал глаза на творящиеся здесь дела, Бава Прибыток и Крысун щедро и регулярно пополняли его казну.

Иногда Глеб испытывал настоящую ненависть к этому средневековому «Лас-Вегасу». Знание о том, что сам он стоял у истоков возникновения Порочного града, заставляло его ненавидеть себя. И все же Порочный град давал ему возможность неплохо зарабатывать.

Гиблое место – особый разговор. С каждым месяцем ходить туда становилось все труднее и труднее. В тех местах, которые считались безопасными, вдруг появлялись новые ловушки.

Не было недостатка и в темных тварях.оборотни и волколаки становились хитрее. Даже упыри, несмотря на всю свою тупость, проявляли чудеса изворотливости. Фактически каждая третья экспедиция заканчивалась гибелью ведомого. Глебу пока, тьфу-тьфу, везло. А вот другим...

Глеб наполнил свой стаканчик водкой – светлая им память.

Иногда у Глеба появлялось ощущение, что Гиблое место защищает себя от натиска непрощенных гостей. Глупость, конечно, но как объяснить эти постоянные метаморфозы?

Месяц назад, прорубаясь сквозь чащобу, Глеб запутался в ветвях и вдруг понял, что ветви деревьев не просто хлещут его по лицу и груди, но пытаются схватить его, скрутить, обездвижить. А когда он стал рубить эти ветви, из зарубок потекла странная смола, похожая

на кровь. Да и пахла она кровью.

Или взять хоть тот случай с ягодами костяники, произошедший неделю назад. Один из ведомых не послушался и, сорвав на ходу гроздь костяники, отправил ягоды в рот. И тут же кожа на его лице стала деревенеть и темнеть. Не прошло и минуты, как ведомый из живого человека превратился в жуткое подобие деревянного идола, покрытого морщинистой, грубой корой.

Случалось и кое-что пострашнее. Впрочем, Глеб предпочитал об этом не вспоминать.

Несколько раз он пытался добраться до Пепельного озера, но все попытки закончились ничем. Вместо озера перед Глебом белели густые облака белого тумана, плотные, высотой в человеческий рост. Зайти в этот туман Глеб решился лишь один раз, но тут же с воплем выскочил из него. Ощущение было такое, словно на него разом навалились все страхи, которые он испытал в жизни. Больше Глеб такие опыты не повторял.

Чудные вещи, которые люди таскали из Гиблого места, были удивительны и в большинстве своем абсолютно бесполезны. Многие из них отправляли своих хозяев на тот свет прежде, чем те добирались до дома.

Впрочем, случалось и обратное. Иные владельцы чудных вещей становились неуязвимы. Другие богатели. Третьи излечивались от страшных болезней. Глядя на них, чуда жаждали и все остальные. Поток желающих отправиться за чудными вещами не иссякал. А пока дело обстояло подобным образом, Глеб не оставался без работы.

В очередной раз наполняя водкой стаканчик, Глеб обратил внимание на вошедшего в кружало мужчину.

Явный новичок в подобных местах. Среднего роста, седой, со слюдяными кружочками на глазах. Глеб его сразу узнал. Это был тот странный субъект, которому вздумалось путешествовать вблизи Гиблого места в компании купца Жадана и тощей купчихи, которую разбойники едва не спалили заживо.

«Приехал за острыми впечатлениями, – подумал Глеб неприязненно. – А насчет очков он молодец. Интересно, сам придумал или кто подсказал?»

Седой некоторое время таращился по сторонам. Он был явно в шоке от всего увиденного. От матерного гвалта, от разнузданной музыки, от дыма факелов и, главное, от вида обнаженной нелюди, трясущей грудями за прутьями клетки.

Очкастый остановился у стойки и взглянул на Глеба. В глазах его промелькнуло удивление.

– Ты? – не веря своим глазам, спросил он и слегка попятился. – Значит, купчиха не ошиблась! Ты действительно ходок!

Глеб нахмурился. Черт бы побрал этого очкарика. Пожалуй, если он не отстанет, стоит взять его за шиворот и вышвырнуть из кружала. Бава Прибыток, конечно, будет недоволен, он дорожит репутацией заведения, но уж с Бавой и Крысуном Глеб как-нибудь договорится.

– Так ты и есть Глеб-Первоход? – спросил седой и приветливо улыбнулся.

Глеб покосился на седого и хмыкнул.

– Чувствую, что я еще об этом пожалею, но – да.

Седой поправил пальцем очки и вдруг сказал, искоса поглядывая на Глеба:

– Пятьсот золотых солидов. Я готов заплатить их тому, кто мне поможет.

Глеб облизнул губы. Несколько секунд он сидел молча, уставившись в стаканчик с водкой. Пятьсот золотых солидов. Этой суммы ему хватило бы, чтобы «завязать» навсегда. Купить избу в Болгарском царстве, на берегу Черного моря. И чтобы больше никакого Гиблого места, никаких упырей и оборотней.

Глеб холодно усмехнулся своим мыслям, медленно повернул голову, посмотрел на незнакомца и осведомился:

– Как тебя кличут, чужеземец?

– Имя по крещению Тимофей. Прозвище – Лагин, – представился седой и поправил пальцем очки. – Ученый муж. Приехал из Моравии, где прожил десять лет. Но родом отсюда.

– Чего хочешь? Только коротко.

– Мне нужно пройти в Гиблое место, – сказал Лагин тихо, почти шепотом. – Очень нужно. Ты мне поможешь?

– Поведай о себе, – потребовал Глеб.

– Ну... я много странствовал. Десять лет назад осел в Моравии и стал учеником алхимика Гербериуса.

Глеб поморщился.

– Меня не интересуешь ни ты, ни твой учитель. Мне интересны только твои золотые солиды. Если, конечно, они существуют в природе. Откуда они у тебя?

– Солиды существуют. У меня есть рецепт превращения свинца в золото путем обработки свинца эдельфийской кислотой.

Глеб напряг память, пытаясь вытащить из нее сведения, полученные на уроках химии целую вечность тому назад. Название «эдельфийская кислота» ничего ему не говорило.

– Значит, ты богат? – сухо уточнил Глеб.

Лагин усмехнулся и покачал головой:

– Нет. У меня есть только шестьсот талеров. Запасы эдельфийской кислоты достались мне от Гербериуса. И они быстро иссякли.

– Попроси у Гербериуса еще.

– Не могу. Он давно умер.

– Вот как, – неопределенно проговорил Глеб. – А от меня тебе чего надо?

Седой очкарик чуть прищурился.

– Я уже сказал тебе, что знаю состав эдельфийской кислоты. Но в нее входят три частины, которые можно добыть только в Гиблом месте.

– Что за частины?

– Бурая пыль, выжимка цветка эльфенита и грязь из голодной прогалины.

Глеб усмехнулся.

– Эта грязь разъедает все дочиста. Разве ты не знал?

Лагин покачал седой головой:

– Не все. А только живые организмы.

Глеб нахмурился. За последние пять лет он много раз видел, как прогалины пожирали людям ноги, но штанины и сапоги при этом оставались целехоньки. Но откуда об этом известно приезжему ученому?

– Значит, ты хочешь отправиться в Гиблое место за частинами для своей кислоты?

– Да. Если дело выгорит, пятьсот солидов будут твоими.

– Что ж... Хорошо. А теперь говори правду, – неожиданно потребовал Глеб.

Очки Лагина удивленно блеснули.

– Что ты имеешь в виду?

Глеб стиснул стаканчик и процедил сквозь зубы:

– Будешь и дальше валять дурака, выбью твоей головой окно.

Несколько секунд Лагин молчал. Затем улыбнулся и проговорил с легкой досадой:

– Ты очень проницателен, ходок. Хорошо, я скажу тебе правду. Мне действительно нужны частины для эдельфийской кислоты. Но приехал я сюда не только из-за них. В Хлынское княжество меня вызвал брат. Но, к несчастью, я не застал его в живых.

– От чего он умер?

– От внутреннего кровотечения. Он прислал мне весть с купцом Жаданом. Тот разыскал меня в Блатнограде и обо всем поведал. В вашем княжестве творятся странные вещи, Глеб-Первоход.

– О каких именно странных вещах ты говоришь, ученый муж?

Слова «ученый муж» Глеб произнес с торжественной насмешливостью. Однако Тимофея Лагина это, похоже, ничуть не смутило. Он поправил пальцем слюдяные очки и спокойно ответил:

– Я говорю о *нетленных*.

Стаканчик с водкой замер у губ Глеба.

– Значит, слухи о них расползлись далеко за пределы нашего княжества? – сухо уточнил он.

Лагин усмехнулся:

– Как видишь. Купец Жадан рассказал мне, что трупы тех, кто при жизни нюхал много бурой пыли, не тлеют. Это ведь так, да?

Глеб промолчал, сочтя этот вопрос риторическим. Тогда Лагин нахмурился и строго проговорил:

– Секреты бальзамирования тел стоят очень дорого. Если провести несколько исследований...

Глеб качнул головой.

– У тебя ничего не выйдет, ученый муж. Полгода назад князь Егра издал указ, который обязует всех жителей княжества сжигать своих нетленных.

Глаза Лагина за слюдяными стеклышками чуть прищурились.

– Неужели ты думаешь, что люди выполняют этот указ? – тихо спросил он.

Глеб взял кувшин и плеснул в стаканчик немного водки.

– Тот, кто откажется сжигать нетленное тело родича, будет казнен! – отчеканил он и залпом выпил водку. Заел куском хлеба с салом и добавил, покосившись на Лагина: – Ты об этом, должно быть, не знал?

– Знал, но... – Ученый муж глянул по сторонам и облизнул губы кончиком языка. – Неужели ты думаешь, что люди не найдут способа обойти княжий указ? Не будь ребенком, ходок.

– Ты считаешь, что люди прячут их?

– Я в этом уверен! Мне рассказывали, что нетленные мощи родичей защищают дом от злых духов. Но дело даже не в этом. Разложение – это печать смерти. Но на телах нетленных этой печати нет. Люди относятся к своим нетленным мертвецам, как к крепко уснувшим.

– Вот как. И что же – ты собираешься отрезать от нетленного кусочек плоти и испробовать на нем действие эдельфийской кислоты?

Лагин усмехнулся и покачал головой.

– Ты не дал мне объяснить. Брат не зря вызвал меня сюда. Ваши трупы не только не тлеют. Они...

Ученый муж замолчал, быстро оглянулся по сторонам, затем нагнулся к Глебу и что-то прошептал ему на ухо. Глеб взглянул на Лагина, как на сумасшедшего.

– Ты не ослышался, – поспешно добавил тот. – И я могу доказать тебе это. Конечно, если ты сам этого захочешь.

– И как ты это сделаешь? – осведомился Глеб.

– У меня в подводе, под рогожей, лежит нетленный.

Глеб проглотил эту новость, не моргнув глазом.

– Надеюсь, ты знаешь, что вывозить нетленных с родного двора считается преступлением и карается казнью? – осведомился он.

Лагин кивнул:

– Знаю. Но... ты ведь не выдашь меня, верно?

Глеб помолчал. Посмотрел на стаканчик, подумал, затем протянул Лагину растопыренную ладонь и сказал:

– Дай руку.

– Зачем? – не понял тот.

– Дай.

Лагин вложил белую ладонь в загорелую пятерню Глеба. И вдруг лицо ученого мужа побелело, а его брови высоко взлетели вверх.

– Тебя послал князь Егра? – глядя ему в глаза, спросил Глеб.

– Нет.

– Я спрошу еще раз: тебя послал ко мне князь Егра?

На лице Лагина появилось изумление, затем – ужас, затем – выражение нечеловеческой боли. Однако кричать он не мог.

Глеб слегка ослабил хватку.

– Отвечай. Если скажешь ложь, я сожгу твою руку.

Лоб ученого муж покрылся бисеринками пота.

– Меня никто к тебе не посылал... – сдавленно проговорил он. – Я... не подослан...

– Тогда почему ты выбрал меня?

– Потому, что... ты пять лет ходишь в Гиблое место... и до сих пор жив.

– Это единственная причина?

– Нет... Ты все это начал... Ты и закончишь...

Глеб с удивлением взглянул на очкарика. Вот оно что. Похоже, этот очкастый парень возомнил себя орудием в руках судьбы. Он выпустил вялую руку ученого из своих пальцев.

Лагин потер руку, поморщиваясь от боли, но ученый в нем победил и на этот раз.

– Ладонь будто тисками сжали, – сказал он, задумчиво оглядывая руку. – А кости целы, и даже синяков нет. У тебя в ладони была чудная вещь?

Глеб кивнул и снова потянулся к кувшинчику.

– Так что ты там толковал про *нетленных*? – небрежно проговорил он, наполняя оловянный стаканчик водкой.

Лагин снова потер руку.

– Они разговаривают, – тихо сказал он. – Это сложно заметить. Нужно долго и сильно прислушиваться. Если получится, то можно услышать тихий голос.

– Что-то я не замечал, чтобы нетленные шевелили губами.

– Они не шевелят. Звук доносится из приоткрытого рта.

– Как из динамика магнитофона?

Лагин посмотрел на Глеба непонимающим взглядом. Глеб усмехнулся:

– Ладно, проехали. Откуда знаешь про голос?

– Сам слышал.

– У тебя есть знакомый нетленный мертвец? – иронично поинтересовался Глеб.

– Да.

– И кто он?

По лицу Лагина пробежала тень, и он тихо проговорил:

– Мой брат.

Глеб сдвинул брови.

– Гм... И что же ты хочешь от меня, ученый муж?

Лагин поправил пальцем очки и негромко сказал:

– Видишь ли, ходок... Я здесь человек новый. Меня никто не знает. И я никого не знаю.

Поэтому...

Он замолчал, подыскивая подходящие слова, и Глеб закончил за него:

– Тебе нужен проводник не только по миру нечисти, но и по миру людей, верно?

Лагин кивнул:

– Да.

Глеб вновь взялся за кувшинчик.

– Ты хотя бы насчет талеров не обманул? – осведомился он, наполняя стаканчик.

Лагин отрицательно качнул головой:

– Нет. Они у меня есть. Спрятаны в надежном месте.

– И ты действительно готов с ними расстаться? Только ради того, чтобы решить загадку нетлеющих трупов?

Ученый муж поправил сползающие на нос очки и вздохнул.

– Ты не понимаешь, ходок. Это не просто загадка. Это... чудо. Если есть возможность поговорить с человеком, побывавшим на том свете, то я... Я просто обязан ее использовать.

Глеб усмехнулся:

– Выходит, ты христианин, которому не хватает веры? И который хочет, подобно Фоме

неверующему, вложить персты в отверстые раны Господа?

Лагин посмотрел на Глеба изумленно.

– Ты читал Евангелие?

Глеб хмыкнул:

– Читал.

– На каком языке?

– На русском.

Глаза Лагина загорелись под стеклами очков.

– Дорого бы я отдал, чтобы взглянуть на этот перевод.

– Отдавать тебе уже нечего, – напомнил ему Глеб. – Ты только что лишился пятисот солидов.

– Значит, ты согласен?

Глеб потянулся к кувшину.

– Да, я согласен. Но если я пойму, что ты меня обманул, – берегись.

Ученый муж посмотрел, как Глеб наполняет свой стаканчик водкой, и улыбнулся.

– Я не такой безумец, чтобы обманывать ходока, вооруженного ольстрой. Кстати, не покажешь ли ты мне ее? Я много слышал об этом оружии, но никогда не видел его вблизи.

Глеб откинул рукой полу плаща:

– Смотри.

Приклад охотничьего обреза торчал из деревянной, обтянутой кожей кобуры. Лагин протянул к нему руку, но Глеб опустил плащ.

– Посмотрел, и хватит. А теперь я хочу посмотреть на твоего мертвого братца. Где он?

– В подводе, – ответил Лагин, вновь смурнея лицом.

– А подвода?

– Во дворе. Я поручил ее охрану одному местному бродяге.

– Хомышу?

– Да.

Орлов усмехнулся.

– Этот наохраняет. Ты вот что, ученый...

Вдруг зал взревел десятками мужских голосов. Глеб и Лагин вздрогнули и повернули головы, вглядываясь в полумрак.

– Что это там у них? – испуганно спросил Лагин.

И тут же ответил сам себе:

– Боже! Они собираются скормить эту девушку оборотню!

На деревянный помост, огороженный от зрителей железными прутьями клетки, выволокли оборотня, а затем втолкнули к нему девушку и захлопнули за ней дверь. Глеб сразу ее узнал – Диона!

Под смуглыми скулами Орлова вздулись желваки, черные брови съехались на переносице. Он встал со стула, вынул из кобуры ольстру и, как только оборотень бросился на девушку, нажал на спуск.

Прогремел выстрел, и оборотень грохнулся об помост с простреленной башкой. Не успел Глеб убрать ольстру в кобуру, а к нему уже неслись дюжие охоронцы Бавы Прибытка.

– Что ты себе позволяешь, ходок?! – крикнул один из них, подходя к Глебу.

Орлов не ответил. Человек семь охоронцев окружили его, все рослые, широкоплечие. А между дубовыми столами уже торопливо пробирался сам Бава.

– Ты убил моего оборотня! – заорал он, тряся от гнева черной бородой. – Супротив нашего с тобой договора!

– Ты пытался скормить ему девку, – невозмутимо ответил Глеб. – А на этот счет у нас с тобой никакого уговора не было.

– Девку? – Несколько секунд Бава Прибыток пялился на Глеба и вдруг расхохотался, ухватившись усыпанными перстнями пальцами за толстое брюхо. – Девку! Ой, не могу! – Отсмеявшись, он слегка повернул голову и распорядился: – Притащите ее сюда!

Трое охоронцев бросились выполнять приказание.

Диона отчаянно сопротивлялась, но руки и ноги ее были опутаны и стреножены веревками, и с тремя огромными парнями ей было не совладать.

Остановившись перед Глебом, она хмуро на него взглянула, затем перевела взгляд на Баву и с ненавистью процедила сквозь зубы:

– Чтоб ты сдох, толстый гад!

Прибыток на нее даже не взглянул. Он смотрел на Глеба.

– Значит, говоришь – девка. – Бава пригладил толстыми пальцами бороду и вдруг выхватил из-за пояса нож, схватил Диону за руку и быстрым движением срезал с ее ладони ткань.

Затем насильно раскрыл ей пальцы и показал Глебу ее ладонь.

Лицо Глеба вытянулось от изумления. С ладони на него смотрел, не мигая, круглый темный глаз.

– Так ты...

– Нелюдь, – закончил за него Бава Прибыток. – Хочешь посмотреть на другую руку? Могу показать!

Глеб нахмурился. Вот почему ее услуги стоили так дорого. Черт бы побрал этих нелюдей.

– Почему ты не сказала? – угрюмо спросил он.

Брови Дионы дрогнули.

– Я думала, ты уйдешь, – ответила она. – А я не хотела, чтобы ты уходил.

Глеб исподлобья посмотрел на хозяина кружала.

– За что ты бросил ее к оборотню, Бава?

– За что? Во, гляди! – Прибыток откинул со лба черную челку и показал Глебу испещренный царапинами лоб. – Видишь? Это она меня! Сказала, что лучше сдохнет, чем снова раздвинет перед кем-нибудь ноги!

Глеб снова взглянул на Диону.

– Ты правда так сказала?

– Да, – гордо подняв голову, ответила она.

– Почему?

– Потому, что я... Потому что они... – Она вдруг сбилась, явно не находя слов, чтобы объяснить.

Глеб подождал немного, но, поскольку девка так и не заговорила, перевел взгляд на купца и спросил:

– Бава, ты можешь пощадить ее?

– А какой мне смысл? – вскинул косматые брови купец. – С этой дуры станется пустить себе кровушку. И на что она мне тогда? А на ставках больше, чем она мне принесет за полгода!

– Значит, не можешь, – мрачно констатировал Глеб. – Ну, а если я тебя попрошу?

Прибыток удивленно уставился на Глеба.

– Ну, если ты попросишь... – Он усмехнулся. – Тогда, пожалуй, могу и пощадить. Но только к просьбе своей присовокупи двадцать золотых.

– Ты хочешь мне ее продать? – не поверил ушам Глеб.

– Только если ты хочешь ее у меня купить.

Глеб криво ухмыльнулся. Ситуация была комическая. Вот уже четыре года Глеб занимался тем, что продавал Баве оборотней, волколаков и нелюдей. А сам, кроме выпивки и изредка женщин, ничего у него не покупал.

– Ну, так как? – поинтересовался благодушным голосом купец. – Берешь али нет? Ежели нет, так я сей же час выведу ее на помост, и биться она у меня будет не с престарелым оборотнем, а с настоящей голодной волколачихой.

Глеб прикинул свои наличные. Денег явно было недостаточно. Отсутствие денег заставило его взглянуть на вещи трезвее. Какого черта он вступился за мутантку? Только

потому, что она похожа на человека? Но ведь и у волколака морда похожа на человеческую, и что с того?

О, боги, боги! Глеб передернулся. Да ведь он с ней переспал! Переспал с мутанткой!

Глеб сцепил зубы, достал из кармана серебряную резанку и швырнул ее на стойку.

– Ставлю на волколака, – небрежно произнес он и повернулся к своему кувшинчику.

Бава Прибыток схватился за толстые бока и расхохотался.

– Вот это другое дело! – весело выкликнул он. – А я уж подумал, что ты рехнулся! Как тот рыжий ходок, который по пьяной лавочке выпустил из клетки двух оборотней, которые его же, дурака, и слопали!

Бава повернулся к охоронцам и распорядился:

– Тащите эту дуру обратно на помост!

– Постойте! – раздался чей-то взволнованный, звенящий голос.

Прибыток обернулся и с удивлением уставился на седого, как лунь, мужика с молодым лицом и странными кругляшами на глазах.

– Тебе чего? – грубо спросил он.

Лагин протянул Баве кожаный кошель. Савостьянов глянул на кошель, и глаза его блеснули.

– Это чего?

– Деньги за девушку, – объяснил ученый муж. – Здесь двадцать золотых солидов.

Бава недоверчиво прищурился:

– Не шутишь?

– Нет.

– Что ж, коли так... – Купец бесперемонно сгреб с ладони Лагина кошель и ухмыльнулся в черную бороду: – Диона твоя!

Охоронцы, окружившие стойку, заухмылялись.

Прибыток повернулся и зашагал прочь. Охоронцы, выждав, пока он пройдет мимо, затрусили за ним, словно свора огромных охотничьих псов.

Диона смущенно переминалась у стойки. Лагин поправил очки и взглянул на Глеба:

– Надо бы ее развязать...

– Развяжи, коли надо, – пожал плечами Глеб.

Ученый муж достал из ножен небольшой кинжал и шагнул к Дионе. Затем он долго перепиливал веревки, то и дело перекладывая кинжал из руки в руку и вытирая о штанину потную от волнения ладонь. Наконец девушка была свободна, а кинжал вернулся в свои ножны.

Глеб опустил взгляд на руку девушки – ту, с которой Бава срезал повязку, перевел взгляд на другую и спросил:

– Под второй повязкой у тебя тоже глаз?

Девушка кивнула.

– Они у тебя видят?

– Да. Но не так, как ваши глаза. Спасибо, что пытался меня защитить, Глеб.

– Знал бы, что ты нелюдь, не пытался бы, – угрюмо отозвался Орлов и снова наполнил свой оловянный стаканчик, вылив в него остатки водки из кувшинчика.

Диона помолчала и вдруг с надрывом проговорила:

– Я не виновата, что я такая.

Глеб промолчал. Лагин, смущенно переминаясь с ноги на ногу, тоже. Девушка усмехнулась:

– Брезгуешь? А в постели не брезговал.

По телу Глеба пробежала ледяная волна. Он сжал руки в кулаки и глухо проговорил:

– Помолчи, нелюдь. Помолчи, если не хочешь, чтобы я прикончил тебя прямо здесь.

– Глеб! – с упреком произнес Лагин. – Она ведь и впрямь не виновата, что...

– Это и тебя касается, – грубо осадил его Орлов. – Лучше подумай, что будешь с ней делать дальше.

– Да ничего не буду. Отпущу, и все.
– Дурак. Она не отойдет от кружала и трех шагов, как ее снова схватят.
– Как схватят? Я ведь ее выкупил!
– Да плевать они хотели на твои деньги. Эта девка – нелюдь! И место ее либо в Гиблом месте, либо в клетке с другими нелюдями.
Лагин растерянно блеснул очками.
– Так что же мне делать? – растерянно пробормотал он.
– Прогони. Или убей. Ты заплатил за нее золотом и можешь делать с ней все, что захочешь.
Диона стояла рядом со стойкой, угрюмо и яростно поблескивая глазами на тарачившихся на нее посетителей.
– А что, если мы возьмем ее с собой? – предложил вдруг ученый муж. – Она может принести нам пользу. Гиблое место – это ведь ее родина!
Глеб усмехнулся.
– Ты не понимаешь. Она не человек. Она только похожа на человека.
– Да, но...
– Она воспользуется любой возможностью, чтобы перегрызть тебе глотку!
– Тебе же я не перегрызла, – тихо сказала Диона.
– А ты вообще помалкивай, – буркнул Глеб. – Где это видано, чтобы человек путешествовал по Гиблому месту с нелюдью?
Несколько секунд Лагин стоял молча, потом вдруг повернулся к двери и сказал:
– Пойдем, Диона! В конце концов, ходоков в Порочном граде много. Найдем другого.
Он взял ее за руку и повлек к выходу. Глеб ухмыльнулся и пробормотал:
– Ну-ну.

6

Когда Лагин и Диона подошли к двери, на пути у них выросли трое охоронцев. Один из них, растянув губы в зверской ухмылке, быстро шепнул что-то двум другим. Те кивнули и один за другим вышли из кружала.
Диона остановилась.
– Ты чего? – спросил ее Лагин.
– Глеб прав, они не дадут нам далеко уйти, – с горечью сказала Диона.
– Но я заплатил им золотом! И теперь ты свободна!
Диона покачала темноволосой головой.
– Это ничего не значит, – грустно и безнадежно проговорила она. – Я для них словно бешеная собака. И даже хуже. Как только мы выйдем из кружала, они меня убьют.
Лагин растерянно взъерошил ладонью седые волосы. Затем взял Диону за руку и повел ее обратно к барной стойке. Остановился возле Глеба, взглянул на него прямым, суровым взглядом и сказал:
– Первоход, помоги нам выйти из кружала. Пожалуйста.
Глеб не ответил. Тогда Лагин заговорил снова, и голос его стал тихим и четким:
– Когда я говорил про пятьсот талеров, я имел в виду только аванс. Я действительно могу озолотить тебя. Пятьсот талеров – это пустяк.
Глеб молчал. Лагин глянул по сторонам, затем сунул руку в карман и достал небольшой прозрачный камень.
– Взгляни! – попросил он.
Глеб взглянул. Лагин сглотнул слюну и сказал:
– Это алмаз. Абассидские купцы готовы заплатить за него десять тысяч солидов. Если ты не веришь мне, возьми его в залог.
Глеб протянул руку, но Лагин сжал пальцы.
– Я должен быть уверен, что ты пойдешь со мной до конца, – тихо сказал он. –

Поклянись – и алмаз твой.

– Чем ты хочешь, чтобы я поклялся?

– Чернобогом. Самым страшным из здешних богов.

Глеб сделал усилие, чтобы не усмехнуться.

– Хорошо. Клянусь Чернобогом! И пусть он отправит меня в царство мрачного Аида, если я тебя обману!

Лагин посмотрел на Глеба с сомнением, однако ладонь разжал.

– Возьми.

Алмаз был увесистый. Каратов двадцать, не меньше. В Москве двадцать первого века он стоил бы полмиллиона баксов. Только где она, эта Москва...

Глеб вздохнул и спрятал алмаз в карман. Затем взглянул на Лагина и сказал:

– Слушаться меня беспрекословно. Скажу «мордой в грязь», значит, мордой в грязь. Скажу раздеться догола и нырнуть в дерьмо – нырнешь. И будешь сидеть в дерьме, покуда я не разрешу вылезти.

Лагин кивнул и ответил необычайно серьезным голосом:

– Это справедливо.

Затем снял очки и бережно протер стеклышки краем рубахи.

– Ты придумал? – поинтересовался Глеб, кивнув на очки.

Ученый муж водрузил очки на нос и покачал головой:

– Нет, не я. Гербериус. А стекла для него сделали венетские мастера. Это одно из величайших изобретений моего учителя!

– Не спорю. Ладно, пошли на выход.

7

Перед самой дверью Глеб положил руку на ольстру и сказал, сурово глядя на охоронцев:

– Эти двое под моей защитой.

Охоронцы нахмурились, но потеснились, позволяя ему пройти.

На улицу Глеб вышел первым. Окинул быстрым и цепким взглядом огромный двор и только потом дал Лагину и Дионе сигнал следовать за ним.

На улице было по-ночному темно, там и сям горели костры, возле которых грелись бродяги и прокутившиеся в пух и прах купцы.

– Это же моя подвода! – воскликнул вдруг Лагин и бросился к крайней в ряду телег – накрытой рогожей.

Возле телеги стоял конвой из трех княжьих ратников во главе с упитанным поручиком.

Из темноты вынырнул Хомыч.

– Прости, чужестранец, я ничего не мог сделать, – виновато проговорил он.

Лагин кивнул ему и двинулся к конвою. Судя по суровым лицам, княжьих ратники были настроены весьма решительно. Старший из троих (судя по нашивкам на плаще и дорогой кольчуге – княжий порученец) выдвинулся вперед и сурово спросил:

– Что в подводе?

Лагин открыл было рот, но Глеб его опередил.

– Мертвый оборотень, – громко и уверенно ответил он. – Собственность Бавы Прибытка и его делового товарища Крысуна.

Охоронцы переглянулись. Теперь на их лицах появилось сомнение. Однако княжий порученец не намерен был сдаваться.

– Зачем тебе мертвый оборотень, ходок? – холодно осведомился он.

– Для новой забавы. Ты ведь знаешь, люди постоянно просят чего-нибудь новенького.

– Да, но князь...

– Княжьих указы здесь не действуют, – отрезал Глеб. – Бава платит ему звонкой монетой. И пусть меня покарает Перун, если часть их не перетекает в твой карман,

порученец.

Дородное лицо порученца налилось кровью, пальцы его правой руки опустились на рукоять меча.

– Ты обвиняешь меня в воровстве, ходок?

Глеб покачал головой:

– Вовсе нет. Я лишь говорю, что свое жалованье ты получаешь из княжьей казны. Или у тебя есть другие хозяева?

– Мой хозяин – князь Егра!

Глеб кивнул:

– Так я и думал. Кстати, не ты ли уронил золотую монету, которая лежит у тебя под ногами?

Порученец опустил голову:

– Да... Кажется, это моя.

– Будь осторожнее, поручик. В Порочном граде великое множество воров.

Поручик дал знак ратникам, все четверо повернулись и двинулись прочь от телеги.

– Уф-ф... – облегченно вздохнул ученый муж. – С меня семь потов сошло, пока вы разговаривали. – Он снял очки и протер запотевшие стекляшки. Водрузил их на нос и улыбнулся. – А здорово ты его.

– Теперь они знают, что у нас в подводе есть что-то запретное, и не оставят нас в покое, – сухо проговорил Глеб.

– Да, ты прав, – вынужден был признать Лагин. – И что мы теперь будем делать?

Глеб хотел ответить, но не успел.

– Оборотень! – крикнул вдруг Хомыш.

Огромный, черный и мохнатый оборотень вынырнул из темноты, как призрак. Первому охоронцу он снес голову с плеч одним ударом когтистой лапы. Второго отшвырнул далеко в сторону и тут же, не дав поручику вынуть меч, вцепился ему зубами в глотку.

Вокруг раздались крики. Бродяги и прокутившиеся купцы повскакивали с бревен, кто-то схватил из костра горящую головню, собираясь броситься на помощь ратникам. Однако Глеб оказался быстрее всех.

Прыгнув к оборотню, он сшиб его с ног ударом приклада ольстры. А после тем же прикладом несколько раз ударил зверя в оскаленную морду. Затем наступил на него ногой, поднес дуло ольстры к его голове.

Оборотень приоткрыл истекающий слюною и кровью рот и хрипло пролаял:

– Кто... ты?

Глеб приблизил свое лицо к его морде и, глядя чудовищу прямо в глаза, мрачно проговорил:

– Меня зовут Первоход. Я убиваю нечисть.

Дуло ольстры ткнулось оборотню в пасть, а смуглый палец ходока нажал на спусковой крючок. Громыкнул выстрел, и затылок чудовища разлетелся на куски.

Глеб убрал с груди оборотня ногу и сунул ольстру в кобуру. Сзади к нему подошел Лагин.

– Неладное у вас княжество... – сдавленно проговорил он.

– Княжество у нас хорошее, – возразил Глеб, – да порядку мало.

Из ярко освещенного факелами кружала выскочили пятеро охоронцев.

– Что тут?! – крикнул главный из них.

– Свежий оборотень, – небрежно ответил Орлов.

Охоронцы купца, парни дюжие и мордатые, обступили дохлого оборотня.

– Здоровый какой, – с восхищением проговорил один из них.

Главный охоронец глянул исподлобья на Глеба и сухо проговорил:

– Мы его заберем.

– Заберете, – согласился Глеб. – Только сначала запла́тите.

– Сколько?

– Сколько и обычно.
Охоронец отрицательно покачал головой:
– Ты расшиб ему голову. Мозгов уже нет.
– Зато всего остального в достатке. Или платите обычную цену, или я его сожгу к чертовой матери.

Охоронцы переглянулись.
– Ладно, – нехотя проговорил главный.
Он вынул из кармана кожаный кошелек, достал из него несколько серебряных кун и передал их Глебу.

Куны исчезли в смуглой руке Орлова.
– Бери его, ребята! – распорядился главный.
Охоронцы подхватили чудовище за лапы и потащили его к небольшому бревенчатому дому чуть в стороне от кружала.

Ученый муж проводил их хмурым взглядом, повернулся к Глебу и сказал:
– Ты ничем не хуже купцов.
– Чего? – не понял Глеб.
– Я говорю – ты из всего умеешь извлекать выгоду. Не хуже, чем купцы.
Глеб усмехнулся.
– На том стоим. – Он достал из кармана берестяную коробку, вынул из нее самокрутку и сунул ее в рот. Щелкнул зажигалкой и сказал, прикуривая: – Идем, посмотрим на твоего братца.

Лагин удивленно уставился на зажигалку, затем повернулся и зашагал к подводе. Глеб неторопливо последовал за ним.

Взявшись за край рогожи, ученый муж взглянул на Диону и предупредил:
– Это может быть неприятно.
Девушка отвернулась, и Лагин откинул полог. Лицо его, бледное, слишком молодое для седой шевелюры, было хмурым и сосредоточенным.

Света от ближайшего костра едва хватало, чтобы осветить лежащее в телеге тело. Брат Лагина был одет в светлую рубаху. Глаза его были закрыты.

Глеб впервые видел нетленного так близко. Он никогда не верил в рассказы мужиков о том, что нетленные – это странные люди, которые ни мертвы, но и не живы. Дескать, одной ногой они стоят на том свете, а другой – на этом.

Слушая эти рассказы, Глеб обычно вспоминал про кота Шредингера, о котором ему рассказывал преподаватель философии еще в ту далекую пору, когда он учился на журфаке.

Знаменитый физик Шредингер запер кота в ящик вместе с ампулой яда и заявил, что про кота точно неизвестно – мертв он уже или еще жив. А значит, кот пребывает в третьем состоянии – он как бы находится на развилке между жизнью и смертью. И так будет до тех пор, пока мы не откроем ящик и не узнаем наверняка.

Глеб считал все это софистикой, неоправданным мудрствованием. Однако сейчас, глядя на мертвого человека в белой рубахе, он склонен был поверить во все, что говорили о нетленных.

– У него мягкая кожа, – тихо сказал Лагин. – Такая же, как наша. Хочешь потрогать?
Глеб брезгливо дернул щекой, затем поднес ухо к приоткрытым губам нетленного и прислушался.

– Я ничего не слышу, – сказал он через несколько секунд.
– Нужно очень долго слушать, – пояснил ученый. – Мне повезло только с пятого раза. Попробуй еще раз.

Глеб вновь склонился над нетленным. Все в нем протестовало против этого идиотизма. Но он взял алмаз, а значит, согласился работать на Лагина.

Постояв над покойником с минуту, Глеб уже хотел выпрямиться и высказать ученому мужу все, что думает о его «учености», как вдруг услышал, или ему показалось, что услышал, тихий вздох. А потом – словно бы далекий-далекий шепот на непонятном языке.

– Черт... – Глеб выпрямился и, испуганно глядя на нетленного, вытер рукавом миготавший лоб.

– Ну? Что? – нетерпеливо спросил Лагин и даже чуть-чуть подался вперед. – Ты услышал?

– Я не уверен...

– Ты слышал, – улыбнулся седой ученый и удовлетворенно кивнул. – Я рад. Теперь ты не будешь считать меня безумцем.

– Я не смог разобрать ни слова, – глухо произнес Глеб.

– Это не обычные слова. Это больше похоже на заклинание.

Глеб, прищурившись, посмотрел на Лагина.

– Это голос твоего брата?

Ученый поправил очки и покачал седой головой.

– Нет. Это не его голос. Я думаю... – Лагин заговорил тише, – ...я думаю, что в тело моего брата кто-то вселился. Кто-то, кто не дает ему до конца умереть.

Глеб снова склонился над телом. На этот раз он вел себя грубо и беспощадно – разорвал на груди нетленного рубаху и прижал ухо к его недвижимой груди.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил Лагин.

– Тс-с-с...

Глеб прислушался.

– Странно, – сказал он после паузы. – Сердце не бьется.

– Ты все еще не можешь поверить в то, что он мертв?

Глеб выпрямился.

– Мы должны найти еще одного нетленного. Найти и взглянуть на него.

– Ты хотел сказать – «послушать», – поправил его Лагин. – Среди жителей Хлынь-града наверняка найдутся такие, кто не убоился княжьего указа и не стал сжигать своего нетленного. Есть у тебя кто-нибудь на примете?

Орлов задумался.

– Неделю назад у одного моего приятеля помер отец, – ответил он после паузы. – Последние полгода старик не мог обойтись и недели без понюшки бурой пыли.

– Этот твой приятель... он бывший ходок?

Глеб кивнул:

– Да.

– Значит, бурую пыль для больного отца он носил из Гиблого места? Думаю, такой человек не станет подчиняться князьим указам.

– Мы не можем знать этого наверняка, – засомневался Глеб. – Думаю, прах старика бросили в горшок, горшок зарыли в могилу, а на могилу поставили домовину.

– Но мы должны выяснить.

– Точно, – кивнул Глеб и усмехнулся. – Мы можем вырыть пепел, замесить его в тесто и слепить старика заново.

Лагин обиженно нахмурился.

– Станный ты человек, Глеб. Ты ведь сам все видел, но продолжаешь сомневаться.

Орлов выпустил изо рта клубок дыма, посмотрел, как он расплывается в воздухе, и вздохнул:

– Ох, ученый... Да если бы я верил всему, что вижу, я уже давно был бы мертв.

– Мы просто наведемся к твоему приятелю и поговорим с ним. Ты ведь ходок, а значит – не слуга князю и не доносчик. Твой приятель не станет тебе лгать.

– Вот в этом я сомневаюсь, – выдохнул Глеб вместе с дымом. – Лгут все.

– Первоход! – тихо окликнул его кто-то из темноты.

Глеб повернул голову и увидел перед собой морщинистое лицо Хомыча.

– Чего тебе, старик?

Бродяга скользнул взглядом по их лицам, явно не зная, к кому теперь обращаться.

– Я это... за охрану подводы неплохо бы заплатить, – робко проговорил он.

– Да-да, – поспешно проговорил Лагин и сунул руку в карман кафтана.
Глеб усмехнулся и мрачно проговорил:
– Вижу, странник, горазд ты разбрасываться деньгами. Видать, и впрямь великий алхимик, если так соришь монетами.
Лагин всучил Хомячу пару монеток, и тот поспешно спрятал их в карман.
– Получил свое? – грубо осведомился у бродяги Глеб. – Теперь проваливай.
– Груб ты, Глеб-Первоход. – Хомяч повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился и весело взглянул на Глеба. – А то взял бы меня в слуги, а? У многих ходоков слуги имеются. А уж я бы тебе пригодился. Человек я старый, смерти не боюсь. Но и от жизни не отказываюсь, и от денег носа не ворочу. Знаю, как их употребить. Возьми, а?
– А что, Глеб, – заговорил Лагин с воодушевлением. – Может, и правда возьмем Хомяча? Он хоть и бродяга, а человек толковый. Живо мне все про тебя и про Порочный град рассказал. И потом – чем нас больше, тем надежнее, ведь так?
Глеб хмыкнул.
– Здесь ты хозяин. Хочешь скормить старика оборотням – скармливай. Но платить ему за это будешь сам.
Диона протянула к лицу Глеба руку. Первоход перехватил ее запястье и с мрачным удивлением взглянул девушке в глаза.
– Что ты делаешь?
– Кровь вытираю, – робко ответила Диона. – Испачкался ты, когда оборотня убивал.
– Обойдусь.
Глеб отшвырнул ее руку от лица. Диона отступила в темноту и обиженно, по-девчачьи, шмыгнула носом.
– Ладно, – сказал Глеб, – забираемся в подводу. Эй, недюдь, это и тебя касается.
– Меня зовут Диона, – тихо сказала девушка из темноты.
– Плевать мне на то, как тебя зовут, – сухо откликнулся Глеб. – И пореже открывай рот, если не хочешь, чтобы я заткнул тебе его навсегда.

8

Уже устроившись в подводе, Глеб вдруг снова соскочил на землю и обронил через плечо:
– Погодите.
Затем зашагал к невысокому худощавому человеку в дорогом, но сильно поношенном камзоле, стоявшему возле кружала. Подойдя к нему вплотную, Глеб сказал:
– Привет, Бельмец.
– Здравствуй, Первоход, – отозвался человек сипловатым голосом и взглянул на Глеба единственным зрячим глазом. – Хорошего оборотня завалил. Я таких здоровенных и не видывал.
– Еще увидишь, – мрачно пообещал Глеб. – Что слышно?
– Да разное, – уклончиво ответил Бельмец. – Говорят, Остяк Костолом грозился тебя изничтожить. Даже пику огневую у меня прикупил.
– А ты зачем продал? – сухо спросил Глеб.
– Остяк хорошую цену заплатил, вот я и продал. – Бельмец тонко усмехнулся. – Ты берегись его, Первоход. Остяк в болоте проклятом тонул и на колья саморослые животом падал. И до сих пор жив. Говорят, он теперь бессмертен.
– Чушь, – скривился Глеб. – В Гиблом месте нет чудных вещей, которые бы делали человека бессмертным.
– Я у него шрамы от кольев видел, – возразил Бельмец. – Он на постоялом дворе у Дулея Кривого ими похвалялся. Один кол насквозь прошел, прямо сквозь грудину, а Остяку ничего не случилось.
Глеб помолчал, обдумывая слова Бельмеца, потом коротко спросил:

– Что еще?

– Братья Барсуки тоже на тебя зуб имеют. Говорят, ты у них об ту осень заказчика богатого увел.

– Ну, эти ребята безобидные, – небрежно проговорил Глеб.

Бельмец покачал головой:

– Не скажи. Слыхал, что они с Гудоном Лопатником сделали?

– Слыхал. Но Гудон пьян был. Трезвого Лопатника им бы ни за что не одолеть.

– Так-то оно так, – нехотя согласился Бельмец. – Но что, ежели братья Барсуки с Остяком против тебя сойдутся? Против троих тебе точно не устоять.

– Пусть сперва сойдутся, а там и поговорим.

Неподалеку кто-то подкинул в костер сухой травы. На лицо Бельмecu упал отблеск огня, жутковато блеснул его слепой белый глаз.

– Боюсь, что скоро вашу лавочку прикроют, Глеб, – произнес Бельмец задумчиво.

– С чего ты это взял?

– Так... Ходят слухи. Народ в граде поговаривает, что князь Егра хочет прибрать вас к рукам. Доходы большие, и все мимо казны.

– Руки об нас обломает.

– Не скажи. Народец его любит. Дескать, суров, да справедлив. При прежнем князе порядку, вишь, было мало. А этот блажные дома упорядочил, произвол с ценами на бурую пыль прекратил. В княжестве нынче тишь да благодать. И благосостояние, говорят, растет.

– Точно, – согласился Глеб. – А кто в рост идти не хочет, того дыбой подтянут.

Бельмец усмехнулся. Сказал, помолчав:

– А еще говорят: дескать, теперь бурую пыль в каждый дом бесплатно приносить станут. Не помногу, по чуть-чуть. Дескать, пусть и беднота жизни порадует.

– Да уж, – усмехнулся Глеб. – Только и радости в жизни, что бурую пыль нюхать. У тебя нынче что-нибудь есть?

– Кой-чего имеем. – Бельмец быстро глянул по сторонам и шепотом спросил: – А тебе чего нужно?

– Световой заряд. Не очень мощный.

– Когда?

– Сейчас.

Бельмец вздохнул:

– Ежели сейчас, то будет в два раза дороже.

– Не трясись, заплачу. Еще мне нужен золотой шарик против оборотней. Есть у тебя?

– Есть один, – отозвался Бельмец. – Но шарик не нов, его уже Долговяз пользовал. А потом, по бедности, мне перепродал.

– Ничего, мне сгодится. – Глеб сунул руку в карман, достал несколько монет и вручил Бельмecu. – Это за все. А ко всему добавь еще пару дозорных рогаток.

– За рогатки я беру отдельно... – Бельмец встретился с Глебом взглядом и поспешно смягчил тон: – Но так и быть: тебе отдам в придачу.

– Когда будет готово? – спросил Глеб.

– Да прямо сейчас.

– У тебя с собой, что ли?

– Ну.

Бельмец нахмурился. Он явно хотел еще что-то сказать, но колебался.

– Ну, говори, – поторопил Глеб, доставая из кармана куртки берестяную коробку с сигаретами.

– Первоход... – Бельмец облизнул губы. – Есть кое-что новенькое. Как раз для тебя. И совсем недорого.

Вспыхнувший огонек пламени осветил худошавое лицо Глеба.

– И что же это? – спокойно спросил он.

Бельмец достал из кармана маленький темный предмет и показал его Орлову:

– Вот, гляди.

– Что это?

– Камушек ледовый. Я называю его перелиц. Сунешь этот камешек под нижнюю губу – и любую личину примешь, какую только пожелаешь.

– Как это? – не понял Глеб.

Бельмец облизнул губы узким кончиком языка.

– Я бы показал... – сипло сказал он. – Но вельми больно. Мне такой боли не вытерпеть. Ты – другое дело. Кости трещат, кожа натягивается. Может и кровь пойти. Потом-то, конечно, кончится. Лицо новое платком оботрешь, даже шрамов не останется.

Глеб с любопытством глянул на камушек.

– Так говоришь, любую личину?

– Любую, – кивнул Бельмец.

– И долго так можно?

– Пока камушек за губой не истает.

– А когда он истает?

– Всяк раз по-разному.

Глеб прищурил недобрые карие глаза.

– Кто опробовал?

– Есенья Рог.

Глеб удивленно вскинул брови:

– Его же убили!

– Убили, – согласился Бельмец. – Потому задешево и предлагаю, что изо рта у мертвеца достал, а отчета у него не спросил. Ежели тебе сгодится – стану продавать другим втридорога. А тебе, ежели в другой раз захочешь, хорошую скидку сделаю.

Глеб задумался. Не нравился ему Бельмец. Слишком скользкий да ушлый. Однажды впарил одному молодому ходоку свистящий посох, наплел, что помогает от упырей. А оказалось, что упыри на его свист со всего Черного бора собираются, как крысы на дудку Ганса. Сожрали того ходока. И костей не оставили.

А с Бельмеца все как с гуся вода, потому что один он такой – барышник Гиблого места. Другим скупщикам чудные вещи побоятся нести, а этому несут – знают, что не сдаст, да и деньги заплатит по уговору, ни копейкой не обманет.

– Ну, так как? – утомился ждать Бельмец, глядя на Глеба своим белым, пустым глазом. – Берешь?

Глеб вздохнул:

– Беру. Только смотри – не обмани.

Бельмец хмыкнул.

– Я не самогубец, чтоб тебя обманывать. Ты ведь меня потом из-под земли найдешь, на куски порвешь и остаточки по ветру развеешь.

Глеб хмыкнул:

– Соображаешь. Сколько просишь за свой перелиц?

– Накинь еще три денежки – и он твой.

– Хватит с тебя и двух.

Брови Бельмеца дрогнули.

– Эх, Первоход... Умеешь же ты торговаться. Ладно, две так две. С кем другим поспорил бы, но с тобой не стану.

Взяв деньги и всучив Глебу перелиц, барышник глянул вокруг здоровым глазом и сипло проговорил:

– В Гиблом месте нынче беспокойно. Лес возмущается, земля гнилыми болотами дышит. Будто человек больной. Темные твари людей совсем бояться перестали. Столько злобы накопилось... Мнится мне, Первоход, что скоро вся нечисть из чащобы в села побежит.

– Разберемся, – привычно проговорил Глеб.

Бельмец ухмыльнулся:

– Знаю я, как ты разбираешься. Начнешь секирой махать, а потом дрова некуда складывать.

Глеб сунул перелиц в карман и повернулся, чтоб идти, но остановился на секунду и сказал:

– Братьям Барсукам передай, чтоб за языками своими погаными следили. А то при встрече вырву.

– Передам, – кивнул Бельмец.

Глеб зашагал к подводе. Бельмец, посмотрев ему вслед долгим взглядом, усмехнулся и задумчиво пробормотал:

– Широко шагаешь, Первоход. Гляди – не споткнися.

Глава вторая

1

– Был у меня один случай, – заговорил Хомыш, трясаясь в подводе. – Бродил я тогда по киммерийской земле. А там народ дикий и лютый, совсем не то, что тут. И был там один силач... уж не упомяну имени... Так вот, как-то раз схлестнулся тот силач с колдуньей киммерийской. Много шуму и треску было. И что ж ты думаешь? Победила его колдунья! Брызнула на разъяренного силача отваром из травок, и стал он нежным и послушным, аки ягненок. После боя она его веревочкой повязала и к себе в пещеру увела.

– Зачем? – не понял Лагин.

Хомыш хихикнул:

– Известно, зачем. Нешто хорошо, когда такой мужчина без дела прокисает.

– Ну, и к чему ты это рассказал? – поинтересовался Глеб, прищуривая глаз.

– А к тому, Глеб, что любую силу хитростью да терпеливостью одолеть можно. Хитрость – она ведь как пруттик ивовый. С виду вельми тонка, но под напором не ломается, а токмо гнется.

На эту банальную мудрость Глеб ничего не ответил.

– И часто у вас тут оборотни на вооруженных ратников бросаются? – поинтересовался Лагин.

Глеб покачал головой:

– Нет.

– Стало быть, необычно это?

– Необычно, – согласился Глеб.

Лагин помолчал несколько секунд, а затем вдруг проговорил дрогнувшим от волнения голосом:

– А что, если этого оборотня брат мой позвал?

Глеб откинул со лба темную прядку волос и пристально взглянул на ученого мужа.

– Ты это серьезно?

– Ты ведь слышал голос. А что, если оборотень тоже его слышал? – продолжил развивать свою мысль ученый. – Да так, что устоять не смог и на зов сей чрез всю чащобу пришел?

Глеб покосился на ученого с сомнением.

– И зачем ему это?

– Не ведаю. Может, спасти хотел. А может, еще что.

Несколько секунд Глеб обдумывал слова ученого мужа, затем вздохнул и сказал:

– Сочиняешь ты много, Лагин. Никогда не бывало, чтобы оборотень на помощь мертвецу бросился.

– Так ведь это не просто мертвец, это *нетленный*.

На это Глеб ничего не сказал. Зато сказал Лагин, вернее, спросил:

– Ты из каких земель сюда пришел, Первоход?

– Из далеких, – ответил Глеб угрюмо.

– А точнее?

– Из Российской Федерации.

Лагин задумался и покачал головой:

– Не слышал.

– И часто у вас оттуда люди уходят? – поинтересовался бродяга Хомыч.

– Случается, что уходят.

– А откуда узнают, куда идти?

Глеб усмехнулся:

– Ну, с этим у нас легко. Стоит у нас на площади огромный железный человек и рукою вдаль показывает. Если туда пойдешь, то к лучшей жизни придешь.

– И что же, его все слушаются? – не поверил Хомыч.

– Не все, но многие.

– Чудно, – покачал головой бродяга. – А чем вы этого железного человека кормите?

– Раньше кормили людьми. А теперь, думаю, голодный стоит. Хотя как знать. Может, уже и не голодный. Давно я дома не был.

Хомыч замолчал, погрузившись в раздумья, а Лагин глянул на Глеба сквозь свои прозрачные кружочки и спросил:

– Чем же у вас там люди живут, Глеб? На что годы жизни тратят?

– На что? – Глеб пожал плечами. – Да как везде. Едят, пьют... А когда не пьют, то деньги делают.

– Из чего?

– Из воздуха. Ты ведь алхимик, знаешь, как.

– Легкие, должно быть, деньги, – заметил Лагин. – И на что они их тратят?

– Да все на то же. Едят, пьют.

– А когда не пьют да не едят, то что делают?

– Что делают? Да ничего не делают. Телевизор смотрят.

– А это что?

– Телевизор? – Глеб улыбнулся. – Сложно объяснить. Скажем так: это такое окно, в которое за другими людьми подглядывать можно.

Лагин слегка оживился.

– Ну, а те, которые в телевизоре, – они-то чем занимаются?

– Тем же. Едят, пьют, лакомые куски друг у друга отбирают.

Лагин снова приуныл.

– И не скушно им?

– Скушно, – признал Глеб.

– А почему не перестанут?

– Страшно.

– Чего страшно? – не понял ученый муж.

– Всего. Непонятного вокруг много. Пока ешь да пьешь – не видишь. А чуть остановишься да по сторонам посмотришь – считай, беда.

Ученый муж вздохнул:

– Н-да... Везде одинаков человек. Но в иных местах это особенно заметно. Странное место наш мир.

– Зато приятное, – возразил ему Хомыч, почесывая палочкой спину. – Нужно поменьше думать. Не умные и сильные правят миром, а лукавые. Лукавство – вот настоящая мудрость.

Лагин хмыкнул.

– Тьфу на тебя, болтун, – неожиданно сердито сказал он. – Лукавство ведет к греху. А Бог любит простодушных. Ибо сказано в Евангелии: блаженны нищие духом, ибо их есть царствие Божие.

– Простодушных твоих не только бог, их и жулики любят, – с едкой усмешкой парировал Хомыч. Он глянул вперед и ткнул пальцем в виднеющиеся вдалеке дома: – Вон он, Хлынь-град. Еще до рассвета там будем.

2

– В Хлынском княжестве сейчас неспокойно, – сказал Хомыч, поглядывая на темные дома и пустые ночные улицы Хлынь-града. – Голядьский князь Орлик к самым границам подступает. Хлынские полки не сегодня завтра навстречу ему двинутся. Князь Егра указ издал: кто будет ратникам мешать да охоронцам княжьим перечить – смерть примет. Так ты, Первоход, поосторожней с ними-то.

Глеб промолчал. Лагин тоже предпочел не обсуждать опасную тему. Диона же за всю дорогу не произнесла ни слова, как и велел ей Глеб-Первоход.

Молча ехали еще минут двадцать. Возле Перунова капища Глеб свернул на разбитую улицу, проехал еще чуток и остановил коней.

– Приехали, – сказал он и указал кнутом на избу с высоченной оградой из тесаных бревен.

– Богатая ограда, – заметил Хомыч. – За такую даже половцам не пробраться.

Глеб усмехнулся.

– Хозяина зовут Угрим Хват, – сказал он. – Ведите себя тихо и не высовывайтесь понапрасну. Говорить с ним буду я, а вы поддакивайте, но только если разрешу.

– А как мы узнаем, что ты разрешил? – живо поинтересовался Хомыч.

– Ты – никак, – ответил Глеб. – Останешься сторожить подводу.

Хомыч боязливо посмотрел на рогожу и хрипло проговорил:

– Я с мертвецом не останусь. Боязно.

– Останешься, – спокойно сказал Глеб. Наклонился к уху старика и добавил: – Или вернешь деньги, которые украл у Лагина.

Глаза Хомыча забегали.

– Откуда про то знаешь? – хрипло прошептал он.

Глеб усмехнулся.

– У тебя на лбу угольком написано.

Хомыч вскинул было руку ко лбу, но тут же опустил ее.

– Девку-то хоть со мной оставьте, – попросил он. – Все веселее будет куковать.

– Это не девка, это нелюдь, – сухо поправил старика Глеб. – И она останется с тобой. Если надумает уйти, не держи. – Глеб спустился с телеги. – Идем, Лагин. Будем с Угримом беседовать.

У ворот Глеб хмуро оглядел тяжелую калитку и громыхнул кулаком по дубовым доскам. За воротами заливисто забрежали собаки. Потом скрипнула дверь, и слышались тяжелые шаги.

– Кого там нелегкая принесла? – грубо осведомился мужской голос.

– Угрим, открой. Это я, Глеб.

– Первоход?

– Да.

Бряцнул засов, и дверь открылась. Человек, открывший ее, был высок, плечист и сутул. Лицо, поросшее рыжеватой бородой, было мрачное и неподвижное, а глаза – острые и холодные.

– Здрав будь, Угрим, – поприветствовал хозяина Глеб.

– И тебе здоровычка, Глеб-Первоход. – Мужик мельком оглядел Лагина и снова уставился на Глеба. – Зачем пожаловал?

– Разговор есть, – уклончиво ответил Глеб. – Можно войти?

Угрим Хват несколько мгновений помедлил, потом распахнул дверь шире.

– Что ж, входи.

Он посторонился, впуская гостей. Пройдя через большой утоптаный двор, они остановились перед дверью избы.

– Чего встали? – грубовато сказал Угрим. – Заходите.

В доме было темно, лишь в горнице горели две свечи.

Навстречу гостям поднялась высокая женщина с усталым, красивым лицом. Она уставилась на Глеба изумленным взглядом, затем тревожно переглянулась с Угримом, после через силу улыбнулась и сказала:

– Привет вам, гости дорогие. Откушаете с дороги?

Глеб открыл рот для ответа, но Хват его опередил:

– Откушают. Подам сам. А ты, Ратмира, ступай в другую комнату и сиди там.

Женщина покорно потупила взгляд и без возражений вышла.

– Жестко ты с ней, – сказал Глеб. – Раньше бы она тебе этого не спустила.

– На всякую дикую кобылицу есть свой объездчик, – грубо проговорил Угрим. – Садитесь за стол.

Усадив Глеба и Лагина за стол, Хват взял с полки кувшин и тарелку, наполненную сухарями и кусочками вяленого мяса. Поставил все это на стол и сел сам.

Глеб терпеливо ждал. Угрим неторопливо и спокойно наполнил мутной вонючей жидкостью три огромные деревянные кружки, скрепленные бочарными кольцами. Пододвинул кружки к Глебу и Лагину.

– Что это? – спросил ученый.

– Брага, – не глядя на него, ответил Хват.

– Я не... – Седой ученый встретился взглядом с Глебом и осекся.

Угрим взял свою кружку и сказал:

– Ну, здраве будем.

Запрокинув кудлатую рыжеватую голову, верзила сделал несколько больших глотков. Глеб последовал его примеру. Лагин взял свою кружку и осторожно смочил брагой губы.

Угрим посмотрел на ученого пристальным, тяжелым взглядом.

– Пошто слюду на глаза нацепил? – грубо осведомился он.

– Это не слюда, это стекло, – ответил Лагин, поежившись под взглядом Угрима. – Точнее, линзы. Я сквозь них лучше вижу.

Хват чуть качнул головой, как бы говоря – надо же. И снова взялся за кружку.

– Ты все так же суров, – сказал ему Глеб.

– А ты чего ожидал? – прищурил на него глаза хозяин дома. – Сколько вы с Ратмирой не виделись? Год? Или полтора?

– Почти два, – сказал Глеб неохотно.

– А нынче зачем пожаловал?

Глеб отхлебнул браги и облизнул губы.

– Не знаю, помнишь ли ты, Угрим, но за тобой оставался один должок.

– Про должок я помню. А коли бы забыл, так ты бы мне напомнил. Ты ведь никогда не прощаешь долгов, верно, Первоход?

Было в тоне Угрима что-то такое, что заставило Лагина поежиться. Глеб, однако, ничуть не смутился и спокойно проговорил:

– Верно. И сейчас я пришел рассчитаться.

Огромные ладони Хвата сжались в столь же огромные кулаки. Он сверкнул глазами и глухо выдохнул:

– Ежели ты говоришь о Ратмире, то...

– Дело не в Ратмире, – перебил его Глеб. – Дело в другом.

Угрим слегка успокоился.

– Чего ж ты хочешь? – спросил он.

Глеб посмотрел на кружку долгим, задумчивым взглядом и негромко проговорил:

– Слышал я, Угрим, что на прошлой неделе у тебя помер отец.

– Ну, помер. А тебе что за дело?

Глеб поднял взгляд на Угрима.

– Ты его похоронил?

– Ясное дело. А ты почему спрашиваешь?

– Видишь ли, Угрим... – Глеб нахмурился. – Я думаю, что твой отец все еще в доме.

Несколько секунд в горнице стояла тишина, напоминавшая затишье перед грозой. Два ходака – нынешний и бывший – внимательно смотрели друг другу в глаза, и если взгляд Глеба был спокойным и незлобивым, то взгляд Угрима не предвещал ничего хорошего.

Когда тишина стала невыносимой и Лагин, кашлянув в кулак, хотел нарушить ее, Хват хрипло проговорил:

– Ты в своем уме, Первоход?

Глеб отвел взгляд и тихо сказал:

– Ежели это так, мы никому о том не расскажем. Просто посмотрим на него и уйдем. И все останется, как было. Клянусь Родом.

Хват помолчал, хмурия лоб, потом протянул руку к стене и снял с гвоздя топор. Опробовал пальцем его лезвие и задумчиво проговорил:

– Дров надо наколоть. Изба совсем простыла.

Лагин посмотрел на топор в руках широкоплечего верзилы и поежился. Затем нервно поправил очки и вопросительно взглянул на Глеба. Тот сидел за столом спокойно и прямо.

– Шел бы ты отсюда, Глеб, – снова заговорил Угрим. – У нас в семье горе, а ты глумишься. Нехорошо это. Противно.

– Так ты не покажешь нам отца?

Угрим медленно встал из-за стола и слегка приподнял топор. В его угрюмых глазах заплясали огоньки ярости.

– Ну, раз сам не хочешь уйти...

– Не дури, Хват, – сказал Глеб и холодно взглянул в глаза хозяину дома. – Я ведь могу привести княжьих охоронцев и проверить вместе с ними. И тогда...

Не дав Глебу договорить, Угрим ринулся на него с топором.

Произошла короткая схватка, в результате которой Хват оказался повержен на пол, а Глеб сел ему на спину и, отбросив в сторону топор, скрутил верзиле руки за спиной.

– Ну, что? – тяжело дыша, осведомился Глеб. – Успокоился?

Однако Хват, похоже, не собирался сдаваться. Он пыхтел и вырывался, несмотря на то, что Глеб скрутил ему руки до хруста в суставах и норовил сломать их.

– Глеб! – На пороге горницы, испуганно прижав к груди руки, застыла Ратмира. – Отпусти его, Глеб!

– Уйди отсюда... – прохрипел Хват. – Прочь...

Ратмира несколько секунд стояла у двери, с растерянным видом глядя на схватившихся мужчин, затем повернулась и выскользнула в другую комнату.

– Ученый, подай веревку! – крикнул Первоход.

– Я не...

– На стене. Быстро!

Лицо Глеба побагровело от напряжения. Верзила все еще пытался вырваться, и Глебу стоило огромных усилий сдерживать его.

Лишь связав бывшего ходока по рукам и ногам, Глеб расслабился и отер пот со лба. Взглянул исподлобья на Лагина и устало проговорил:

– Угрим ходит в одиночку на медведя. Он так здоров, что ему и рогатина не нужна.

– Получается, ты еще здоровей, – угрюмо откликнулся с пола Хват.

– Я ловчее, – возразил Глеб. – И я слишком хорошо тебя знаю.

В горницу снова вошла Ратмира.

– Угрим, – позвала она. – Зачем ты им противишься?

– А, это ты. – Верзила усмехнулся. – Вот, смотри, Ратмира, твой муж лежит на полу, опутанный веревками. Рада?

На красивом лице женщины отобразилась горечь.

– Угрим, сделай, как хочет Первоход, – попросила она. – Открой ему погреб.
– Значит, ты прячешь мертвеца в погребе, – проговорил Глеб. – Мне следовало догадаться самому.

– Тьфу ты, – сплюнул Хват. – Дура!

Орлов поднялся на ноги и шагнул к погребу.

– Глеб, подожди! – Ратмира стремительно подошла к Глебу и порывисто положила ему на грудь руку. – Если ты кому-нибудь расскажешь, нас погубят!

Глеб прижал руку женщины ладонью, посмотрел ей в глаза и спокойно произнес:

– Мы никому не скажем. Я поклялся Родом.

Ратмира покраснела и неловко высвободила руку. Угрим, хищно прищурившись, наблюдал за ними с пола.

– Ладно, – проговорил он вдруг. – Отведу тебя в погреб. Развязывай руки!

Глеб посмотрел на верзилу с сомнением.

– А не обманешь?

Хват угрюмо мотнул головой:

– Не обману. Клянусь животом богини Макоши. Пусть у меня отнимутся члены, ежели я совру.

Против такого обещания Глеб устоять не мог. Он наклонился, достал из ножен кинжал и быстро срезал путы на руках и ногах верзилы.

Угрим сел на полу, потер запястья и хмуро посмотрел на Глеба.

– Зачем вам отец-то мой понадобился? – спросил он.

– Просто хотим на него взглянуть, – ответил Глеб.

– И зачем глядеть? Нешто нетленных никогда не видел?

– Видел. Но в лица им не вглядывался. Лагин вон уверен, что нетленные – не мертвы.

Хват перевел взгляд на ученого мужа и хмыкнул.

– Знамо дело, не мертвы. Были бы мертвы, воняли бы. Ладно. – Он поднялся на ноги, подошел к полке, взял с нее берестяной факел и глянул на Глеба: – Твое волшебное огниво при тебе?

– При мне.

– Зажигай.

Глеб достал стальную «Зиппо», заряженную горючей «земляной кровью», и возжег факел. Угрим двинулся в сени. Гости последовали за ним.

В сенях он отодвинул в сторону кадку с солеными огурцами, нагнулся, ухватился за медное кольцо в полу и сильно потянул. Тяжелая, плотно подогнанная к настилу крышка медленно поднялась, обнажив черный зев погреба.

– Пошли, – сказал Хват и стал первым спускаться в погреб. – Ноги не переломайте, лестница ветхая, – предупредил он.

Глеб и Лагин спустились за ним в сырой, прохладный погреб. Спустившись на дно, Угрим воткнул факел в железный ухватень на стене.

Тайный погреб был довольно просторным. Тяжелые лиственничные балки подпирали деревянный короб. Глеб огляделся и похвалил:

– Хорошо поработал.

– За неделю вырыл, – с ленцой в голосе проговорил Угрим. – Сделал бы быстрее, коли б ратников не таился.

В центре погреба на обтесанных квадратных камнях стоял деревянный гроб.

– Он у тебя открывается? – спросил Глеб.

– Открывается.

Угрим подошел к гробу, поддел кромку пальцами и легко откинул крышку. Затем осторожно снял ее и привалил к стене.

Глеб и Лагин приблизились к гробу и взглянули на мертвеца. Хват отступил назад, чтобы не мешать им. Кожа покойника не сотлела. Неприятного запаха не было. Лицо старика с заострившимися чертами выражало полный покой.

Лагин зябко передернул плечами.

– Будто спит, – тихо пробормотал он. – Видел за свою жизнь сотни мертвецов, многих из них вскрывал, а к этим никак не могу привыкнуть. Есть в них что-то... потустороннее.

Хлопнувшая за спиной крышка погребца заставила Лагина и Глеба вздрогнуть.

Наверху что-то гроыхнуло.

– Угрим! – крикнул Глеб, кинувшись к лестнице. – Открой погреб!

– Чтобы вы меня княжым псам сдали? – раздался сверху приглушенный голос. – Ищите дурака!

Глеб облизнул губы.

– Я клянусь тебе Перуном и Чернобогом, что никому про твой погреб не скажу!

– Конечно, не скажешь, – глухо отозвался Хват. – Потому что сам в нем сгниешь.

Глеб сжал кулаки. Сердце его билось учащенно. Рубаха на спине взмокла от пота.

– Что будем делать? – дрогнувшим голосом спросил Лагин.

– Закончим то, ради чего сюда пришли, – хмуро ответил Глеб. – А там уж будем думать.

Он повернулся и шагнул к гробу. Лагин встряхнулся и последовал за ним. Оба остановились у гроба и уставились на мертвого старика.

– Нужно открыть ему рот, – робко проговорил Лагин и с надеждой посмотрел на Глеба.

– Тебе нужно, ты и открывай, – сказал тот.

Ученый муж вздохнул, протянул руки к лицу покойника, но остановился.

Игра теней на лице старика создавала странное ощущение. Казалось, что покойник легонько ухмыляется и то и дело бросает на незваных гостей быстрые, неуловимые взгляды из-под опущенных ресниц.

«Что, если он встанет? – подумал вдруг Глеб. Эта мысль заставила его поежиться. – Мы в этом погребе как в ловушке. Бежать некуда. А амулеты против упырей на *нетленного* могут и не подействовать».

Подрагивающие пальцы Лагина коснулись головы мертвеца. Одну руку ученый положил старику на лоб, а другой ловко ухватил его за нижнюю челюсть. Приоткрыть старику рот не составило труда.

– Ни тления, ни окоченения, – проговорил Лагин едва ли не с восхищением. – Удивительно! Что ж, теперь послушаем?

Глеб и Лагин склонились над стариком и замерли.

Несколько минут спустя Глеб отпрянул от покойника и изумленно уставился на его неподвижное лицо.

– Черт...

– Ты слышал это? – восторженно проговорил Лагин.

Глеб не ответил и снова склонился над мертвецом. На этот раз Глеб расслышал абсолютно явственно:

– Руксун... тройчан... гибло...

Слова звучали очень тихо, едва различимо, словно тот, кто произносил их, находился далеко-далеко отсюда.

– Гибло... Руксун...

Вдруг голос утих. Из рта нетленного словно бы пахнуло горячим ветром.

На щеках Лагина проступили красные пятна.

– Удивительно, – снова пробормотал он. – Те же самые слова. Руксун, тройчан, гибло.

– Что значит «те же самые»? – не понял Глеб.

Лагин взглянул на него, и стекла очков ученого возбужденно блеснули.

– Те же слова, которые бормотал мой брат. То есть... бормотанием это назвать, конечно, нельзя. Ведь ни губы, ни язык мертвеца не шевелятся.

– Не понимаю. – Глеб досадливо поморщился. – Одни и те же слова. Как такое может быть? И что это означает?

Лагин улыбнулся, потом снял очки и, протирая стекла подолом высунувшейся из-под

края стеганой куртки рубахи, спросил:

– Ты когда-нибудь был у моря, Глеб?

– Был. А при чем тут...

– Раковины слушал?

– Ну, слушал.

Ученый муж кивнул:

– Ну, вот. Во всех раковинах одно и то же – звук моря. Понимаешь? Рты нетленных – это словно отдушины погреба. Отдушин много, а погреб один. Если в погребе кто-то есть и этот кто-то поет песню...

– То песня раздается из всех отдушин разом, – закончил Глеб.

Лагин водрузил очки на нос. Несколько секунд мужчины смотрели друг на друга, пораженные общей догадкой.

– Но где находится этот «погреб»? – тихо спросил Глеб. – И кто в нем сидит? И самое главное... – Глеб обвел взглядом своды реального погреба. – Как мы отсюда выберемся?

Улыбка покинула губы Лагина. Он оглядел погреб и поежился. Перспектива остаться здесь, в полной темноте, наедине с покойником, могла напугать кого угодно.

– Мы никак не сможем выбраться? – тихо спросил он.

– Погреб сработан добротно, – сказал Глеб. – Угрим все делает добротно.

– Может, попробовать выбить крышку?

Глеб отрицательно покачал головой:

– Нет. Крышка крепкая, дубовая. И Угрим наверняка задвинул ее сундуком. Тут хоть год головой бейся – все равно не поможет.

– Тогда, может быть, подкоп?

– Тоже не годится. Земля здесь каменистая, руками ее не возьмешь. Даже лопатой пришлось бы махать не меньше недели.

Лагин прерывисто вздохнул:

– Выходит, мы крепко влипли...

– Выходит, так.

Наверху опять загрохотало. Послышался громкий окрик Угрима, потом опять грохот. Взвизгнула Ратмира. Что-то повалилось на пол. Потом Хват застонал и разразился громкой, яростной бранью. Но вдруг брань прервалась, и снова настала тишина.

Громыкнула крышка погреба, и чистый, ясный голос окликнул:

– Лагин, Первоход, вы здесь?

– Здесь! – радостно отозвался ученый муж.

– Выходите!

3

– Диона! – выдохнул Лагин, выбравшись из погреба.

Глеб отряхнул штаны, не глядя на девушку, затем открыл дверь сеней и вошел в горницу. Лагин и Диона последовали за ним.

Угрим Хват лежал на полу, вновь связанный по рукам и ногам. Верзила не шевелился, а глаза его были закрыты.

Глеб обернулся к Дионе и коротко спросил:

– Как ты это сделала?

– Вас долго не было, – ответила девушка, тряхнув темными волосами. – Я стала волноваться. Пришла сюда. Этот гад хотел меня ударить. Я ударила в ответ.

Лагин присел возле Угрима и пощупал ему пальцами шею.

– Живой, – сказал он. – Но без сознания.

– В нокауте, – подтвердил Глеб. Потом огляделся и быстро спросил: – А где Ратмира?

– Ты про женщину? – Диона нахмурилась. – Она лежит в другой комнате, на кровати.

– Ты ее...

Диона качнула головой:

– Нет, я ее не трогала.

Только сейчас Глеб расслышал тихий плач. Он двинулся было на этот плач, но Лагин положил ему руку на плечо.

– Ходок, мне кажется, что ты не должен туда входить.

Глеб остановился. Похмурил задумчиво брови и нехотя согласился:

– Да... Пожалуй, ты прав.

Угрим на полу зашевелился.

– Мы увидели все, что хотели, – сказал Глеб, поглядывая на распростертого на полу верзилу. – Идем отсюда.

И он первым зашагал к двери.

– Куда теперь? – спросил, последовав за ним, Лагин.

– У нас много вопросов, – ответил Глеб. – Попытаемся найти того, у кого есть ответы.

Он распахнул дверь и вышел из горницы.

На улице уже рассвело. Бродяга Хомыч сидел в подводе с несчастным лицом. Завидев своих спутников, он воспрял и заулыбался щербатым ртом.

Глеб запрыгнул на телегу, подождал, пока усядутся Лагин и Диона, и взял в руки вожжи. Лошади нетерпеливо и нервно тронули с места. Должно быть, они чуяли мертвеца, лежащего под рогожей, и не могли понять, почему покойник преследует их.

Улицы Хлынь-града ожили. По деревянной мостовой, гроыхая колесами, катились телеги купцов. Лошади цокали копытами, неся на своих спинах невыспавшихся, хмурых всадников. Там и сям поблескивали шеломы и медные нагрудники ратников и охоронцев.

Вдали прошло, вразнобой помыкивая и оставляя за собой лепешки навоза, небольшое стадо коров.

Разговоров на улицах было мало. Жители спешили с утра по своим делам, а разговоры оставляли на полдень, когда можно будет рассесться по приступкам и завалинкам и почесать языки.

Лагин, поглядывая на спешащих людей, тихо спросил:

– Глеб, что между тобой и Хватом? Почему этот человек так сильно тебя не любит?

Глеб помолчал, потом неохотно ответил:

– Угрим когда-то был ходоком. Очень хорошим ходоком. А потом он встретил Ратмиру. Вернее... это я ее встретил. Я первый. Он – потом.

– Ратмира полюбила тебя?

– Да.

– А ты?

Глеб молчал, подыскивая слова для ответа.

– Ты не принял ее любовь, да?

– Как тебе сказать... Сначала да, а потом...

– Ты ее бросил?

Глеб кивнул. Лагин помолчал, поблескивая очками, а после негромко спросил:

– И что Ратмира?

– Ратмира бросилась на вилы, – ответил Глеб угрюмо.

– Какой ужас, – проговорила Диона. – Она сильно покалечилась?

– Сильно, – не глядя на девушку, ответил Орлов. – Угриму пришлось идти в Гиблое место за мертвой водой, чтобы поставить ее на ноги. Хват спешил и не обращал внимания на проклятые места. Думал, проскочит. Но Гиблое место не прощает ошибок. Он попал в вертящееся облако...

– Угрим попал в вертуна? – с изумлением переспросила Диона. – И остался жив?

Глеб кивнул:

– Да. Я уже говорил, что Хват очень крепкий парень. Вертун сломал ему несколько костей, но выпустил живым. Кости срослись, но в душе Хвата поселился страх.

– Он перестал ходить в Гиблое место?

Глеб дернул щекой и холодно проговорил:
– Он вообще перестал выходить. Даже со двора. Ему всюду мерещатся чудовища. Он даже спит при свете свечи. И все равно – каждую ночь ему снятся кошмары.
– В самом деле? – удивился Лагин. – Неужели от этого нет никакого средства?
– От болезней и бед, которыми награждает нас Гиблое место, нет никаких средств, – угрюмо ответил Глеб. – Это его дары. И отнять их может только оно.
– Но Ратмиру Угрим спас, – выдохнула Диона.
– Спас. И, значит, все закончилось хорошо.
Диона качнула красивой темноволосой головой:
– Нет, Первоход. В их доме поселился не только страх, в их доме поселилась тоска. А что это за жизнь – между тоской и страхом?
– Обыкновенная жизнь. Все так живут.
Диона вновь покачала головой:

– Нет. Тоска и страх точат сердце. Но если в сердце живет любовь, оно им неподвластно.
Глеб прищурил недобрые глаза и с усмешкой проговорил:
– Ты прямо тургеневская девушка.
– Что? – не поняла Диона.
– Ничего, проехали. Н-но, пошла! – наподдал он вожжами, и лошадки покатили по мостовой чуть веселее.

4

Мрачно было в горнице Крысуна. Хоть и горница большая, и цветы на стенах малевали лучшие художники, каких только Крысун смог найти в Хлынском княжестве и окрест. А все одно было темно и безрадостно.
Войдя в горницу, Бельмец опасливо глянул по сторонам и невольно поежился. Цветы на стенах почему-то напомнили ему оскаленные красные и синие морды чудовищ.
Крысун сидел на высоком дубовом стуле, похожем на княжий трон. Стул был накрыт мягким восточным ковром из тонкой шерсти, и Бельмец невольно позавидовал. Уж ему-то на такие ковры никогда денег не накопить.
– Приветствую тебя, Крысун! – громко сказал Бельмец, останавливаясь перед тронем.
Тощий, долговязый человек, сидевший на троне, прищурил маленькие черные глаза.
– Как ты меня назвал?
– Прости, Карп, – поспешно исправился Бельмец. – Я к тебе с дельцем. Коли тебе угодно будет меня выслушать.
Крысун усмехнулся и негромко распорядился:
– Лихач, дай ему табурет.
Рослый охоронец, сопровождавший Бельмеца от самых дверей, взял от стены табурет и поставил его перед Бельмцом.
– Сядь, – сказал он.
Бельмец сел. Сложил руки на острых коленях и вопрошающе посмотрел на Крысуна.
– Ну, белоглазый, – с растяжкой произнес тот. – И зачем ты ко мне пожаловал?
– Есть вести, – ответил Бельмец. И добавил со значением: – Вельми важные вести.
– Гм... – Крысун облизнул губы тонким языком. – И какие такие вести? Рассказывать будешь или вола тянуть?
– Расскажу, чего ж. – Бельмец слегка приосанился, сознавая всю важность того, о чем он собирался поведать купцу-богатею. – Глеба-Первохода помнишь?
Лицо Крысуна помрачнело.
– Ну.
– Он опять в Гиблое место собрался.

– Да ну? И что мне с того?

– С ним ученый муж из моравской земли. Зовут Лагин. По-христиански Тимофей. Узкое лицо Крысуна еще больше заострилось, в глазах мелькнуло любопытство.

– Продолжай, – тихо сказал он.

– Мне один из ганзейских купчиков по пьянке рассказал. Он там как раз неподалеку сидел, когда Глеб и Лагин дельце свое обтирали. Сказывает, Лагин ходуку деньги предлагал. Вельми много!

– Сколько?

– Пятьсот золотых!

Лицо Крысуна дернулось, словно его стегнули по щеке.

– Большое, стало быть, дело задумал, раз такие деньжищи дает, – хрипло проговорил он. – Что еще скажешь?

– Целовальник из кружала, Озар, слышал, что этот Лагин... – голос Бельмеца снизился до хриплого тревожного шепота, – ...золото делать умеет. Для того ему и надобно в Гиблое место.

Крысун усмехнулся, поскреб тощими пальцами впалую щеку.

– Золото, значит, делать умеет. Ну-ну. Спяну и не то померещится.

– Озар не пьет, – возразил, посверкивая белым слепым глазом, Бельмец. – Ни браги, ни водки. Сам ведь знаешь.

Крысун задумался. С минуту он морщил сухой лоб, затем усмехнулся, достал из кармана кошель, развязал тесемку и высыпал на стол несколько серебряных дирхемов. Взглянул на Бельмеца.

– Чего рот раззявил? Бери – твои.

Бельмец встал с табурета, неуверенно приблизился к столу. Перед тем как сгрести деньги, опасливо глянул на Крысуна. Кто знает, что у этого гада на уме?

Лишь спрятав монеты в карман, Бельмец вздохнул свободнее. Крысун продолжал за ним внимательно наблюдать.

– Что-нибудь еще хочешь рассказать? – негромко осведомился он.

Бельмец колебался. Заплатит еще Крысун или нет? Может, конечно. Рискнуть? И Бельмец рискнул.

– Купчик ганзейский слышал, что они про *нетленных* вспоминали.

Крысун поморщился.

– А чего их вспоминать? Трупы как трупы, только что не воняют.

– Так-то оно так, – задумчиво проронил Бельмец и почесал ногтем нос, – да только есть тут какая-то тайна. В подводе у них девка едет. Не человек – нелюдь. Но красивая.

– Гм... – Крысун презрительно усмехнулся. – Значит, Первоход спутался с нелюдью? На него это не похоже.

– Девку у Бавы Прибытка ученый муж выкупил. Двадцать солидов за нее не пожалел.

– Двадцать солидов? – Сумма поразила Крысуна, и он облизнул мигом пересохшие губы. – Ну, дело его. Отдал, значит, было за что. Чего же ты от меня хочешь, белоглазый?

Бельмец слегка растерялся.

– Да думал, что тебе эти весточки сгодятся.

– Для чего?

– А уж это ты сам решишь.

Крысун откинулся на спинку трона и нахмурился. Долго сидел, шевеля тощим лицом. Наконец, сказал:

– Похоже, что ты прав. Есть тут какая-то тайна. Вот что я решил, Бельмец: пойдешь за ними и все разумеешь. Куда они, туда и ты.

Бельмец побледнел и изумленно уставился на богатея.

– Что это ты выдумал, Карп? Я в Гиблое место не ходок. Я простой барышник и со смертью спора не веду. В Гиблом месте сразу пропаду!

– Не один пойдешь, – хмуро проговорил Крысун. – Дам тебе в провожатые надежного ходока. Такого надежного, что даже Глеб-Первоход пред ним ничто.

– А разве такие бывают?

– Бывают. Лихач! – повернулся он к молчаливому охоронцу. – Приведи сюда моего ходока.

Лихач кивнул и вышел из горницы. Бельмец сел на табурет и нахмурился. Он твердо знал, что во всем Хлынском княжестве нет ходока надежнее и сильнее, чем Глеб-Первоход.

– Кто ж такой твой ходок? – спросил Бельмец. – Я вроде всех знаю.

– И этого тоже знаешь, – с усмешкой произнес Крысун.

– Кто ж такой?

Крысун хотел ответить, но за дверью послышался топот, и в горницу вошли двое: охоронец Лихач, а с ним еще один.

Бельмец вскочил с табурета, да так резко, что тот грохнулся об пол.

– Темный ходок! – хрипло проговорил он, с изумлением уставившись на вошедшего.

На того и впрямь стоило посмотреть. Был он срединного роста, но коренаст и неизмеримо широк в плечах. Руки его, большие, широкие, были затянуты в суконные перчатки. А лицо под низко нахлобученной кожаной шапкой скрыто под тряпичную маску с тремя дырами, для глаз и рта.

Бельмец уловил ноздрями неприятный запах, исходящий от вошедшего, и поморщился. А тот мельком взглянул на перепуганного Бельмеца, перевел взгляд на Крысуна и спросил странным, ломающимся голосом:

– Зачем звал, Крысун?

– Пора тебе, ходок, за важное дело взяться, – ответил тот.

Бельмец попятился, споткнулся об табурет и едва не грохнулся на пол.

– Я думал, о тебе все выдумали! – выдохнул он, глядя на Темного ходока. – А ты, выходит, есть?

Слухи о Темном ходоке появились в Порочном граде давно. Поговаривали, что это он отбирает заказы у других ходоков, доставляя Баве Прибытку и Крысуну темных тварей по три и даже четыре штуки зараз.

Кто-то из ходоков встречал его в лесу, но особо никогда не приближался. Пошло даже поверье, что, ежели встретишь в лесу Темного ходока, удачи не будет. Да и с жизнью скоро расстанешься.

Особо пугливые утверждали, что Темный ходок – это сам леший, прикинувшийся человеком. Поэтому, дескать, и воняет от него мхом и земляной влагой.

По поводу лешего Бельмец не был уверен, а вот насчет вонь рассказчики не обманули – вонь была.

Шмыгнув носом, Бельмец перевел взгляд на Крысуна и жалобно проговорил:

– Карп, не могу я с ним идти. Не мое это дело – в Гиблом месте шляться. Пересказать вести или чего достать – это я могу. Но идти в Гиблую чащобу...

– Пойдешь, – резко проронил Крысун. – А ежели не пойдешь, возьму тебя за шиворот и приволоку к Егре. Он давно тебя доискивается. Отдам тебя ему, и будут мне слава и награда.

Бельмец быстро глянул на дверь. Он страшно жалел, что пришел к Крысуну. Хотел деньгу по-легкому сбить. А оно вишь как получилось.

– На дверь-то не гляди, – с тонкой усмешечкой проговорил Крысун. – Пока я не дозволю, со двора не выберешься. И в Порочном граде от меня не скроешься. Хозяин-то этому граду – я! Только свистну, и останутся от тебя рожки да ножки!

– Карп! – загнусавил Бельмец и бухнулся на колени. – Не вели казнить! Прошу тебя сердешно – не гони ты меня в Гиблое место! Сгину ведь!

Крысун усмехнулся. Затем открыл ящик стола, достал что-то и брякнул на стол.

– Видишь это?

Единственный уцелевший глаз Бельмеца вспыхнул алчным огоньком.

– Золотой самородок... – пробормотал он и облизнул губы. – На осьмушку пуда

потянет.

– Твоим будет, – сказал Крысун. – Коли выведаешь мне все про Первохода да Лагина и выгоду мою объяснишь.

Бельмец нервно усмехнулся:

– Коли мертвецом стану, так и золото мне ни к чему.

Крысун охолодел лицом.

– А ты не блажи раньше времени, белоглазый! Темный ходок с тобой пойдет. Он о тебе и позаботится.

Бельмец снова взглянул на странного человека с замотанным лицом. Тот стоял возле стены молча, широко расставив ноги и сложив на груди руки. Стоял неподвижно, как будто был сделан из камня.

Бельмец шмыгнул носом.

– Нет, Карп, уволь. Не могу я туда идти. Вокруг много справных ходоков. Вот хоть братьев Барсуковых призови, они на подъем легки, а за самородок твой башку и в огонь, и в голодную прогалину сунут!

Крысун сдвинул брови. Его длинный, тонкий нос слегка дернулся.

– Значит, не пойдешь?

– Не могу я туда пойти. Уволь.

Крысун перевел взгляд на Темного ходока и слегка качнул головой. В то же мгновение Темный ходок шагнул к Бельмecu, схватил его за плечо и резко прижал к себе.

– Пусти! – завопил Бельмец. – Пусти, гад!

Барышник отчаянно забился, пытаясь вырваться, но силы были слишком неравны. Темный ходок действовал быстро и спокойно. Одной рукой он сдавил Бельмеца, а пальцы другой запустил в его слепую глазницу. Вынул белый глаз и, продолжая держать барышника в своих железных объятьях, протянул глаз Крысуну.

Как только Крысун взял глаз, Темный ходок отшвырнул от себя Бельмеца. Отшвырнул вроде несильно, но пролетел Бельмец через всю комнату, пока не шваркнулся плечом о противоположную стену.

Отвалился от стены, шмыгнул носом и пробормотал, потирая ушибленное плечо:

– Пусть обрушится кара богов на твою голову, Темный ходок!

Крысун повертел круглый белый камушек в руке. Потом взглянул на Бельмеца и с усмешкой спросил:

– Нешто и впрямь видит?

Бельмец не ответил. Тогда Крысун положил камушек на ладонь и приказал:

– А ну, белый глаз, покажь, где тут чудные вещи!

Белый камушек завертелся на ладони Крысуна. Потом резко остановился и воззрился темным пятнышком на сундук, стоявший в углу горницы.

– Верно глаз показывает! – улыбнулся Крысун. Он перевел взгляд на хнычущего Бельмеца. – Так вот оно откуда, твое чутье на волшебные амулеты. Пока он в твоей башке, ты видишь, чем набиты карманы и сумки ходоков!

Бельмец всхлипнул:

– Отдай глаз... Я без него пропаду.

Крысун прищурился, несколько секунд что-то обдумывал, затем открыл ящик стола и швырнул туда белый камушек.

– Глаз тебе верну, – сухо сказал он. – Но только когда обратно воротишься и расскажешь, как золото делать. Не воротишься – станет глаз моим.

Бельмец потер плечо, болезненно скривился и сказал:

– Ладно, пойду. Хорошо бы амулетами разжиться, Карп.

– Нешто у тебя своих нет? В карманах-то поройся.

– У меня ежели и есть, то на продажу, – хмуро возразил Бельмец. – Ты человек торговый, должен понимать.

Крысун изогнул тонкие губы в усмешку.

– Что ж... Дам я тебе амулетов. На все случаи дам. Но коли потеряешь или испортишь – из своего кармана со мной расплатишься. А не расплатишься, так расплачешься. На том и порешим.

...На улице было по-осеннему мрачно. Небо затянули мороки. Ветер тянул холодком.

Почувяв приближение Темного ходока, лошади, впряженные в телегу, заволновались. Однако Темный ходок поднял руку, пробормотал что-то на непонятном языке, и лошади мгновенно успокоились.

Про себя Бельмец окрестил Темного ходока «Пугачом». Он и был пугачом, пугалом. Только не для птиц, а для людей.

«Чтоб тебя духи болотные в трясину утянули», – мысленно пожелал ему Бельмец.

Запах, исходивший от Темного ходока, бил Бельмecu в нос. Но, странное дело, чем больше Бельмец привыкал к этому запаху, тем приятней он ему становился. То ли запах менялся, то ли в носу у Бельмеца что-то менялось – непонятно.

Взяв в руки вожжи и тронув телегу с места, Бельмец поинтересовался:

– Слышь-ка. А правду говорят, что тебя даже темные твари боятся?

Темный ходок ничего не ответил. Он сидел прямо и глядел перед собой. Плохо, конечно, но по крайней мере ничего дурного он Бельмecu не делал, и барышник еще больше осмелел.

– Позволь спросить: откуда ты взялся, ходок? Ведь не было тебя раньше. Чтобы ходоком стать, нужно Гиблое место как свои пять пальцев знать. И даже это от беды не спасает. Откуда твои знания?

Пугач ничего не ответил. Бельмец подождал немного, вздохнул и сказал:

– Молчишь... Значит, беседа у нас с тобой не получится. Ладно. Одного не понимаю: как мы Глеба-Первохода найдем? Может, он уже в Гиблое место подался?

– Найдем, – проскрежетал вдруг Темный ходок своим страшным голосом. – Я его чую.

– Ну, коли так... – Бельмец повернулся к лошадям и хлестнул их вожжами по задкам. – А ну, шевели копытами, собачий ужин!

Глава третья

1

Прошка сидел у костра и, вытянув руки, грел над рыжими языками пламени озябшие ладони. Лицо его было покрыто багровыми рубцами и едва затянувшимися ссадинами. Коломец постарался. Гад. Был бы Прошка взрослым, убил бы гада на месте, а так – приходилось терпеть. Что мальчишка против взрослого мужика? Все одно что цыпленок.

Прошка хотел было по привычке задуматься о своей горькой судьбине, но тут из темноты его кто-то негромко окликнул:

– Эй, пострел!

Прошка повернулся и испуганно уставился в темноту.

– Кто это меня зовет? – спросил он.

– Это я, Коломец!

Мальчик вскочил на ноги и бросился бежать, но чернобородый разбойник перекрыл ему дорогу.

– Не бойсь, не обижу. – Разбойник усмехнулся. – Я тебе рожу не со зла попортил, а для дела.

Прошка продолжал пятиться, испуганно глядя на разбойника.

– Говорю тебе: для дела, – продолжил Коломец, медленно наступая. – Да ты не бойсь, царапины заживут. А что шрамы останутся, так тебе же лучше. Девки таких любят.

При упоминании о девках мальчишка остановился.

– Правду говоришь? – недоверчиво спросил он.

– А то. У моего бати на роже живого места не было. И девки ему прохода не давали. Прошка было расслабился, но снова сдвинул брови.

– А огнем пошто меня жег? – угрюмо спросил он.

– Чтобы кровянка течь перестала. Я так всегда делаю, когда сильно оцарапаюсь.

Прошка все еще смотрел на разбойника подозрительно, но страх постепенно отступал.

Боли Прошка никогда не боялся. Просто было очень обидно.

Посчитав это дело проясненным, Коломец перешел к главному.

– Видел Глеба-Первохода? – спросил он.

Прошка кивнул:

– Видел.

– Слушал, о чем он говорил?

– Слушал.

– И о чем?

Прошка молчал, хмурия брови.

– Выкладывай, – подбодрил его разбойник. – Тебе же лучше будет. Коли что полезное, так Деряба тебе деньжат отвалит. Деряба не жадный.

Прошка решил, что в словах Коломца есть резон, и заговорил:

– Первоход в Гиблое место собирается. А с ним мужик, который в подводе с Жаданом ехал. И еще одна девка.

– Мужик? Это который со слюдяными кружочками на зенках?

Прошка кивнул:

– Угу.

– Хм... А зачем идут-то – не слышал?

Прошка покачал головой:

– Нет. Но денег у них много. Я кошель видал, огромный. А в нем звенело.

При слове «кошель» глаза Коломца по-кошачьи замерцали.

– Где они сейчас? – осведомился он.

– В Хлынь-град поехали. Там у Первохода какой-то дружок живет.

– В Хлынь, говоришь? – Коломец поскреб пальцами бородатую щеку. – А давно ли уехали?

– Не очень. Ежели сейчас поедem, то можно и перехватить.

– «Сейчас». – Коломец хмыкнул. – Ишь, какой быстрый. Дерябе нужно сперва рассказать. Он и решит, как действовать.

Прошка прищурил темные, глубоко запавшие глаза.

– Нешто без Дерябы не можешь? – с усмешкой спросил он.

– «Без Дерябы», – снова передразнил разбойник. – Без Дерябы и мечи – что шкрябы. У Первохода ольстра. Мне одному с ним не совладать.

– Это если грубой силой брать, – возразил мальчишка. – А можно ведь и хитростью.

Коломец нахмурился и внимательно взгляделся в Прошкино лицо.

– Придумал, что ль, чего, малый?

– Сперва надо Первохода и его ватагу догнать. А то уйдут, тогда хоть думай, хоть не думай – один хрен.

Коломец подозрительно прищурился на мальчишку.

– Ты-то чего такой резвый?

– Мне деньги нужны.

– Де-еньги? – насмешливо протянул Коломец. – И зачем это?

– Мою мамку печенег Шавкатка полонил. Хочу ее из полона выкупить.

– Вон оно что. – Коломец посмотрел на мальчишку с любопытством. Отважный парень. Отчаянный. Был бы постарше, можно было б в напарники взять. – А давно в полоне-то? – спросил Коломец.

Прошка вздохнул:

– Уж второй месяц пошел.

– Так она небось уж от Шавкатки брюхата.
Мальчонка сжал тощие кулаки и шагнул на Коломца.
– Скажешь еще, пожалеешь! – пригрозил он.
Разбойник усмехнулся:
– Ну-ну, охолони, птенец. Лучше скажи, что у тебя за хитрость?
Прошка расслабился.
– В доверие к ним втереться хочу, – деловито сообщил он.
– Как это?
– Да просто. Ты же мне рожу порезал. Покажусь им, поведаю про то, как ты меня мучил. Про мамку расскажу. Они сердобольные, поверят. Поеду с ними. А как Первоход задремлет, ольстру у него стяну. А тут и ты подоспеешь.
Коломец сдвинул брови и обдумал слова мальчишки.
– А коли не задремлет? – с сомнением спросил он.
– Задремлет, – убежденно заявил Прошка. – Рано или поздно. Он ведь не двуличный.
Коломец подумал еще чуток и вздохнул.
– Попробовать можно. Глядишь, что-нибудь да и выгорит. Ладно. Айда со мной.
– У тебя подвода? – быстро спросил Прошка.
– «Подвода». Размечтался! Лошадка Гнедашка. Позади меня сядешь. Так и помчим. – Коломец почесал щеку и задумчиво добавил: – Жаль, что Дерябе не сказали. Ну да ничего. Коли ольстру у Первохода стянешь, я с ним и один справлюсь. Сполна ему свой должок выплачу.
– Сгубишь? – деловито уточнил Прошка.
– Голову ему отсеку, – просто ответил Коломец.
– А с кошельем что сделаем, коли добудем? Нешто Дерябе отдашь?
Разбойник ухмыльнулся и качнул бородатой головой:
– Не, не отдам. С тобой поделим.
– Поровну?
– Поровну не могу, – честно признался Коломец. – Обида сердце жечь будет. Через то и тебя сгубить могу. Дам тебе третью часть. Мамку у Шавкатки выкупить хватит. Согласен, что ли?

– Согласен, – отозвался Прошка. – Идем к твоему Гнедашке.

2

Человек, вышедший из юрты, был невысок и темноволос. Желтая, словно у китайца, кожа. Усов нет, а черная бородка заплетена в косицу. Понятно, что человек с Востока, но не понятно, какого возраста. Кожей вроде молод, но по глазам – темным, всезнающим – человек пожилой.

Одет человек был в ичиги, штаны и охотничью куртку из оленьей шкуры, похожую на ту, которую носил Глеб. Шея его была увешана амулетами.

Глеб соскочил с телеги и, шагнув навстречу темноволосому, громко сказал:

– Приветствую тебя, добрый человек! Мы разыскиваем волхва по имени Гильфан. Знаешь ли такого?

Мужчина прищурился.

– А зачем он вам? – Голос у него был глуховатый, но спокойный и ровный.

– Дело к нему есть, – ответил Глеб.

– Дело? – Мужчина окинул телегу и седоков подозрительным и любопытным взглядом. – Если к Гильфану едут, значит, дело важное. Но с пустыми руками к нему не подходи.

– Про то слышали, – усмехнулся Первоход. – Нрав у него алчный.

Мужчина опустил глаза и смиренно проговорил:

– Не стремись к тому, что есть у других, но не отказывайся от того, что несут тебе. Слава Создателю, который посылает нам мудрые мысли.

Глеб прищурил карие глаза и слегка склонил голову набок.

– А разве брать с людей большую плату – это не алчность? – поинтересовался он.

Мужчина погладил пальцами заплетенную в косу бородку и изрек:

– Оставь те заботы, что имеешь в голове, и отдай то имущество, что имеешь в руках, ежели хочешь купить то, что стало предметом твоих устремлений.

– Мудрено, – отозвался Глеб. – Скажи-ка, добрый человек, ты всегда говоришь назиданиями?

Мужчина улыбнулся, отчего лицо его прояснилось и стало простым и бесхитростным, будто у ребенка.

– Каждое слово, в котором нет богопоминания, – бессмыслица. И всякий взгляд, в котором нет назидания, – пустая забава.

– Ясно, – совсем развеселился Глеб. – Вижу, мы пришли, куда надо. Ты ведь и есть волхв Гильфан, верно?

– Верно, – ответил мужчина своим смиренным, глуховатым голосом. – Это мое имя.

– Странное имя.

– Арабское. Мой отец пришел на вашу землю из аравийской пустыни.

– И что значит имя сие по-арабски?

– Хранитель, – просто ответил Гильфан. – А проще, то страж.

– И что же ты сторожишь, Гильфан-Хранитель?

Волхв усмехнулся.

– То одному Создателю ведомо.

– А нам, значит, не скажешь?

– Только с Его позволения.

Глеб рассмеялся.

– А ты знаешь, что тебя люди за алчность твою не любят? – весело спросил он.

– Делай доброе дело, ища награды от Создателя, а в людском уважении мало проку, – смиренно отвечал Гильфан и в подтверждение своих слов тяжело вздохнул.

– Наше счастье, что мы при деньгах. – Глеб повернулся к телеге и весело окликнул: – Эй, на барже! Мы приехали!

Вскоре все они сидели у костра. Восточный волхв со странным именем Гильфан ворошил палкой угли. Время от времени он бросал на Диону любопытные взгляды. На Глеба он смотрел иронически, а на ученого мужа Лагина не смотрел вовсе, будто того не существовало в природе.

У костра Глеб снова стал задавать вопросы:

– Слышал я, Гильфан, что ты помогаешь всем без разбору, – сказал он. – И добрым людям, и злым. Верно ли это?

Гильфан лукаво усмехнулся.

– Познавший Создателя – это тот, кто не смотрит на творения Его взглядом приязни или неприязни. Добрый человек, злой человек – не все ли равно?

– А разве ваш арабский Бог не призывает к добру? Я читал ваше священное учение. Мне кажется, оно кое в чем похоже на христианское.

– Ты получил поверхностное знание, Первоход. А поверхностное знание, как легкий дождик. И земля от него не увлажнится, и жаждущий не напьется. – Гильфан вновь поворошил палкой угли и спокойно поинтересовался: – Зачем ты ко мне пришел, Глеб-Первоход?

Улыбка покинула губы Глеба.

– Ты что-нибудь слышал о нетленных? – сухо спросил он.

Гильфан кивнул:

– Слышал.

– И что ты о них думаешь?

– Думаю, что везти сюда покойника под рогожей – дело глупое, опасное и бессмысленное.

– Откуда ты знаешь, что мы его привезли? – удивленно спросила Диона.

По темным губам Гильфана скользнула усмешка.

– Я много чего знаю, красавица. Знаю, что дом твой в Кишени. И что сама ты – аншор бин ля хамаши. Чужая среди своих и чужая среди чужих.

Губы Дионы дрогнули.

– Как ты догадался, что я не человек? – сдавленно спросила она.

Волхв хмыкнул.

– Отличить огонь от облака много ума не надо, – ответил он. – А у тебя все на лице написано.

– А у меня что написано? – поинтересовался, поблескивая очками, Лагин. – Мое лицо прочесть сможешь?

Волхв на него не взглянул. Лишь задумчиво поворошил угли и пробормотал почти равнодушно:

– Иные лица – что белый снег в пустынном месте. Ни отпечатка, ни следа. А что снег скрывает, то одному только Создателю ведомо. Может, цветок. А может, острый сук.

Лагин снял очки и, протирая их краем рубахи, проговорил:

– Что мне нравится в шаманах, так это их любовь к иносказаниям. Прямого ответа от них никогда не услышишь.

Глеб посмотрел на Лагина насмешливо. Тот явно был уязвлен невниманием волхва к своей персоне.

Водрузив очки на нос, Лагин посмотрел на небо и вздохнул.

– Вот уже и сумерки.

Гильфан поднялся с бревна, взглянул на заходящее солнце и сказал:

– Пора волховать, ходок. Деньги я беру вперед.

Глеб достал из кармана несколько монет и положил их в протянутую ладонь восточного волхва.

– В бубен свой стучать будешь? – осведомился Лагин.

– Нет у меня бубна, – сухо ответил Гильфан. – И не шаман я. Я с духами лесными разговоров не веду, мои беседы – только с Создателем.

– Нешто он с тобой говорит? – подал голос Хомыш, который до сих пор сидел тише воды ниже травы и лишь пугливо поглядывал на волхва.

Гильфан посмотрел на старика пристальным взглядом, от которого тот поежился, и ответил:

– Создатель говорит с людьми громко и четко, но не всякий Его слышит.

– А как же его услышать? – поинтересовался Хомыш.

Гильфан улыбнулся:

– Нужно очень сильно захотеть.

3

– Что это он пьет? – спросил Лагин, с любопытством глядя на волхва, поднесшего к губам глиняную чашу с каким-то напитком.

– Паргу-сому, – ответил Глеб. – Настой из гриба мухомора.

– Вот оно что. – Лагин кивнул. – Это я знаю. Шаманское питье. Зелье для видений.

Напившись зелья, Гильфан закрыл глаза и долго стоял так, освещаемый лишь закатным солнцем и отблесками огня от охваченных пламенем головней.

Вдруг он забормотал что-то и медленно завертелся на месте. Глеб прислушался, но сумел разобрать лишь отдельные фразы, некоторые из них были непонятны:

Аерат, вахадат, черный мир в бездне алой...

Ваерат, айхадат, алый мир в бездне черной...
С малой травинки по пылинке...
С муравья по капле яда...
Соткись, ковер, каких не было...
Заверни мысли мои в туман-поземку...
Обрати взор мой к Создателю всего сущего...
А ты, Создатель, всемогущий и единый,
Вырежи рот свой на лице моем...
И заговори ртом тем...
Все, что отдельно, то едино...
Все, что едино, то отдельно...
И господство твое безраздельно над миром этим...
Аерат, вахадат, черный мир в бездне алой...

Волхв вертелся все быстрее и быстрее. Речитатив его тоже убыстрялся, делался все более нервным, судорожным, а затем слился в один монотонный, непрерывный звук.

Слов в нем уже было не разобрать. Да и голоса человеческого узнать бы не удалось. Казалось, никто из живущих не может издавать такой звук, и то звучит само вращающееся тело шамана.

Диона сидела, съежившись в комок и испуганно глядя на волхва. Лагин смотрел на него с пугливым любопытством.

Глеб взирал на Хранителя сосредоточенно и хмуро. Он слышал, что искусство Гильфана вовсе не так безобидно, как кажется. И неизвестно еще, кто придет на зов Хранителя – его восточный Бог или сам огнедышащий Шайтан.

Вдруг Гильфан остановился и уставился на Глеба.

– Ты оставил незавершенное дело, – мрачно изрек он. – Отдал скрижаль знания темной твари.

Брови Глеба дрогнули.

– Откуда ты...

– Великая беда надвигается на твой мир, Первоход. Исток этой беды – на Пепельном острове, у Погребального шатра.

Глеб смотрел на волхва, открыв рот.

– Неужели ты не узнал глас того, кто глаголет устами нетленных? – жестко проговорил Гильфан. – Неужели ты не узнал того, кто поднимет их и обратит против вас?

– Поднимет нетленных? – не поверил своим ушам Глеб. – Они что – упыри?

Гильфан смотрел на него пылающим, жестким взглядом, и Глеб под этим взглядом поежился.

Голос Гильфана звучал странно и страшно:

– Это не мертвые, и это не живые. Это то, в чем зарождается новая жизнь. Тварь, которую ты оставил на острове, обрела силу повелевать Жизнью и Смертью. И она поднимет нетленных против вас.

Глеб упрямо качнул головой.

– Этого не может быть. Их мало.

Волхв усмехнулся.

– Есть ли в княжестве хоть один, кто не пробовал бурую пыль? Не нюхал, не вкушал с водой?

– Так это все из-за бурой пыли? – растерянно проговорил Глеб.

Гильфан презрительно скривился:

– Глупец! Ты так ничего и не понял!

– Да что я должен понять-то? – вспыхнул Глеб. – Скажи по-человечески!

Гильфан шагнул к ходуку и простер руку над его головой.

– Ты отказался от дара, – мрачным голосом изрек он. – И дар попал в чужие руки. Дар

не может существовать без хозяина. И дар не различает добра и зла. Но ты... Ты различаешь.

Глеб не выдержал взгляд Гильфана и отвел глаза.

– Что я должен сделать? – хрипло спросил он.

– Вернись туда, откуда позорно сбежал. Останови колдуна. Иначе не быть более вашему миру.

Гильфан опустил голову, плечи его обмякли.

Судя по всему, представление закончилось.

Когда Гильфан снова поднял голову, он уже не был неистовым обличителем, а вернулся к своему прежнему образу – невысокий, кареглазый юноша с глазами усталого старика.

– Уф-ф... – выдохнул Гильфан и усмехнулся. – Много странного я тебе рассказал, ходок, верно?

– Верно, – отозвался Глеб.

– Ну, значит, не зря ты ко мне пришел. Я сейчас уйду. Вы оставайтесь сколько захотите. Где юрта для гостей, сам знаешь. Захотите ночевать, ночуйте. За буран-камнем есть родник. Там можете утолить жажду. Доброй ночи!

Гильфан повернулся и побрел к своей юрте.

– Доброй ночи, – тихо проговорила ему вслед Диона.

4

Над горячими углями костра жарились на деревянных палочках грибы. Рядом дымился закопченный котелок, из которого торчали проваренные стебли брусничника. Вкусно пахло дымком и багульником.

Пока Глеб разливал травяной чай по кружкам, Лагин поворошил палкой угли.

– Красиво, – сказал он, улыбаясь и поблескивая стеклышками очков. – Я давно в лесу не был.

Глеб отставил котелок и принялся выкладывать из туеска на зеленые листья лопуха куски вяленой лосятины. Диона смотрела на мясо голодными глазами.

– А что, Гиблый лес и впрямь так страшен, как о нем рассказывают? – снова заговорил Лагин.

– Страшен, – коротко ответил Глеб.

Ученый муж повернулся к девушке.

– Диона, но ведь Гиблый лес – твоя родина. Тебя-то он не пугает?

– Я не жила в лесу. Я жила в Кишени.

– В разрушенном граде. – Лагин кивнул. – Да, я про него слышал. Но ведь Кишень – в самом сердце Гиблого места.

– Мое племя научилось защищаться от темных злыдней.

– От темных злыдней, – с мрачной усмешкой повторил Глеб. – А ты сама-то кто?

Диона посмотрела на него с упреком.

– Мы боимся оборотней и волколаков так же, как вы, – сказала она. – Многие из нас похожи на вас, людей. И для упырей наша кровь так же сладка, как ваша.

– Как же вы там выживаете? – с любопытством спросил Лагин.

– Нас спасают думраны.

– Что?

– Это то, что вы называете «чудными вещами». Для нас они не просто вещи, а боги. За несколько поколений мы научились использовать их для защиты.

– Втыкаете вокруг ваших поселений дозорные рогатки?

– Не только. У наших старейшин скопилось много амулетов. За многие из них заплачено кровью.

– Ты говоришь про те чудные вещи, которые не помогают, а убивают?

Диона кивнула.

– Есть думраны, которые больно ранят нас, но убивают упырей, – сказала она. – А есть думраны, которые помогают нам, но обижаются, если с ними плохо обходишься, и тогда они мстят. Эти думраны самые страшные.

Лагин поправил пальцем очки, помолчал, поглядывая на огонь, потом вновь повернулся к Дионе и сказал:

– Ты говоришь на языке русичей, но это ведь не родной твой язык?

Диона качнула головой:

– Нет. Но наш язык похож на здешний. Думаю, когда-то мои предки говорили на языке русичей. Давно, до того, как мертвый бог упал на землю и рассыпал маленьких богов.

– Думранов?

Диона кивнула.

Глеб положил на листья лопухов палочки с нанизанными грибами.

– Готово, – сказал он. – Теперь можно и поесть.

Глеб, Лагин и бродяга Хомяч взялись за еду.

– А ты чего не ешь? – осведомился Глеб у девушки.

– Грибы тоже бывают думранами, – ответила она. – Они могут сделать тебя счастливым, но могут погубить.

– Эти не погубят, – заверил ее Глеб. – Вот в Гиблом месте я бы не рискнул срезать даже простой опенок. Не понимаю, откуда вы там вообще еду берете.

– Мы молимся думранам, чтобы не обманули нас. Каждый раз. Перед каждым кусочком.

Глеб удивленно посмотрел на девушку.

– Вы что, разговариваете с едой? Весело. «Алиса, познакомься, это пудинг. Пудинг, познакомься, это Алиса».

По лицу Дионы пробежала тень.

– Никогда не знаешь, еда перед тобой или думран, – хрипло проговорила она. – И никогда не знаешь, убьет она тебя или укрепит твои силы.

Лагин отправил в рот очередной кусок лосятины и проговорил, работая челюстями:

– Бедная девочка. Представляю себе тот адский страх, в котором вы все там живете.

– Не все, – возразила Диона. – Среди нас есть такие, кому не страшны думраны. Они сами как думраны. Они не похожи на вас. Некоторые из них как звери. А некоторые страшнее, чем звери. Но они мудрые и сильные. И они правят нами.

– Должно быть, они – сногшибательные уроды, если даже ты называешь их страшными. – Глеб взял кружку и отхлебнул горячего чая.

Диона протянула руку и взяла с листа кусочек мяса. Поднесла его ко рту и что-то тихо пробормотала на своем языке. Затем положила мясо в рот и принялась осторожно его жевать.

Несколько минут все ели молча. Сжевав свой кусок, Лагин запил мясо травяным настоем и спросил:

– Глеб, о каком колдуне говорил Гильфан?

Первоход нехотя ответил:

– Это долгая история.

– А разве мы куда-то спешим? – Лагин взглянул на Первохода сквозь стеклышки очков и, нахмурившись, добавил: – Думаю, я должен это знать.

Глеб невесело усмехнулся.

– Что ж... Коли должен, расскажу. Это случилось, когда я в первый раз пришел в Гиблое место. Со мной был один старик. Странник по имени Осьмий. Ночью на одного из нас напали упыри. Осьмий отвлек их и спас парня, но сам убежать не успел. Упыри убили его. К утру он переродился и сам стал живым мертвецом.

– Что было потом?

– Это был очень разумный упырь. Не такой, как другие. Не знаю как, но он добрался до Пепельного острова и оказался возле Погребального шатра вместе со мной. Я не решился туда войти, а он... Он вошел.

Глеб вытер руки пучком травы, потянулся за новым куском мяса.
– Он вошел и обрел знание? – уточнил Лагин.
– Что-то вроде этого. Хотя не думаю, что это подходящее слово. В Гиблом месте все не так, как здесь. И все не то, чем кажется.
– Но Гильфан сказал, что этот упырь обрел власть над жизнью и смертью. И ты слышал его голос, который звучал из открытого рта нетленного мертвеца.
Глеб промолчал. Потом потянулся за котелком с травяным настоем и предложил:
– Давайте закончим трапезу в тишине.

5

– Здесь, – сказал Темный ходок и показал пальцем на высокий забор.
Бельмец посмотрел на частокол забора и нахмурился.
– Здесь живет бывший ходок Угрим Хват, – заявил он. – Я его знаю. По-твоему, Глеб-Первоход у Хвата?

Темный ходок не ответил. Он слез с телеги, поправил на поясе меч и двинулся к дубовым воротам широкими чеканными шагами. Бельмец тоже соскочил с телеги, накинул петлю на коновязь, постоял немного в нерешительности, не зная, на что решиться, потом вздохнул и засеменил за своим мрачным спутником.

У ворот Темный ходок остановился и дождался Бельмеца.
– Сейчас постучишь, – глухо приказал он, глядя на барышника сквозь дыры в тряпке. – Скажешь, что принес зелье от ночных снов. Хочешь ему продать.

Бельмец передернул плечами. Встречаться с угрюмым, нелюдимым и скорым на расправу Хватом ему очень не хотелось.

– А ежели откажет? Что тогда?
– Не откажет, – проскрежетал Темный ходок. – Стучи.
Не рад был Бельмец тому, что делает, но разве был у него выбор? Он занес кулак и нерешительно стукнул костяшками по деревянной доске калитки. Во дворе забрехала собака.

– Громче, – приказал Темный ходок.
Бельмец постучал громче. Во дворе послышались шаги, а затем грубый, недовольный голос Угрима проговорил:

– Чего надо?
– Хват, это я! – пискнул в ответ Бельмец.
– Кто?
– Я, Бельмец!
– Чего надо?
– Э-э... Траву тебе хочу продать.
– Какую такую траву?
– От ночных снов!

Угрим молчал. Тогда Бельмец добавил для правдоподобия и вескости:
– Трава редкая, отдам дорого!
– С чего ты взял, что она мне нужна? – грубо осведомился Угрим.
– Ты ведь ходок, хоть и бывший. А вам, ходакам, вечно снятся кошмары.

Еще несколько долгих мгновений протекли в тишине. Затем лязгнул железный засов, и калитка распахнулась. Темный ходок отпихнул Бельмеца в сторону и шагнул во двор.

На этот раз Угрим встретил незваных гостей во всеоружии. В одной руке он держал топор, а в другой – кинжал-скрамасакс. Завидев незнакомца, бывший ходок не удивился и не испугался. Лишь крепче перехватил топорнице и спросил хрипло:

– Кто ты?
– У тебя гостил Первоход, – проскрежетал Темный ходок. – Зачем он приходил?
Раскосые глаза Хвата чуть прищурились.
– Я не знаю, кто ты такой, – холодно и отрывисто проговорил он. – Но если ты не

уберешься со двора, я расколю тебе топором башку.

Темный ходок мотнул головой:

– Неправильный ответ.

Он резко вскинул правую руку и схватил Угрима за горло. Хват махнул топором, но ходок небрежно, будто играючи, перехватил его руку, вырвал топор и отшвырнул его в сторону.

Угрим кольнул кинжалом, но Темный ходок и тут его опередил. Просто схватил за руку и сдавил с такой силой, что кинжал сам выпал из разжавшихся пальцев Угрима.

– Я тебя не убью, – проскрежетал Темный ходок. – Если расскажешь про Первохода.

Вместо ответа Хват вскинул руки, обхватил голову ходока ладонями, а большие пальцы запустил ему в глаза и надавил.

Ходок тряхнул головой и резко оттолкнул от себя Угрима. Упав на землю, Хват подобрал топор, вскочил на ноги и бросился на Темного ходока.

Он снова взмахнул топором. Однако и на этот раз удар не достиг цели. Ходок легко увернулся и ударил Угрима кулаком под дых. Потом схватил скрючившегося Угрима за шиворот и ткнул его лицом в землю.

Сев противнику на спину, Темный ходок обхватил руками его голову и слегка надавил. Хват застонал от боли.

– Зачем? – снова заговорил Темный ходок. – Зачем он к тебе приходил?

Угрим стиснул зубы, чтобы не застонать, но противник надавил еще сильнее.

– Зачем? – повторил он свой вопрос.

Хват не выдержал и вскрикнул от боли.

– Угрим! – послышался из дома женский голос. – Угрим, что там за шум?

Темный ходок на мгновение вскинул голову, затем усмехнулся под своей страшной маской. Угрим понял, что сейчас произойдет.

– Нет! – крикнул он. – Ратмира, бе...

Голова Угрима хрустнула. Ходок вытер руки об заношенный кафтан, поднялся на ноги и зашагал в дом. Бельмец, пугливо покосившись на труп Хвата, засеменял за ним.

– Пугач, подожди, – окликнул он ходока. – Дай я сам с ней поговорю.

Темный ходок остановился, подумал и кивнул. Бельмец выдвинулся вперед. В сени они вошли одновременно – Бельмец с улицы, а Ратмира из горницы.

– Ратмира, это я, – сказал Бельмец и улыбнулся. – Не бойся.

Женщина остановилась и попятилась. Смотрела она не на Бельмеца, а на страшного человека с замотанной головой.

– Ратмира, это Темный ходок, – принялся объяснять Бельмец. – Ты, наверно, о нем слышала. Он не сделает тебе вреда. Но ты должна ответить на наши вопросы.

Она перевела взгляд на Бельмеца, сглотнула слюну и сдавленно спросила:

– Что с Угримом?

– С ним все в порядке, – соврал Бельмец. – Мы только связали его. Ратмира, мы знаем, что к вам приходил Глеб-Первоход. Чего он хотел? Поведай нам, Ратмира.

Женщина облизнула пересохшие губы и хрипло проговорила:

– Нетленный... У нас в подвале...

– У вас в подвале нетленный? – уточнил Бельмец.

Ратмира кивнула. Бельмец ухмыльнулся:

– Спрятали, значит. И что от него хотел Глеб?

– Он сказал... Он сказал, что нетленные разговаривают.

Бельмец покосился на Темного ходока. Тот стоял в дверном проеме, сложив руки на груди. Бельмец снова повернулся к женщине.

– Куда направился Первоход, Ратмира?

– В Гиблое место, – тихо ответила она.

– Зачем?

– Того не ведаю.

Темный ходок шагнул вперед и коротко проскрежетал Бельмецу:
– Уйди.
Барышник, поняв, что сейчас произойдет, повернулся и заспешил прочь из дома.
За спиной у него раздался пронзительный женский вскрик, но тут же оборвался.
Когда Темный ходок вышел из дома, перчатки на его руках были темными от крови Ратмиры.

6

Лошади бодро выбивали копытами дробь. От княжьего града отъехали далеко. Когда Хлынь совсем скрылся из виду, Глеб повернул лошадей с большака на проселочную дорогу.

– Куда мы едем, Первоход? – спросил, поблескивая очками, Лагин.

– В село Топлево, к кузнецу Вакару, – ответил Глеб.

Диона приподняла голову.

– Я слышала про Вакара, – сказала она. – Говорят, что он валах. И еще, что у него сумасшедшая дочь.

– Поменьше слушай, что говорят, – сухо проронил Глеб.

Вскоре показалось село. Оно было небольшое, но дома стояли чистые и ухоженные, заборы – досточка к досточке. За огородами темнели баньки. Из некоторых, по случаю выходного дня, шел дымок. Умели русичи жить, когда хотели.

Вот и дом кузнеца. Самый большой, с огромным резным коньком на козырьке.

– Тпрр-уу! – крикнул лошадам Глеб и остановил телегу.

На завалинке сидела полноватая русоволосая деваха в белой рубахе и грызла сухарь. Ноги ее были босы, а на голове красовалась суконная мужская шапка. Лицо было плоским и конопатым, глаза смотрели на все с философским безразличием.

– Приветствую тебя, Ольстра, дочь Вакара!

Деваха прищурила голубые глаза.

– Первоход? Ты ли это?

– Я, как видишь.

– Давно тебя у нас не было. С чем пожаловал?

Глеб улыбнулся.

– Соскучился по вам. Захотел повидаться. Отец-то дома?

– Батюшка почивает.

– Где?

– Где и всегда – на заднем дворе. За кузницей.

Вакар спал на ворохе старого сена. Русые, давно не стриженные волосы его были всклокочены, в кудрявой бороде застряли сухие травинки. Рядом валялся пустой кувшин. Глеб поднял кувшин, понюхал и поморщился.

– Брага, – сказал он.

Ольстра хмуро посмотрела на спящего отца и спросила у Глеба:

– Разбудить, что ли?

– Разбуди, – кивнул Глеб.

Ольстра повернулась и пошла в кузню, но почти тотчас вернулась с приготовленным заранее ведром воды.

– А ну – разгребись! – скомандовала она.

Глеб и его спутники отошли от кузнеца на пару шагов.

– Вставай, старый леший! – крикнула Ольстра и окатила отца водой.

Некоторое время ничего не происходило. Вакар продолжал лежать на ворохе сена – мокрый, с капающей из волос и бороды водой. Наконец он открыл один глаз и хмуро посмотрел на незваных гостей.

Глеб улыбнулся.

– Приветствую тебя, кузнец-вещун Вакар!

Кузнец приподнял лохматую голову и прищурил заплывшие глаза. Его толстые губы тронула усмешка.

– Кого я вижу. Глеб из рода Алкоголя-Табака? Пришел за новым зачарованным мечом?

– Да. Откуешь мне меч-всеруб?

– Смотря сколько заплатишь.

– Заплачу щедро. А еще мне нужны патроны для ольстры.

– Патроны у меня есть. Давно сделал, все тебя дожидался, чтобы отдать. И чтоб ты знал: огневое зелье подорожало, так что с тебя еще полгривны. – Вакар перевел взгляд на спутников Глеба. – А это кто с тобой?

– Ученый муж Тимофей Лагин и бродяга Хомыч.

– Приветствую тебя, кузнец-вещун! – почтительно произнес Хомыч.

– Доброго тебе дня! – с улыбкой пожелал Лагин.

Кузнец глянул на Диону и усмехнулся.

– Девка-то с вами какая красивая. Мне такие уже и во сне не снятся.

– Ее зовут Диона, – сказал Глеб. – И она не девка, а нелюдь.

– Нелюдь? – Лицо кузнеца помрачнело. – Негоже человеку знаться с лесной нечистью.

Диона сдвинула брови-стрелки.

– Зря вы, дяденька, меня обижаете, – сказала она. – Я злого никому не сделала.

– Не сделала, так сделаешь, – небрежно и презрительно проговорил Вакар, почесывая бок. – Все вы, нелюди, одной грязью мазаны. Ладно. Идите в дом, а я пока разожгу огонь да покличу помощника.

За последние пять лет Глеб уже в четвертый раз приезжал к кузнецу за новым мечом. Клинки, которые могли десятилетиями достойно служить в ратных битвах, в Гиблом месте быстро приходили в негодность. Ржавели, ломались, зазубривались. Глеб поначалу грешил на Вакара, но потом обнаружил, что мечи других кузнецов не выдерживают в Гиблом месте и одного месяца.

Что-то такое было в тамошнем воздухе. Что-то, что губило клинки и корежило людские души.

Сейчас, в четвертый раз, все прошло так же, как в предыдущие. Стоя на пригорке перед кузней, Глеб гордо выпрямил голову и почтительно и торжественно проговорил:

– Создатель всепобедного оружия, славный кузнец-вещун Вакар! Прошу тебя отковать мечи-всерубы моему товарищу Лагину, что пришел к нам из земель моравийских, также и доброму страннику Хомычу! Пусть кованые тобой мечи станут символом честной победы, а не холодным железом! Откуй нам мечи!

– Откуй мечи! – громко повторил Лагин.

– Откуй мечи! – сбивчиво пробормотал Хомыч.

Кузнец-вещун поклонился в сторону восхода солнца и пробасил:

– Руки мои да не разучатся плавить железо из болотной руды! Руки мои да не устанут ковать из криц нержавеющей всепобедное оружие! Я откую мечи с острыми жалами на погибель темным злыдням!

– Слава Вакару! – торжественно изрек Глеб.

– Слава! – поддержали Лагин и Хомыч.

Вакар кивнул и, сосредоточенно насупившись, зашагал к кузнице.

Вскоре из кузницы послышался перестук молотов, а затем – басовитый голос Вакара:

– ...заговариваю тебя, меч победный, на доброе дело... против гада морского и земного... против силы злой иноземной...

Ольстра пригласила было путешественников за стол, но Глеб сказал, что они подождут Вакара. Его спутники не возражали.

Кузнеца ждали на улице. Глеб сидел на завалинке и дремал. Лагин нервно расхаживал по двору, то и дело вскидывая голову в сторону кузницы и прислушиваясь – не закончил ли Вакар работу. Диона сидела на траве, обхватив острые коленки руками, и задумчиво

смотрела в сторону леса. А Хомыч громко похрапывал в телеге.

Наконец, работа была готова, и Вакар вышел из кузницы. Торжественно вручив готовые мечи Лагину и Хомычу, Вакар подмигнул Глебу и тихо шепнул ему на ухо:

– Пойдем-ка, чего покажу.

И, не дожидаясь ответа, двинулся обратно в кузницу. Глеб, усмехаясь в ожидании нового сюрприза, двинулся за ним.

В кузнице Вакар задвинул засовом дверь, потом взял что-то с полки и протянул Глебу. Это был небольшой золотистый шарик.

– Узнаешь?

– Узнаю, – ответил Глеб.

– Вещь хорошая, за нее и золотую монету отдать не жалко, верно?

Глеб засмеялся.

– Ох и выжига ты, Вакар!

– На том стоим, – весело отозвался кузнец. – Брага-то нынче дорогая, а водка, которую ты изобрел, мне и вовсе не по карману.

– А как же перегонный аппарат? Сам же можешь себе сделать.

– Перегонную штуковину я еще о прошлую весну загнал. Проезжему иноземному купцу, торговцу ячменем. Сказал – будет водку из ячменя делать. Даже имя ей придумал – вискай.

– Фрол с тебя шкуру сдерет, – заметил Глеб.

– Не сдерет. Перегонная штуковина сломанная была. Все руки не доходили починить.

Глеб улыбнулся.

– Что-то мне подсказывает, что купец твою машину все-таки починит. И «вискай» свой гнать будет.

Вакар лукаво прищурился.

– Тебе виднее. Есть у меня еще кое-что. Твой-то меч еще как? Служит?

– Служит. Хоть и притупился немного.

– Ты вот что, Первоход... Меч свой пока у меня оставь. А я тебе новый дам. Лучший меч, что я когда-либо ковал. Дам тебе им попользоваться за золото, что бренчит у тебя в кармане.

– Сперва посмотрим, что за меч.

– Что ж, посмотри.

Кузнец подошел к столу и положил руки на длинный, узкий короб из закопченных досок. Помедлил немного, потом вздохнул и откинул крышку. Из короба Вакар бережно, как ребенка, достал меч. Повернулся к Глебу:

– Ну-ка, посмотри!

Глеб воззрился на меч, и лицо его восхищенно просветлело.

Голомень клинка был украшен золотым гравированным узором. Присмотревшись, Глеб разглядел сцены сражений с оборотнями и волколаками. Конец меча, вопреки обыкновению, был острый. Таким мечом можно было не только рубить, но и колоть. Навершие, рукоять и перекрестье меча были украшены серебром и золотом.

– Ну? – спросил, прищурившись, Вакар. – Каково?

– Отличный девайс, – похвалил Глеб.

– Стараемся, – с усмешкой ответил Вакар и тоже взглянул на меч. – Вельми красивый, верно?

– Это самый красивый меч из всех, что я видал, – восторженно ответил Глеб.

Вакар засмеялся:

– То-то же. Долго я его ковал. Да не просто из железа, а из крепчайшего харалуга. Булатный оцел против него – ничто. Заговаривал от всех врагов, каких только знаю. Румейские купцы предлагали мне за него сто золотых солидов! А тебе отдам всего за двадцать пять.

Глеб усмехнулся, он знал склонность кузнеца к преувеличениям. И все же меч был

чудо как хорош.

– А не боишься, что сломаю? – поинтересовался он у Вакара.

Тот усмехнулся в курчавую бороду.

– Чтобы этот меч сломать, нужно здорово постараться. Ну, а случится сломать, отдашь мне взамен свою ольстру. Не навсегда, а токмо чтобы вторую такую же сделать.

– Ты ведь уже пытался. И ничего не получилось.

– Я тогда в запой ушел, потому и не получилось. А теперь, когда я перегонный аппарат продал... – Кузнец вздохнул и оставил фразу незавершенной. Потом махнул рукой и проворчал: – А, что там говорить. Так берешь меч или нет?

– Беру. Надеюсь, твой заговоренный меч меня не подведет. Только как же ты его нарек? У такого меча обязательно должно быть имя.

Вакар приосанился и важно сообщил:

– Нарек я его Драконьим Зубом!

– Как? – Глеб удивленно вскинул брови. – Что за чушь? Откуда ты про драконов-то знаешь?

– Мне один странник-варяг рассказывал. Говорил, что драконы в их лесах – обычное дело. Каждый размером с две мои кузни, а зубы – острее и длиннее любого меча. Вот я и решил, что мой меч будет так же остер и опасен, как драконий зуб!

Глеб подумал и улыбнулся.

– Что ж, имя хорошее. Только назову его – враги тут же от страха в штаны наделают и в стороны разбегутся.

– Понасмехайся еще...

– Ладно, не обижайся, – примирительно произнес Глеб. – А за меч спасибо. Постараюсь вернуть тебе его в целости и сохранности.

7

Стол накрыли на улице, под деревянным навесом. Ольстра переделась к столу и теперь была в просторном светлом летнике и чепце. Она бойко метала на стол тарелки и блюда. Соленые огурцы, капуста с брусникой, соленые рыжики с лучком, вяленая рыба, холодные румяные пироги с куриными потрохами.

В довершение всего этого великолепия Ольстра водрузила на стол большой кувшин с самогоном.

– А это откуда? – удивился Вакар.

– От тебя спрятала, – беззастенчиво ответила Ольстра. – Давно. Еще когда ты перегонным делом промышлял.

– Вот ведь хитрая девка.

Вакар сам разлил гостям по первой. Выпили, закусили. Лагин, как и полагается, закашлялся. Старик Хомыч и Ольстра, как и полагается, со смехом похлопали его ладонями по спине. Пока они обменивались по этому поводу шутками, Вакар покосился на Глеба и негромко спросил, похрустывая огурцом:

– Что, Глеб, жениться-то не надумал?

– Нет. Мне и без жены хорошо.

– Я тебя понимаю. Хотя... иногда и по женовней подмышке затоскуешь. Особенно зимой, когда дел мало, да и дом к утру выстужен.

Он наклонился к Глебу поближе и прошептал ему на ухо:

– Слышь-ка, а что приятель твой – со слюдой на роже? Он себе невесту не ищет?

– Не знаю, – так же шепотом ответил Глеб. – А что?

– Да мне бы Ольстру кому сбыть. Созрела девка, того гляди – перезреет. Она у меня бабенка хорошая, работающая. Рука у нее, конечно, тяжелая, но лупит только за дело. Опять же приданое за ней дам хорошее. Я хоть и пьяница, но мужик мастеровитый. И пью только с излишков. Кой-чего скопил.

– А вот об этом лучше помалкивай, – посоветовал Глеб. – Люди нынче недобрые. Лихих молодцев много развелось.

Вакар вздохнул:

– Ты прав. Так что насчет твоего Лагина? Не заинтересуется?

– Не знаю. Его спроси.

Вакар снова наполнил оловянные стаканчики гостей водкой. Лагин хотел отказаться, но Вакар заявил, что обидится на отказ, и бедный гофский ученый вынужден был снова взяться за свой стаканчик.

– Давайте выпьем за мужиков, да баб, да за малых детишек, каких им боги посылают! – сказал Вакар. – Ольстра, чего рот раззявила! Насыпь ученому мужу грибов и капустки. Вот так. А теперь – выпьем!

И все выпили. На этот раз Лагин не кашлял. Лишь сморщился и стал нюхать кусок хлеба, который сунула ему под нос Ольстра. Вакар закусил соленым огурцом, глянул задорно на Лагина и сказал:

– Слышь-ка, Лагин. Вот ты ученый муж, так?

– Так, – кивнул тот, меланхолично пожевывая хлеб.

– Наукам разным разумеешь, с писалом управляться можешь, соки из трав вытягиваешь, так?

– Так.

– А я все же думаю, что удивить меня ты ничем не сможешь.

– Правда? – Лагин поправил пальцем очки и засмеялся. – А если удивлю?

– Удивишь – отдам тебе самое дорогое, что у меня есть!

– Честно?

– Честно! Без дураков!

– А если не удивлю?

– Тогда ты мне десять золотых монет отвалишь.

– А коли удивишься, да не скажешь?

– Тогда пусть меня поразит Перун – вот на этом самом месте!

Лагин, уже захмелевший, погрозил кузнецу пальцем:

– Ну, смотри, кузнец.

Ученый муж взъерошил ладонью седые волосы и поднялся со скамьи.

– Пойду к тебе в кузницу, коли ты не против, – сообщил он Вакару.

Вакар пожал плечами:

– Валай!

Лагин подмигнул Дионе, хмельно хихикнул себе под нос и зашагал в кузницу.

8

Представление началось через полчаса. К тому времени Лагин успел не только приволоочь из кузницы маленькую железную печурку и поставить ее перед столом, но и как следует эту печурку раскопчегарить.

Затем он поставил на раскаленную печурку жестянку, показал зрителям берестяные кузовки и объявил:

– В этом кузовке – желтый песок, так?

– Так, – кивнул Вакар.

Лагин высыпал его в жестянку. Затем запустил руку в другую банку.

– А это – белый. Так?

– Так, – снова кивнул Вакар.

Лагин и этот песок высыпал в жестянку. Затем зачерпнул из третьей банки.

– А вот этот песок – черный. Видишь?

– Вижу.

Черный песок отправился к белому и желтому.

– Теперь смотри дальше, кузнец.

Лагин подбросил в печурку дров, подождал, пока они разгорятся, затем принялся колдовать над жестянкой.

Кузнец смотрел недоверчиво, но с любопытством. Ученый муж немного подождал, глядя в жестянку, потом кивнул сам себе и достал откуда-то железную трубку, обложенную у основания деревянными плашками, стянутыми проволокой.

– Это моя! – тотчас сказал Вакар. – Смотри, не испогань!

– Не испоганю, – пообещал Лагин.

Он что-то такое сделал, заслонив печурку спиной, затем повернулся к зрителям, сунул трубку в рот и напыжил щеки. Белый комок на широком раструбе трубки расширился и заискрился на солнце.

– Ишь ты! – проговорил кузнец насмешливо. – Такого чуда я точно не видывал!

Ученый продолжал дуть, а когда раздутый шар достиг нужного размера, он достал из кармана какие-то штучки и стал давить на шар со всех сторон – быстро, точно, уверенно. И прямо на глазах кузнеца шар стал менять форму. Не успел Вакар и глазом моргнуть, как шар превратился в сверкающую рыбину с петушиным хвостом.

Лагин снова повернулся к нему спиной и торопливо закончил работу. Потом глянул на всех через плечо хитрым взглядом, спрятанным за прозрачные кругляшки, и сказал:

– Потерпите еще чуток, сейчас остынет!.. Ну, вот!

Ученый муж повернулся и вытянул руку. На ладони у него лежала сверкающая, прозрачная, как вода, рыбина.

Кузнец протянул руку и осторожно ее потрогал.

– Это... лед? – неуверенно спросил он.

– Где ж ты видел теплый лед? – ответил Лагин вопросом на вопрос. – Подставь ладонь.

Кузнец растопырил черную от мозолей и вьевшейся железной грязи ладонь, и Лагин посадил в нее сверкающую рыбку.

– Держи! Это мой тебе подарок!

Вакар изумленно пялился на рыбку.

– Как же это? – пробормотал он. – Как ты заморозил воду, колдун? И откуда эта вода взялась?

Лагин засмеялся, снял очки и протер их краем рубахи.

– Это называется стекло, – ответил он и водрузил очки на нос. – На глазах у меня такие же, только круглые и выпуклые. Сделаны из песка и соды. Меня венетские мастера научили.

Вакар, изумленно глядя на рыбку, сглотнул слюну. Тут вышла из ступора и Ольстра.

– Батюшка, лепота-то какая! – заверещала она и протянула дрожащие от возбуждения руки. – Дай мне подержать!

Кузнец передал рыбку дочери.

– Ну, что, кузнец-вещун? – весело спросил его Лагин. – Удивил ли я тебя?

– Удивил, – признал Вакар. – Ума не приложу, как ты рыбку эту смастерил?

– Смешал несколько частей, только и всего. Песок, соду, глинозем, мел... Все, что нашел у тебя в кузнице и за кузницей.

Глаза Вакара возбужденно блеснули.

– Научи! – попросил он. – Я щедро отплачу!

Лагин улыбнулся:

– Чего ж не научить? Научу, конечно. Когда пойдем обратно, обязательно научу. Но, кажется, я выиграл в нашем споре? Отдашь мне теперь свою самую дорогую вещь?

Вакар вздохнул и ответил, смиренно понутив голову:

– Отдам, коли возьмешь.

– Возьму ли? Конечно, возьму! Кто откажется от дорогого подарка!

– Что ж, тогда... тогда давай сперва выпьем.

– Давай, – согласился Лагин.

Кузнец наполнил его стаканчик, потом свой. Они подняли стаканчик, чокнулись и

залпом выпили, будто обмывали сделку.

Поставив стаканчик на стол, Вакар повернулся к Ольстре, которая, раскрыв рот, осторожно трогала стеклянную рыбку пальцем, и окликнул:

– Чего рот-то раззявила? Ступай к Лагину! Ты теперь его! – Он перевел взгляд на удивленного ученого и, шмыгнув носом, вымолвил: – А ты, ученый, береги мою дочь. Одна она у меня... кровиночка.

Лагин переводил ошарашенный взгляд с Вакара на его дочь и обратно.

– погоди, кузнец... – Он сглотнул слюну. – Но это... Это не совсем то, что я ожидал.

– Мы всегда получаем не то, что ожидали, – философски изрек Вакар и вздохнул. – Так уж устроена наша жизнь. А теперь бери девку, и да помогут вам боги!

Вакар, удовлетворенно ухмыляясь, потянулся за кувшином с самогонной водкой.

Ольстра приосанилась, выпатила бантом губы и ласково посмотрела на Лагина. Некоторое время ученый муж сидел, будто обмакнутый в воду. Потом повернулся к Глебу и сдавленно пробормотал:

– Первоход, отойдем?

– Ну, давай, – усмехнулся Глеб.

Они встали из-за стола и отошли к кузнице. Лагин тут же схватил Первохода за пуговицу куртки и торопливо проговорил:

– Ходок, что мне делать?

Глеб пожал плечами:

– Не знаю, Тимофей. Ты ученый, ты и думай.

– Может, просто отказаться?

Глеб вытаращил глаза:

– Рехнулся? По здешним обычаям, нет большего оскорбления, чем отказаться от невесты.

– Она мне не невеста.

– Ты согласился ее взять. Значит – невеста.

– Но я же не ведал, что творю!

– Это тебя не оправдывает.

Лагин понурил голову. Глеб сочувственно похлопал его по плечу.

– Да, брат, попал ты. Вот что значит – не знать родных обычаев. Ну, да ничего. Женильба – это не самое страшное, что может случиться с человеком.

Судя по хмурому виду Лагина, его это, похоже, совсем не утешило. Тогда Глеб заговорил снова:

– Попробуй посмотреть на это с другой стороны. Ольстра – хорошая девушка. Сам же слышал: дом держать умеет, дерется в меру. Мечта, а не девушка. Вот представь себе: вернешься ты из мастерской с очередным слитком золота, усталый, как собака. А на столе тебя уже ждет горячий пирог с рыбой или грибами. А рядом – глиняный кувшин молока. Ну, или сладкого кваса. А ночью она тебя приласкает. Ольстра девка бойкая, тебе даже ничего делать не придется.

Лагин обдумал его слова и пробормотал задумчиво:

– А может, правда?.. Мне уж тридцать пять лет. Больше, чем было Христу, когда он на Голгофу взошел. Сколько можно бобылем-то жить?

– Вот и я говорю: соглашайся да радуйся. И не парься ты так. А то у тебя уже очки запотели.

Ученый муж наморщил лоб и вздохнул:

– Ох, не знаю, не знаю... Страшно мне как-то.

– Что страшно?

– Жизнь свою менять. – Тут Лагин покачнулся, и Глебу пришлось взять ученого под локоток, чтобы он не упал. – Что-то мне худо... – пробормотал Лагин, бледнея. – Мне бы прилечь...

– Ты напился, – сказал Глеб. – Это бывает.

Лагин посмотрел на ходока собачьими глазами и жалобно пробормотал:

– Поможешь мне добраться до кровати?

– Обязательно. Идем!

И Глеб повел пошатывающегося Лагина к дому. Проходя мимо стола, он весело сказал:

– Вакар, тут твой будущий зять захотел баиньки. Найдется для него местечко потеплее?

Вакар ухмыльнулся и окликнул:

– Ольстра! Отведи нашего гостя в опочивальню. Да позаботься об нем как следует!

Ольстра зарделась и потупила взгляд.

– Батюшка, нешто это можно... девке с мужиком в опочивальню?

– Раз я сказал, значит, можно, – рассудил Вакар.

– Что ж... Ежели на то твоя отцова воля...

Ольстра вскочила из-за стола с такой поспешностью, что едва не опрокинула скамеечку. Подхватила Лагина за талию, сбросила с его плеч руку Глеба, крутанула полными, аппетитными бедрами и лихо потащила ученого мужа в избу.

– Понесла паучиха мушонка, – язвительно проронил ей вслед Вакар. Затем повернулся к Глебу и с сомнением спросил: – Что, думаешь, у них сладится?

– Коли Ольстра захочет, то сладится, – ответил Глеб, усаживаясь за стол. – А мы давайте выпьем.

Глеб взял кувшин и плеснул самогон по стаканам. Только подняв стакан, он увидел, что Дионы за столом уже нет.

– А где нелюдь? – спросил он у кузнеца.

– Спать ушла, – сухо ответил тот.

– Ты что, постелил ей в доме?

– В доме? Нелюди? – Вакар криво ухмыльнулся и покачал головой: – Что ж я, с головой, по-твоему, не дружу? На сеновале она. За тяжелой дверью.

– Ты ее запер? – не поверил своим ушам Глеб.

Кузнец кивнул:

– Угу.

Глеб обдумал это и кивнул:

– Правильно. Эй, Хомыш, хватай стакан! Давай выпьем за будущее! За то, чтобы реактивные корабли бороздили космическое пространство! Чтобы русские первыми высадились на Марс! И чтобы наша сборная по футболу победила на чемпионате мира!

– Давай, – кивнул Вакар, не вдаваясь в суть непонятных слов.

Они чокнулись и выпили. Хомыш тут же опустил голову на руки, а Глеб заел водку соленым рыжиком.

– Вкусно, – похвалил он, похрустывая грибом. – В наше время так уже не умеют. Зато у нас есть пицца. Скажи-ка, вещун, ты когда-нибудь ел пиццу?

– Пиццу? – Вакар мотнул растрепанной головой. – Нет.

– А мясо по-неаполитански? Под лимонным соусом!

Вакар покачал головой:

– Нет.

– А запивал когда-нибудь холодным шампанским слабосоленую семгу?

– Нет, не запивал.

– А узбекский плов ел?

– Не ел.

– А жаренные с чесночком и специями креветки под чешское пиво – не пробовал?

Вакар подумал и качнул головой:

– Нет, не пробовал.

– Вот то-то и оно. – Глеб вздохнул. – Ни пиццы, ни шаурмы, ни мороженого с пирожным... Сижут тут с тобой... А жизнь проходит. Накапай-ка еще по пятьдесят капель.

Кузнец взял кувшин и наполнил стаканы. На этот раз выпили без тоста. Глеб пожевал

кусоч пирога и спросил:

– Как твоя Ольстра – по ночам-то перестала по дому бродить?

– Слава Ладе и дочери ее Леле, уж давно не бродит.

– Ну, и хорошо. – Глеб посмотрел на видневшийся вдалеке лес и вздохнул: – Эх, место ты мое гиблое... Вечно, что ли, в тебя ходить? – Помолчав немного, он глянул на кузнеца и спросил: – Слушай, Вакар, я тебе жениха привел?

Вакар пьяно кивнул:

– Привел.

– Хорошего?

– Хорошего.

– Ну, вот. А ты с меня двадцать пять солидов за меч требуешь. Не стыдно?

Кузнец вздохнул:

– Стыдно.

– Ну, так давай сойдемся на пятнадцати.

Вакар отрицательно покачал головой:

– Нет. Пятнадцать мало. Давай двадцать... четыре.

– Так-то ты ценишь моего жениха? В одну золотую монету? Сбрось еще пару.

Кузнец сунул в рот кусоч пирога, меланхолично его пожевал и – кивнул головой:

– Ладно. Пушай будет двадцать две. – Он скосил глаза на Глеба и усмехнулся: – Где это ты научился так торговаться, Первоход?

– Жизнь научила. Наливай еще!

Вакар схватился за кувшин, и пирушка продолжилась.

Утром, когда подвода путешественников отъехала от дома кузнеца и машущая платочком Ольстра исчезла за поворотом, Лагин наклонился к уху Глеба и, стыдливо покраснев, зашептал:

– Глеб, она такое умеет! Я даже не подозревал.

– Понравилась, значит, бабенка? – с улыбкой осведомился Глеб.

– Понравилась, – признался Лагин.

– Ну, и добро. На обратном пути справим свадебку. Н-но, пошла!

И лошади бойко застучали подкованными копытами по утопанной земле дороги. День был погожий, и о нетленном покойнике, спрятанном под рогожу, как-то не думалось.

Глава четвертая

1

На въезде в лес путешественники увидели бредущего по дороге мальчишку, одетого в немыслимые лохмотья.

Мальчик шел по обочине дороги неторопливо. Котомка на его остром плече размеренно колыхалась в такт шагам тощих ног, обутых в изодранные опорки.

Услыхав за спиной громохание колес, мальчишка сошел с дороги в высокую траву и с любопытством взглянул на приближающуюся подводу.

Глеб, правящий подводой, хотел проехать мимо, но Лагин положил ему руку на плечо и попросил:

– Первоход, осадика.

– Хозяин – барин, – ответил Глеб и слегка натянул вожжи. Лошади пошли медленным шагом.

Когда телега поравнялась с мальчишкой, Лагин громко спросил:

– Кто ты, человек?

Мальчишка пошел рядом с телегой.

– Я Прошка, – сказал он. – Нешто вы меня не помните?

Худенькое лицо пострела было все сплошь покрыто ссадинами и царапинами.

– Боже! – воскликнул Лагин. – Так ты – тот самый мальчишка, который помогал разбойникам?

Прошка вздохнул и вытер рукою нос.

– Не хотел, дяденька. Разбойники мою мамку полонили. А меня мучили. Вишь, какое с рожей сделали! Заставили на купца Жадана указать. Я и указал.

Мальчик по-прежнему шел рядом с телегой.

– Значит, это они тебя разукрасили? – спросил ученый муж, вглядываясь в искалеченное лицо мальчишки.

Тот кивнул:

– Ну.

– За что?

– За то, что я мамку защищал.

– И где теперь твоя мамка?

– Да нигде. Сгубили ее разбойники. А я, вишь, убег.

– Бедный мальчик. А ну – прыгай в телегу!

Мальчик недоверчиво оглядел сидящих в подводе людей и опасно спросил:

– А не обидите?

– Не обидим. Прыгай сюда!

Мальчишка поправил на плече котомку и с кошачьей ловкостью запрыгнул на телегу. Спустил с телеги ноги вниз, посмотрел на движущуюся мимо траву и, заметно повеселев, сказал:

– Так лучше.

– Еще бы, – улыбнулся Лагин. – А куда ты теперь пойдешь, Прошка?

– Того не ведаю. Может статься, в лесу буду жить. Построю себе шалашик, в нем и заживу. В Хлынь-то мне воротиться никак не можно. Разбойники споймают – убьют.

– Как же ты будешь в лесу жить?

– Да вот так и буду.

– А кушать что будешь?

– Птичек буду ловить. Я силки умею плести.

Лагин задумался.

– Слышь, Первоход, – окликнул он Глеба. – Мальцу совсем некуда податься. Может, возьмем его пока с собой? А там что-нибудь придумаем.

Бродяга Хомыч посмотрел на нового седока сердито и вдруг сказал:

– Первоход, прогони его. Зачем нам лишний рот?

– Не ругайся, Хомыч, – неожиданно вмешалась Диона. – Не видишь – мальчик без призора. Один пропадет.

Глеб усмехнулся и глянул на Диону колючими глазами.

– Нравится человеческий детеныш, нелюдь? – холодно спросил он. – Будь твоя воля, ты бы с удовольствием его слопала, верно?

– Я никогда не ела детей, – спокойно возразила Диона.

– Не ты, так твои картофелеголовые, десятирукые сородичи. Мальчик останется с нами.

– Но... – запротестовал было Хомыч.

– Останется, я сказал. А ты, нелюдь, помни: я приглядываю за тобой.

Прошка с любопытством посмотрел на девушку, но ничего не сказал. Диона покраснела.

– Почему ты так груб со мной, Первоход? Ведь я спасла вас.

– Спасла, верно, – согласился Глеб. – Но я не знаю, что у тебя на уме. Может, ты хочешь заманить нас в ловушку и скормить своим кровожадным сородичам?

– Дурак, – буркнула Диона и отвернулась.

Глеб тихо засмеялся.

Что ж, Диона и впрямь походила на девушку. Но Глеб не позволял себе забывать, кто

она. Ее сородичи, прячущиеся среди развалин Кишеня, поймали и сожрали великое множество людей. Были среди погибших и отличные ходоки. А что касается звероподобных вождей, то Глебу доводилось их видеть. Это были настоящие чудовища. Три, а то и четыре налитых кровью глаза, цепкие когтистые руки, деформированные челюсти с несколькими рядами острых, как бритва, зубов.

Иные соплеменники Дионы были страшнее оборотней и волколаков. Страшнее, сильнее и хитрее. И забывать об этом никак не следовало.

2

До самых сумерек ехали по лесу, а затем Глеб остановил подводу и объявил привал.

– Проща и Хомыш, айда со мной по дрова! – распорядился он, привязав лошадей. – Остальные – развязывайте сумку с припасами и подыщите место для костра.

В лесу сумерки были гуще, чем у дороги, и Хомыш, редко захаживавший в лес и считавший себя жителем городским, больше таращился по сторонам, ожидая нападения лесной нечисти, чем собирал дрова.

В конце концов Глебу пришлось пригрозить:

– Не будешь помогать – не получишь ни жалованья, ни обеда.

Только тогда Хомыш, бормоча под нос заклинания-обереги, стал рыскать по траве в поисках более-менее сухого валежника.

Лагин и Диона тем временем достали из сумки припасы и расчистили на траве прогалинку под костровище. Развязывая сумку и выкладывая на лопухи еду, Лагин то и дело бросал на девушку быстрые, восхищенные взгляды.

Наконец, он не выдержал и сказал:

– Просто удивительно, какая ты красивая, Диона.

– Первоходу так не кажется, – с горькой улыбкой возразила девушка.

– Первоход – упертый парень. Думаю, он много настрадался от вашего брата.

– Ходоки полонили и убили больше нелюдей, чем мы сгубили людей, – снова возразила Диона. – Мой народ ненавидит ходоков больше, чем оборотней и волколаков.

– И все же вы охотитесь на людей, – заметил Лагин. – А это плохо.

Щеки Дионы слегка порозовели, и Лагин поспешно сменил тему разговора.

– А мне плевать, нелюдь ты или человек, – заявил он. – Я вообще не вижу разницы.

Диона посмотрела на него удивленно, затем подняла руки с перевязанными ладонями и сказала:

– Вот она, разница. Первоход думает, что я уродка. И он прав.

– Чушь, – дернул щекой Лагин. – Подумаешь – глаза на ладонях. Я много лет занимаюсь ученым ремеслом и такого навидался, что тебе и не снилось. У вполне обычных баб и мужиков рождаются двухголовые дети. А однажды я видел мальчонку с хвостом и рожками. И что с того? Все это обыкновенные ошибки природы. Почему Господь допускает их – это, конечно, вопрос. И я не знаю на него ответа.

Из леса вышли Глеб, Хомыш и Проща. Подошли к расчищенной прогалинке, высыпали рядом дрова.

– Ну, как? – насмешливо осведомился Глеб, быстро глянув на Диону. – Не соскучились тут без нас?

– Что ты! – возразил, блеснув стеклышками очков, Лагин. – Диона – прекрасный собеседник!

– Рад, что у вас все склеилось. Теперь самое время развести костер и пообедать.

И Глеб сам взялся за это дело.

Вскоре котелок с залитым водой брусничником закипел на углях. Глеб разлил ароматное варево по оловянным кружкам и веско произнес:

– Прошу к столу!

Проща сидел в стороне и угрюмо смотрел на лес, устыдившись сесть вместе со всеми.

– Эй, пострел! – окликнул его Глеб. – А тебе особое приглашение нужно?

Мальчик поднялся с чурбанчика и подошел к Глебу. Тот хлопнул ладонью по расстеленной на земле рогоже:

– Садись сюда.

Прошка сел.

– Есть будешь?

– Да.

– Еще одна глотка, – проворчал Хомыч.

– Ничего, не пообедем. Бери мясо и хлеб. Извини, но печеную картошку тебе предложить не могу. Ее завезут в Россию только через тысячу лет.

Прошка взял кусок вяленой оленины и, опасливо поглядывая на бродягу Хомыча, вгрызся в него зубами. Поспешно сжевав кусок, мальчишка ощерил рот и похвалил:

– Вкусно. Я, дядька Первоход, ягоды с усливками люблю.

– А ты ел? – усмехнулся Глеб.

– А то как же. Мы с мамкой в лес по ягоды часто хаживали. А как придем домой, мамка ягоды в тарелку насыплет, а сверху – усливками. – Прошка прикрыл глаза и улыбнулся. – Вку-усно.

Прошка ухватил еще кусок и быстро его слопал. Хомыч посмотрел на него сердитым взглядом и сказал:

– Теперь ясно, за что тебе разбойники рожу порезали. За твою прожорливость ненасытную.

Мальчишка нахмурился и сжал кулаки.

– А ты на меня не кукарекай, петух колченогий, – яростно проговорил он. – И не таким перья ощипывал!

– Что-о? – Старик даже приподнял зад с бревна от возмущения. – Ах ты, недокормыш...

Глеб положил Хомычу руку на плечо:

– Охлони, старик, не обижай мальчика. Видишь – он гордый.

Хомыч снова нехотя уселся на бревно. А Глеб запустил руку в сумку, вынул кусочек зачерствелого подового пирога с лапшой и протянул мальчишке:

– На, поешь.

Прошка уставился на пирог, не поверил своему счастью.

– Мне, что ль?

– Тебе, тебе, – кивнул Глеб.

Прошка взял пирог, недоверчиво на него посмотрел, затем быстро сунул в рот и торопливо замолотил зубами.

– Вкусно! – похвалил он. – Будто у мамки.

– А что, мамка часто пироги пекла? – осведомился Лагин.

– А то как же. Все пекла. И левашники, и перепечи, и пироги. Я с горохом любил. И еще – с солеными грибами.

– А батька твой где? – спросил Лагин.

– Помер. Оглоблей зашибло.

– Батька-то, вижу, добрый у тебя был, – проворчал Хомыч. – Не вгонял тебе ума в задние ворота.

– Да уж подобрей тебя, козлобородый, – огрызнулся Прошка.

– Ну, хватит препираться, – осадил их Глеб. Он посмотрел, как мальчишка ест, и вздохнул: – Ума не приложу, что с тобой делать.

– А ты, дядя Первоход, возьми меня с собой, – попросил мальчишка. – Я много не съем. А то могу сам еду добывать. Я корни съедобные знаю, разбираюсь в грибах и ягодах. Могу сам кормиться.

Глеб вздохнул.

– Знаешь ли, о чем просишь, дурья башка? Мы идем в Гиблое место. И поселений по

пути уже никаких не будет. Сделаем так... Сооружу-ка я тебе утром плот, дам с собой еды и пару золотых солидов – и пушу вниз по ручью. К вечеру доплывешь до Черновецких вешек. А там до людей рукой подать.

Прошка нахмурился.

– А что, ежели я с плота в воду свалюсь? У меня, дяденька, в руках силы мало, да и плавать я толком не умею. Тебе, дяденька, конечно, все одно, коли сирота сгинет...

– Только не блажи, – поморщился Глеб.

Прошка послушно замолчал. Глеб похмурился, вздохнул.

– Черт... Откуда ты только свалился на мою голову.

– Их схрона разбойничьего, – с готовностью ответил Прошка.

– Знаю, что из схрона.

Прошка сложил брови «домиком» и тонко проговорил:

– Дядя Первоход, я вам не буду обузой. В руках у меня силы мало, но ноги ходкие. Могу двадцать верст без передыху пройти. И темных злыдней я не боюсь.

– Не боишься?

Прошка покачал головой:

– Неа. Я против них слова заветные знаю. Меня бабка Селеница научила. Скажешь заветные слова оборотню в рожу, он враз сгорит.

– Да ну?

– Точно! А ежели их упырю скажешь, он начнет вертеться на месте. И так – пока голова не отвалится.

– Что-то подобное я вчера уже видел. Ох... – Глеб потер пальцами подбородок. – Задал ты мне задачку, Прохор... Как тебя по батюшке?

– Чего?

– Батьку твоего как звали?

– Ну, Милован.

– Прохор Милованович, значит? Звучит неплохо. Может, ты хоть стишок какой-нибудь знаешь? Или песню?

– Песню знаю. Спеть, что ли?

– Давай, – кивнул Глеб.

Мальчишка набрал полные легкие воздуха и заголосил:

Шел я лесом, шел рекой,
Слышу – кто-то плачет.
Это рыбка рыбака
удилом ху...

– Стоп-стоп-стоп, – оборвал мальчишку Глеб. – Общий смысл я уловил, а конкретика мне не нужна. – Он отхлебнул из фляги и вздохнул: – Эх, Прохор Милованович, Прохор Милованович... Да разве это песня? Вот, послушай-ка.

Глеб задумчиво глянул вдаль и негромко запел:

Под небом голубым
Есть город золотой
С прозрачными воротами
И яркою звездой...

– А в городе том сад, – подхватил Прошка. – Все травы да цветы... Закончили они вместе:

Гуляют там животные
Невиданной красоты...

– Откуда песню знаешь?

– Мне ее отец напевал. Сказал, что от ходоков слышал.

Глеб усмехнулся и кивнул.

– Да, это я их научил. Что ж сказать. Ты очень ценное приобретение, Прохор Милованович. И от упырей с оборотнями убережешь, и песню, когда на душе волки воют, споешь. Ладно. Сейчас не мозоль глаза и топай на телегу спать. А утром решим, что с тобой делать.

Глеб приложил флягу к губам. Прошка встал с земли и побрел к подводе. Но вдруг обернулся и испуганно проговорил:

– Как же я буду спать в телеге, когда там мертвец?

Глеб отнял флягу от губ.

– Да, ты прав. Хомыч!

– Ась? – откликнулся старик, который вот уже десять минут тщетно пытался сгрызть кусок вяленого мяса беззубым ртом.

– Ты просился в слуги? Так давай послужи. Помоги мальчишке насобирать травы для лежанки.

Бродяга хотел осерчать, но сдержался.

– Ладно, помогу.

– Слышь, Первоход, – с любопытством спросил Прошка.

– Чего еще?

– А откуда они взялись – все эти волколаки, оборотни, упыри? Мне один калика в торговых рядах рассказывал, что когда-то их вовсе не было.

Глеб прищурил карие глаза и велеречиво изрек:

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

– Чего?

– Не бери в голову. Никто не знает, что было раньше.

– И никто не знает, что будет дальше, – глубокомысленно добавил Прошка.

– А вот в этом, брат, ты ошибаешься. Кое-кто знает. И этот кое-кто... – Глеб зевнул, – ...хочет спать. Все, кончай треп.

На лес опустилась ночь. На куче травы и мха, тихо ворча что-то во сне, спал Хомыч. Должно быть, пытался отогнать от сумки с харчами очередного нахлебника.

Прошка усмехнулся. При случае нужно будет поставить старого ворчуна на место. Чтобы знал, на кого можно поднимать хвост, а на кого нет.

Прошка блаженствовал на травяной лежанке, смотрел на звезды, просвечивающие сквозь деревья, и ждал своего часа. Он был терпелив, словно охотник, затаившийся в засаде и дожидющийся, пока зверь выйдет на приманку.

Глеб спал по другую сторону от костра, на ворохе сухой травы. Грудь его вздымалась мерно, а из приоткрытого рта вырывался легкий храп. Рядом валялась опустевшая фляга. Прошка подождал еще немного для верности, а потом потихоньку поднялся с лежанки.

Ольстру он увидел сразу. Глеб зарыл ее в траву по правую руку от себя – так, чтобы, проснувшись, сразу можно было ее схватить.

Прошка тихо подкрался к Глебу и заглянул в его лицо, освещенное светом луны и отблесками горячих углей. Лицо это было спокойно и безмятежно. И Прошка принялся за дело. Ольстра была спрятана небрежно, явно наспех. Прошка протянул руку, ухватился за ремень ольстры и осторожно потянул ее на себя.

Наконец грозное оружие было у него в руках.

Когда он уже отошел от костра, Хомыч приподнял голову и хрипло проговорил:

– Ку-уда? Мясо воруеть, гаденыш?

Прошка испуганно замер. Но старик снова опустил голову на кучу мха и запричитал во сне:

– Развелось ворья... Эх-эх...

Эх, жизнь, жизнь... Чего в тебе такого хорошего, что мы за тебя так держимся? Люди злы, несчастны, обижены. Духи и боги лютуют. Ни за ломаный грош живого человека с коровьим навозом смешивают. Некуда бедному человечку податься, некому на беды свои поплакаться.

Разбойник Коломец вздохнул. Ярко светились звезды Большого ковша. С другой стороны распростерла крылья Звездная бабочка. «Какие красивые, – подумал про звезды Коломец. – Совсем не такие, как люди». И сердце его сжала тоска.

По ночам он любил думать грустные думы. Особенно когда спать приходилось под открытым небом, вот так, как сейчас. Коломец никогда не вспоминал сгубленных им людишек. Чего их вспоминать? Жили, как скоты, и подходили так же. И все же иногда было грустно...

Поблизости послышался шорох. Коломец поднял голову с седла и уставился в темноту. Шорох повторился. Сердце разбойника забилося чаще. До Гиблой чащобы всего несколько верст. Нехорошее место для ночлега. Ходокам тут не страшно, у них карманы набиты чудными амулетами. А что делать простому ватажнику?

«Занесла же нелегкая, – с досадой подумал Коломец. – Надо было рассказать обо всем Дерябе».

Поднявшись на ноги, Коломец положил руку на рукоять сабли, уставился в черное облако кустарника и стал ждать.

И дождался. Из кустов вышел человек. Невысокий, но кряжистый, закутанный в длинный плащ. При неверном свете луны Коломец разглядел странную вещь – лицо незнакомца было замотано тряпкой.

Выбравшись из кустов, человек остановился и стал разглядывать Коломца.

Коломец, подрагивая, будто конь, медленно вытянул из ножен саблю.

– Кто ты? – спросил он незнакомца.

– Я тебя не трону, – проскрежетал в ответ тот.

Голос был странный и жутковатый. Коломца пробрал мороз. Что, если этот замотанный в тряпку мужик тоже идет по пятам Первохода, чтобы забрать его деньги? «Э, нет, приятель, этого я тебе не отдам».

Не позволяя незнакомцу опомниться, разбойник ринулся вперед, размахнулся и рубанул его наискось.

Обычно после такого удара человек падал на землю, а из груди его била кровь вперемешку с кишками. Но на этот раз ничего подобного не произошло. Странный человек лишь отступил на шаг и удивленно уставился на свою рассеченную грудь.

Из порванного плаща высунулись наружу окровавленные обломки грудных костей.

Коломец снова махнул саблей. Но на этот раз незнакомец не промедлил. Он вскинул руку и схватил летящий на него клинок. Любому другому сабля просто отсекла бы пальцы, но не этому странному незнакомцу.

Несколько секунд Коломец и страшный человек стояли, глядя друг на друга. Коломец пытался вырвать саблю, но ходок держал крепко.

– Да кто же ты такой? – напрягшись, прохрипел Коломец.

И вдруг сабля с коротким звоном переломилась пополам. Коломец повалился на землю.

Странный человек наклонился, вырвал из пальцев разбойника обломок сабли, затем выпрямился и поставил ему ногу на грудь. Коломец только сейчас учуял могильную вонь, исходившую от незнакомца. Он попытался вывернуться, но нога странного человека оказалась ужасно тяжелой. Она давила Коломцу на грудь, как могильный камень, не позволяла дышать.

– Уйди... – прохрипел Коломец, пытаясь спихнуть с груди страшную ногу. – Прочь...

Страшный незнакомец поднял обломок сабли и с размаху вогнал его Коломцу в живот.

Кровь хлынула у разбойника изо рта почти сразу. Захлебываясь, отплевывая кровь, Коломец разомкнул мокрые губы и, глядя на незнакомца снизу вверх, хрипло спросил:

– Кто ты?

Страшный человек низко склонился над разбойником, вглядываясь в его затухающие глаза, и глухо проговорил:

– Я твоя смерть.

А потом запрокинул перемотанную тряпкой голову и захохотал жутким, нечеловеческим хохотом.

4

Странно хохотал филин. Прошка остановился и поежился. С ольстрой в руке он чувствовал себя почти уверенно, хотя ведать не ведал, как с этим оружием управляться. (В глубине души он надеялся, что ольстра сама начнет плеваться огнем и громом, стоит лишь направить ее на врага.)

Остановившись посреди леса, Прошка быстро пробормотал заклинание-оберег от лесной нечисти:

Черная пчела, прочь от чела!
От живота прочь маета!
Уходи, нечисть, как вода – в песок,
Как мед – в дырявый туюсок!
Не стой на пути,
Позволь через лес пройти!

Прошка замолчал и прислушался. Филин больше не хохотал. Видимо, испугался заклинания. Прошка улыбнулся и кивнул сам себе.

По лесу он шел осторожно, зная, что ночной лес обманчив даже при полной луне. Заеваешься – враз напорешься на сук или в змеиную яму ногой угодишь.

Лицо почти не болело и уже совсем не кровоточило. Коломец порезал Прошке щеки и лоб, но брови, глаза, нос и губы не тронул. И на том спасибо. Гад он, конечно, редкий, но как без него обойтись? Никак. Было бы Прошке годков поболее на десяточек да росту – подлиннее на пять вершков, он бы и один управился. Но в мире взрослых в одиночку мальцу выжить трудно.

Наконец Прошка остановился. Огляделся, высматривая приметные деревья и кусты, и снова кивнул сам себе: правильно пришел.

Пора звать разбойника.

– Эй, Коломец! – тихо позвал Прошка, зорко оглядывая кусты и высокую траву. – Коломец, ты здесь?

Не отозвался Коломец.

Спит, что ли?

– Коломец, где ты? – слегка повысил голос. – Я ольстру принес! Выдь, глянь!

Но не отозвался разбойник и на этот раз. Крепко же он спит! Прошка сплюнул себе под ноги и стал бродить по полянке, заглядывая под кусты и раздвигая рукой высокую траву.

Бродил, бродил и – набрел. Коломец спал на спине, раскинув руки в стороны. Спал тихо, совсем беззвучно, как ребенок или женщина.

Прошка при виде бородатого верзилы усмехнулся. Каков лопух! Был бы Прошка ходоком, вскинул бы ольстру да припечатал разбойника к сырой земле на веки вечные.

Прошка подошел к Коломцу вплотную и легонько пнул его ногой по сапогу.

– Вставай, дурак!

Однако Коломец и на этот раз не проснулся. Прошка нахмурил лоб. Всего можно ожидать от бородатого балбеса, но такой беспечности... Нет, что-то тут не так.

Прошка склонился над разбойником и вдруг резко распрямился и отпрыгнул в сторону. Отпрыгнул и замер с вытаращенными глазами и открытым от испуга ртом. Прямо из живота разбойника торчала рукоять сабли с серебряной набивкой.

– Чур меня, чур! – пробормотал Прошка и сделал охранный знак.

Затем быстро огляделся. Полянка была пуста.

Кто же его так? И какой же здоровый должен быть супротивник, чтобы прибить разбойника к земле саблей, как плашку гвоздем? Великан, не иначе.

Постояв немного и послушав лес, Прошка пришел к выводу, что великан, должно быть, ушел далеко. Да и чего ради ему тут ждать? Караулить Прошку? Дурость. Кому и на что сдался маленький мальчишка?

Прошка снова подошел к поверженному разбойнику, положил тяжелую ольстру на траву, а сам присел возле Коломца на корточки и принялся осторожно обшаривать его карманы.

В одном он нашел складной нож. (Нож тут же переключал Прошке за пазуху.) В другом обнаружились золотые монеты. Немного, всего четыре штуки, но для Прошки и эти четыре монеты были настоящим сокровищем.

Переложив деньги в свой карман, Прошка подхватил ольстру и поднялся на ноги. Постояв немного возле разбойника, поглядел на него сверху вниз. Непривычно было. И грустно. Потом вздохнул и сказал:

– Видишь, Коломец, как получилось... Ты мне лицо ножом исполосовал, а теперь лежишь тут мертвый. Но я не радуюсь. А за то, что деньги у тебя забрал, прости. Все одно ведь пропали бы. В общем, зла на меня не держи. И пусть Марена с Чернобогом позаботятся о тебе.

Прошка взвалил ольстру на плечо и повернулся, чтоб идти. Отошел на сколько-то шагов и снова остановился.

Что же ему делать теперь? Вернуться в лагерь? Легко сказать – вернуться. А ну как Первоход уже хватился своей ольстры? Что ему сказать? Взял ольстру поиграть? Не поверит. Прошка мал, но не настолько.

А что, если сказать ему, что просто хотел посмотреть? Первоход ведь сам когда-то был мальчишкой, он поверит. Прошка приободрился. Все-таки и в его малом возрасте есть свои выгоды.

Прошка усмехнулся своим мыслям и зашагал обратно к лагерю. Но не успел он пройти и трех шагов, как за спиной у него что-то шелохнулось.

Прошка остановился. Медленно обернулся.

Возле дерева стоял зверь. Размером больше самой большой собаки. И больше волка. Зверь молча стоял под деревом и глядел на Прошку мерцающими в темноте глазами.

По спине Прошки пробежала ледяная волна, коленки ослабли. Он облизнул мигом пересохшие губы и тихо пробормотал:

– Хорошая собачка...

Зря он это сказал. Услышав человеческий голос, зверь шагнул вперед и глухо зарычал. В лунном свете тускло блеснули оскаленные клыки.

Высокая холка, огромные толстые лапы, приплюснутая морда и глубоко посаженные красные глаза. Прошка со всей ужасающей отчетливостью осознал, что перед ним стоит не собака и не волк, а самый настоящий волколак.

– Хо...рошая собачка, – снова прошептал Прошка и попятился.

Волколак сделал еще шаг и снова остановился. Что-то мешало ему сразу броситься на Прошку. Волколак вдруг приподнял морду и, чуть подергивая носом, осторожно понюхал воздух. Шерсть у чудовища на холке снова встала дыбом. Волколак повернул голову в ту сторону, где в траве лежал Коломец.

Затем снова повернулся к Прошке и снова понюхал воздух. Рычание его стало громче.

И вдруг Прошка понял, почему волколак медлит. Ольстра! Зверь почуял ее. Глеб-Первоход рыскал по Гиблой чаще уже несколько лет, и темным злым был хорошо

знаком запах его грозного оружия.

Должно быть, волколак недоумевал, почуяв ольстру в руках мальчишки.

Прошка осторожно снял ольстру с плеча и взял ее на изготовку – так, как это делал Глеб-Первоход.

– Не балуй, – хрипло сказал он волколаку. – У меня ольстра, понял? Прыгнешь – сгублю!

Зверь, чуть склонив голову набок, внимательно выслушал Прошку. Потом повернул морду в сторону Коломца, приняхался, развернулся всем телом и пошел на разбойника, потеряв к Прошке интерес.

Зверь подошел к разбойнику и склонился над ним. Услышав отвратительное чавканье, Прошка развернулся и со всех ног понесся прочь от страшного места.

5

Сердце Прошки упало: Глеба на лежанке не было. Он завертел головой, но тут тихий голос окликнул:

– Что-то потерял, пострел?

Прошка вздрогнул и поднял взгляд. Первоход стоял прямо перед ним. Стоял, сунув руки в карманы куртки и пожеывая травинку.

– Дяденька Первоход, – забормотал Прошка, настраивая голос на жалостливый лад, – я...

– Ходил на охоту? – Ходок усмехнулся. – И много дичи настрелял, охотник?

– Я... – Прошка опустил голову. – Я нечаянно. Просто хотел поглядеть.

Глеб шагнул к мальчишке, взял у него из рук ольстру и быстро ее осмотрел.

– Хорошо, хоть не угробил, – с явным облегчением произнес он затем. – Хочешь, научу, как ею пользоваться?

Прошка не поверил своим ушам. Он приготовился к тому, что Первоход надаст ему тумачков и подзатыльников, ну, или хотя бы надерет уши, как всегда делали взрослые, но ходок смотрел вовсе не сердито, а даже как будто весело.

– Дядя Первоход, я...

– Знаю, что хочешь. Но сейчас ночь, и мы не будем будить наших спутников. Ложись спать. Наш поход продлится пару дней. А потом, когда все закончится, я возьму тебя с собой на охоту.

Прошка повернулся и пошел к лежанке. Но вдруг остановился и тихо сказал:

– Дядя Первоход, а я видел волколака.

– Волколака? – Глеб прищурил темные глаза. – Далеко?

Прошка отрицательно качнул головой:

– Нет. В двух верстах отсюда.

– Ты уверен, что это был волколак?

– Угу. Он хотел на меня напасть, но почуял ольстру и не напал.

Глеб кивнул:

– Похоже на то. Запах ольстры этим тварям хорошо известен. Однако далековато же он зашел.

Прошка потупил взгляд.

– Ты его убьешь, Первоход?

– В темноте мы его не найдем, – задумчиво проговорил Глеб. – А сюда он вряд ли сунется. Ты уверен, что он был один?

– Да.

– Гм... – Первоход легонько потер пальцами подбородок. – Ладно. Ложись спать и ничего не бойся.

– А ты?

– А я уже выспался.

– Так ведь еще ночь. До утра далеко.
Первоход улыбнулся, и в улыбке его Прошке почудилась горечь.
– Последние пять лет я мало сплю по ночам, – сказал Глеб негромко.
– И ты будешь караулить до утра?
Глеб кивнул:
– Точно.
Прошка помешкал немного и спросил:
– Дяденька Первоход, а можно я лягу на твою лежанку?
– Мне кажется, что твоя – уютнее и теплее.
– Знаю. Но на твоей мне как-то спокойнее.
– Что ж, ложись.

Прошка прошел к лежанке Глеба и улегся на сухую траву. Лежанка была еще теплая. Перед тем как расположиться на ночлег, Первоход нагрел в костре несколько больших камней, а после зарыл их в землю и на тех местах устроил лежанки. Камни все еще грели.

Прошка стал размышлять о превратностях судьбы и сам не заметил, как уснул.

6

Присев на бревно, Глеб достал из кармана берестяную коробку с бутовыми самокрутками и закурил. Самокрутка тянулась хорошо, и эффект от нее был такой же, как от обычной сигареты, набитой табаком. Глеб припомнил, как плевался, когда попробовал покурить ее в первый раз, но сейчас она казалась ему вполне сносной.

Покуривая и поглядывая на звезды, Глеб, как это часто с ним бывало, стал вспоминать про Громола. Вспомнил тот вечер пять лет назад, когда, вынырнув из запоя, встретил охотника у кружала.

Тогда Глеб второй раз в жизни услышал имя Мамелфа. Картина встречи с переодетым в нищенские лохмотья Гроломом тут же встала у Глеба перед глазами.

– Черт, как я рад тебя видеть! – воскликнул он тогда, не веря своим глазам. – Но как тебе удалось выжить? В последний раз, когда я тебя видел, ты лежал на траве и истекал кровью.

При этих словах охотник помрачнел и ответил нехотя:

– Это долгая история, Глеб. Я расскажу тебе как-нибудь после.

– Ну, хотя бы намекни.

И Гролом намекнул.

– Помнишь, я рассказывал тебе про Мамелфу? – спросил он. – Про колдунью, которая живет в Гиблой чащобе. Она нашла меня. Я провел в домовине у колдуньи неделю, и за это время она полностью меня излечила.

– Вот как? – нахмурился Глеб. – Надеюсь, она не потребовала у тебя в качестве платы твое живое сердце?

И что же тогда ответил Гролом? И ответил ли он вообще хоть что-нибудь? Кажется, нет. Охотник поспешно перевел разговор на другую тему.

А что было потом?

А потом было предсказание. Десять испытаний, которые устроила для него Сорни-Най. Десять чертовых испытаний, которые приведут его домой. Или не приведут? Ведьмы и гадалки говорят темным языком. Поди пойми этих гадин.

А потом на них напали подосланные Крысуном наемные убийцы. Один из них успел ударить Громола кинжалом в плечо за секунду до того, как охотник сам вонзил ему в бок тяжелый косарь. А потом четыре дня они уходили от погони, которую направил по их следам подлый Крысун.

Глеб живо вспомнил побоище на лесной полянке, когда Гролом ринулся в гущу разбойников с мечом-всерубом в руке. Рана ослабила его, но это не помогло разбойникам избежать смерти.

При воспоминании о том жутком побоище у Глеба заныли старые, давно затянувшиеся раны.

Глеб до сих пор не понимал, как он тогда остался жив. Разбойники были настоящими головорезами, а Крысун назначил за головы Глеба и Громола огромную цену. Возможно, их испугал яростный натиск истекающего кровью охотника.

Вспомнил Глеб и лицо Крысуна, когда они с Громолом вошли к нему в горницу, вышибив дух из пяти крепких молодцев, что охраняли дом.

Крысун тогда мигом соскочил со стула и, выставив перед собой два обоюдоострых ножа, прижался спиной к стене.

– Дешево не дамся, – сипло проговорил он, глядя на Громола маленькими, ненавидящими глазами.

– Опустит ножи, – твердо сказал ему Гроمول. – Если б я хотел тебя убить, ты был бы уже мертв.

Крысун прикинул что-то в уме и опустил руки.

– Твоя правда, – согласился он. – Тогда пошто пришел? И чужеземца с собой притащил пошто?

– Хочу заключить с тобой договор.

– Договор? – Крысун неуверенно усмехнулся. – Это по-нашему, по-купчески.

Гроمول чуть прищурил серые, холодные глаза:

– А ты, значит, теперь купец?

– Купец.

Гроمول окинул взглядом горницу.

– Выходит, не зря в Гиблое место ходил.

– Выходит, не зря. – Крысун облизнул тонкие губы узким, будто у змеи, кончиком языка. – Так что там у тебя за дело? О чем договориться хочешь?

– Хочу, чтобы ты оставил в покое меня и Глеба-Первохода, – сухо и четко проговорил охотник.

– А ежели не оставлю? – поинтересовался Крысун.

– Тогда я тебя убью, – так же просто и четко ответил Гроمول. – Но это еще не все. Пусть твои людишки ходят в Гиблое место не чаще одного раза на четыре седмины. И чтобы в каждом отряде было не больше трех человек.

Крысун усмехнулся.

– С чего мне тебя слушаться, Гроمول?

– Можешь не слушаться. Дело твое. Но ежели согласишься, оставлю тебя живым. А не согласишься – приду за тобой, куда бы ты ни спрятался. Приду и изничтожу.

Крысун задумался.

Он хорошо знал охотника. Знал, на что тот способен, а потому – думал тяжело и долго. Наконец, разомкнул узкие губы и глухо полюбопытствовал:

– А почему совсем не запретишь?

– Знаю, что не удержишься, – ответил Гроمول. – Но одного раза на четыре седмины будет с тебя довольно. Если согласен, пожмем друг другу руки. Ежели нет... – Охотник замолчал и положил пальцы на рукоять меча.

Крысун глянул на меч и сглотнул слюну.

– Знаю, Гроمول, ты шутить не любишь, – сказал он. – Потому и сам с тобой шутить не хочу. Не буду ходить в Гиблое место чаще одного раза на четыре седмины. И за вами охотиться не буду. Но за это и ты мне кое-что пообещай.

Гроمول усмехнулся в русую с проседью бороду и сухо осведомился:

– Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты больше у меня на глазах не показывался.

– Коли не обманешь, не покажусь, – пообещал охотник.

А потом они с Громолом вышли от Крысуна, и на душе у Глеба наконец-то чуток полегчало. Им удалось не только отвратить от себя опасность, но и приструнить подлого

Крысуна. Он тогда так и сказал Громолу:

– По-моему, все прошло, как по нотам. И волки сыты, и овцы целы.

Охотник, однако, хмуро качнул головой:

– Я в этом не уверен.

– Почему? – удивился Глеб.

– Со злым человеком мы договор скрепили, Глеб. А коли так, то и с самим Злом.

Глеб небрежно дернул плечом:

– Подумаешь. Знал бы ты, сколько раз мне приходилось договариваться с мерзавцами.

Вся жизнь из этого состоит.

– Зло – как малый червь. Раз укусит – не заметишь. Другой – тоже. А спохватишься только, когда он в тебе дыру проест.

Глеб махнул рукой:

– Знаю, знаю. Гений и злодейство – две вещи несовместные. Но, по-моему, ты пессимист.

– Кто-кто?

– Тот, кто видит во всем только плохую сторону. И не замечает хорошей.

Охотник вздохнул:

– Хотел бы я, чтобы все было так.

Целый год Гроمول обучал Глеба выживать в лесу. Научил его метко стрелять из лука, находить следы зверей. Волки, медведи, рыси – в лесу не было хищника, которого бы не научился добывать Глеб.

Хорош был Гроمول и в ратном деле. И сию тяжелую науку также перенял у него Глеб. А потом Гроمول пропал. Случилось это в Гиблом месте.

Они тогда пытались найти тропу в обход Кишения и голодных прогалин. Гроمول шел рядом, внимательно осматривая землю и деревья, и Глеб постоянно видел его краем глаза. Потом Глеб отвлекся на далекий треск веток, а когда повернул голову к Громолу, того уже не было.

Несколько часов Глеб не уходил из того места. Проверил каждый сантиметр земли, осмотрел каждую травинку, каждую ветку каждого ближайшего дерева. Но ничего, похожего на след Громола, не нашел. Тот будто испарился.

Случилось это почти четыре года назад, и больше Глеб охотника не видел. Однако до сих пор у Глеба порою возникало странное ощущение, будто он находится под чьим-то присмотром. Особенно часто случалось это в Гиблом месте.

А иногда будто чей-то тихий голос предупреждал его о близкой опасности и заставлял менять уже принятое решение. И тем самым – спасал ему жизнь.

Раньше Глеб склонен был приписывать это собственной интуиции. Но с годами, когда на смену пылкости стала приходить мудрость и осторожность, сомнения в нем несколько поубавилось.

...Дымя бутовой самокруткой, Глеб задрал голову, посмотрел на звезды и тихо проговорил:

– Эх, Гроمول, где же ты?

По траве и деревьям пробежал легкий ропот, и Глеб поежился от холодного порыва ветра.

Внезапно ему в голову пришла странная мысль: а что, если Темный ходок, о котором так много говорят в последнее время, это и есть Гроمول? Гиблое место делает с людьми странные и жестокие вещи. Мудреца Осьмия оно превратило в упыря, обладающего разумом человека и силой великого шамана.

Кто знает, где сейчас Гроمول. Может, и не погиб?

Вздыхнув, Орлов швырнул недокуренную самокрутку в траву и растоптал ее каблуком ичига. Хотя мог и не трудиться. Ни Гиблая чащоба, ни прилегающие к ней леса не были подвластны пожару. Словно боги и впрямь берегли это страшное место. Для чего? Кто знает.

Глеб снова посмотрел на звезды, и в сердце у него засадило. Картины прошлого

начали вставать перед глазами одна за другой. Вот он сидит на планерке у редактора Турука, на лице – ухмылка, в кармане – диктофон. Вот он в боксерском клубе, тренер Нетребко держит ему «лапы» и комментирует: «С левой сильнее... Сильнее, я сказал! Вот так!» А вот он с Танькой Вершининой.

– Глеб, ты меня любишь?

– А то.

– Скажи это.

– Что?

– Что любишь меня.

– Ну, люблю.

Тихий вздох и:

– Нет, не любишь.

А вот вечеринка в клубе «Скрябин». На сцене зажигают полуголые девчонки.

Лучшие друзья девушек –
Это бриллианты...

Глеб вздохнул. Все это теперь казалось далеким и нереальным. Как сон. Как видение. И Глеб дорого бы отдал за то, чтобы это видение вновь стало явью.

Он сорвал травинку и сунул ее в рот. Сомкнул зубы и тут же почувствовал на языке приятную кислинку. Рысий позднецвет. Лучшее средство от усталости. Сжевал пару травинок – и никакой энергетический напиток не нужен.

А вот от чашечки кофе Глеб бы сейчас не отказался. Не отказался, хотя почти не помнил, какой он на вкус.

7

Услышав шум шагов, Бельмец поднял голову и испуганно огляделся. Утро было темное, сырое. Прямо перед лежанкой стоял Темный ходок, а на плече у него лежал, свесив руки, невысокий человек с заплетенной в косу бородкой.

Глаза человека были закрыты, а темные волосы – все в темной, липкой крови.

Пугач сбросил человека с плеча – прямо на землю. Человек стукнулся плечом о торчащий из земли комель и глухо застонал. Тогда Пугач пнул его ногой по ребрам и прогудел своим замогильным голосом:

– Открой глаза!

Веки мужчины дрогнули. Он открыл глаза и с ужасом уставился на Пугача. Затем облизнул разбитые губы и испуганно прошептал:

– Темный ходок...

Бельмец уже протер кулаком глаза и спросил сиплым со сна голосом:

– Кто это?

– Колдун, – проскрежетал Темный ходок. – Гильфан.

Лежащий на земле колдун вдруг затрясся и издал низкий горловой звук, а потом яростно забормотал какое-то заклинание.

– Аерат, вахадат, черный мир... – расслышал Бельмец, напрягши слух.

В воздухе быстро потемнело. Зашумели десятки крыльев. Бельмец вскинул голову и вскрикнул. Над ними кружилась огромная стая птиц.

Темный ходок тоже поднял голову. И в этот миг птицы ринулись вниз. Черное облако птиц накрыло Пугача. И тут началось нечто невообразимое. Шум крыльев, клекот, птичьи крики, перья, клубящиеся в воздухе, брызжащая во все стороны кровь.

Бельмец упал ничком на землю и зажал уши руками.

А потом все кончилось. В последний раз захлопали крылья, унося облако птиц в небо, и все стихло.

Бельмец выждал еще немного для верности, потом приподнял голову и взглянул на Темного ходока.

Тот стоял над колдуном, широко расставив ноги. Вся его одежда была залита черной и красной кровью вперемешку с птичьим дерьмом, а вся земля на две сажени вокруг была усыпана мертвыми, растерзанными птицами.

Темный ходок наклонился и несильно ударил Гильфана по лицу.

– Еще раз так сделаешь, убью, – пророкотал он.

Затем взглянул на Бельмеца и приказал:

– Опроси!

Бельмец облизнул губы и, стараясь не смотреть на кроваво-пернатое месиво на земле, уточнил:

– Ты хочешь, чтобы я опросил твоего пленника?

Темный ходок кивнул:

– Да.

– Про Первохода?

И снова ходок кивнул.

– Хорошо, – сказал Бельмец.

Он поднялся с лежанки, отряхнул одежду и подошел к колдуну. Тот смотрел на Бельмеца хмуро и так свирепо, что Бельмец даже поежился. Связываться с колдуном – себе дороже. Утешает одно: после разговора Темный ходок все равно его убьет.

Главное, чтобы колдун не успел наложить проклятие, перед тем как сдохнуть. Дурное дело – говорить с рассерженным колдуном. Но деваться некуда.

Бельмец вздохнул и задал первый вопрос:

– Зачем к тебе приезжал Первоход, колдун?

Колдун гордо поднял смуглявое лицо и холодно отчеканил:

– Не ведаю, о чем спрашиваешь.

Бельмец нахмурился.

– Отвечай на мои вопросы, колдун, – хмуро сказал он. – Иначе я попрошу своего спутника оторвать тебе руку, и он это сделает.

Колдун глянул на Темного ходока. Тот стоял в прежней позе – широко расставив ноги и слегка наклонив голову. Ни дать ни взять – деревянный идол, загаженный птицами.

– Я повторяю вопрос, – снова заговорил Бельмец. – Зачем к тебе приезжал Первоход?

Колдун вытер рукавом охотничьей, расшитой цветными нитями куртки окровавленный рот и презрительно произнес:

– Смерть уже совсем рядом, бродяга. Неужели ты не видишь ее тени?

И вдруг колдун вскинул руку и быстро проговорил:

– Ваерат, айхадат... Будьте вы прокляты!

И тогда Темный ходок сдвинулся с места. Он шагнул к колдуну, схватил его за руку и с хрустом переломил ему пальцы. Колдун вскрикнул от боли и торопливо пробормотал:

– Хорошо... Хорошо, я расскажу... Первоход... и те, кто с ним... идут в Гиблое место.

– Зачем? – спросил Бельмец.

– В самом сердце Гиблого места, в Погребальном шатре мертвого бога, павшего с небес на землю, живет старец. У него разум человека и бездушное тело упыря...

– И зачем им понадобился этот старец? – спросил Бельмец.

– То не просто старец. То могучий колдун! Несколько лет он вбирал силу из Гиблого места. Теперь у него есть власть над жизнью и смертью. Он может обращать время вспять и оживлять мертвецов!

– Если он такой могущественный, как же Глеб с ним справится? – усомнился Бельмец.

Гильфан поморщился и сообщил:

– Колдун еще не вошел в полную силу.

– А когда войдет?

– Через три дня. – Гильфан вытер с бровей и ресниц кровь, мешающую смотреть,

взглянул на одноглазого барыжника прямым и холодным взглядом и презрительно добавил:
– И когда это случится, бродяга, тебе и твоему миру придет конец.

– Еще что-нибудь знаешь? – спросил Бельмец.

Гильфан покачал головой:

– Нет.

Темный ходок шагнул вперед и оттолкнул Бельмеца:

– Отойди.

Бельмец знал, что сейчас произойдет, а потому без всяких возражений отошел подальше и зажал руками уши.

Колдун умер тихо.

8

Дорога пошла трудная, вся в буераках и рытвинах. Лошадки тянули подводу тяжело. Чтобы облегчить им труд, Глеб спешился и пошел рядом с телегой. А вскоре его примеру последовала и Диона.

Долго они шагали рядом, не разговаривая. Первой молчание прервала Диона.

– О чем задумался, Первоход? – спросила она.

Глеб глянул на нее искоса и ответил с усмешкой:

– Да вот думаю: такой ли я душка, каким себя считаю?

Диона улыбнулась.

– Ты хороший человек, Первоход. Но хочешь казаться плохим, чтобы тебя боялись.

Глеб прищурил карие глаза.

– Ты меня раскусила. С сегодняшнего дня назначаю тебя своим личным психотерапевтом.

Диона протянула руку к его лицу, чтобы убрать прилипшую к щеке соринку. Глеб машинально отдернулся. Рука Дионы – тонкая, изящная – замерла в воздухе, веки ее дрогнули.

– Ты все еще ненавидишь меня? – с горечью проговорила она.

– Ты не человек, – холодно ответил Глеб. – И не думай, что я забыл об этом.

Диона помолчала, потом спросила необычайно серьезным голосом:

– Такая ли уж большая между нами разница?

– Ты – порождение Гиблого места, – сухо ответил Глеб.

– А ты?

На скулах Глеба проступили желваки.

– Хватит болтать, – грубо сказал он. – Садись в телегу, лошади не надорвутся.

– Слушаюсь, мой повелитель.

Диона вернулась в телегу, а Глеб с легким удивлением посмотрел ей вслед. «Слушаюсь, мой повелитель». Это было похоже на иронию. Неужели у темных злыдней есть чувство юмора? Это было бы забавно. Глеб представил себе уродливых мутантов, рассказывающих друг другу анекдоты, и усмехнулся.

Еще с полчаса Глеб прошагал пешком, а затем остановился сам и остановил лошадей. Прямо перед ними возвышались две мощные каменные арки, влево и вправо от которых протянулась насыпь из земли и острых веток.

– Что это? – спросил удивленный Лагин.

– Межа, – ответил Глеб, – ворота в Гиблое место.

Несколько секунд все молчали, глядя на межу. Там, за арками, начиналась страшная земля, чужая и враждебная человеку. Казалось, от Черного бора исходит нечто темное, жутковатое, и оно отпечатывалось в человеческих душах ясными и четкими словами – сюда вам хода нет.

Глеб вскинул руку и громко проговорил:

– Великая богиня Сорни-най, прости нас за то, что вторгаемся в твои владения! Не

держи на нас зла и прими наши жертвы!

Затем он взял из телеги заготовленный заранее большой туесок с пеплом от сожженной пищи, откинул крышку и высыпал его на землю. Теплый ветер подхватил пепел, закрутил его в черный вихрь, стремительно и легко понес этот вихрь в сторону Гиблого леса.

– Жертва принята, – сказал Глеб и вытер рукавом куртки вспотевший лоб.

– Глеб, иди посмотри, – окликнул его вдруг Лагин.

Глеб подошел к телеге. И Лагин слегка откинул рогожу, обнажив лицо покойника. Рот мертвеца был слегка приоткрыт.

– И что? – спросил Глеб. – Зачем ты меня поз...

Он осекся и прислушался.

– Голос... – проговорил он тихо и удивленно. – Он как будто стал громче.

– Верно, – кивнул Лагин.

Хомыч и Прошка с испугом смотрели на мертвеца. Диона отошла в сторону и отвернулась.

– Представь себе их всех, – сказал Лагин, – спрятанных по погребам и подклетьям, лежащих на смертном одре или на погребальном костре и что-то бормочущих себе под нос.

Глеб представил. На мгновение ему показалось, что он услышал этот многоголосый гудящий хор мертвецов. Армия нетленных покойников, чьи приоткрытые рты превратились в подобие охотничьих рогов, тихо трубящих, сзывающих друг друга в военный поход. Против кого?

Глеб вздохнул и задернул мертвеца рогожей.

– Ладно. Нам пора идти. Снимайте с телеги сумки и берите их на спины. Возьмем только провизию, оружие и веревки.

Лагин удивленно блеснул очками.

– Мы пойдем туда пешком?

– Да, – ответил Глеб.

– Но...

– На подводе там не проедешь. А стоит лошадям почуять темных тварей, и они тут же повернут назад.

– Но ведь ты сам рассказывал, что по Гиблому месту разъезжают князьи всадники.

– Они не забираются далеко. И кони у них обученные. У нас таких коней нет.

– И что же станет с нашими лошадьми?

– Если повезет, выволокут телегу на большак, и там их кто-нибудь приберет к рукам. Если нет... лесным хищникам будет чем поживиться.

Лагин не нашелся, что на это возразить. Но вдруг лицо его дернулось, а брови взлетели ко лбу.

– Но что будет с моим братом? – взволнованно спросил он. – Мы не сможем нести его на себе.

– Тело твоего брата оставим здесь, – ответил Глеб.

– Как здесь?

Глеб усмехнулся и пожал плечами:

– Не потащишь же ты его на себе. Не бойся, ученый. Мы поднимем твоего покойника на дерево. Там его никто не тронет.

– Не дерево? Да его же поклюют птицы!

– Не поклюют. Я обрызгаю его волколачьей кровью. Любой зверь и любая птица будут обходить это место за версту. А на обратном пути, если останемся целы, мы его подберем.

Покойника на дерево поднимали всем отрядом. Дело было нелегкое, но в конце концов справились. Обмотанное рогожей тело прочно закрепили на дереве веревкой, после чего Глеб достал из сумки-ташки оловянную бутылочку, открыл ее и обрызгал покойника темной, пахучей жидкостью.

Управившись с покойником, путешественники снова вернулись к телеге. Глеб достал сумку с оружием и распорядился:

– Разбирайте.

Первым вооружился Прошка, он взял пращу – кожаный ремень для метания камней.

– Пользоваться умеешь? – осведомился Глеб.

– А то, – усмехнулся мальчишка. – Могу белку на лету сбить.

Лагин прикрепил к поясу деревянные, обтянутые кожей ножны, из которых торчала рукоять скрамасака. Подумал и подвесил еще одни – с кривым газарским кинжалом.

Сам Глеб был вооружен мечом и ольстрой. К спинному ремню он прикрепил колчан со стрелами и небольшим луком. Кроме меча, на поясе у него висели три метательных ножа-летуна.

Хомыч перевязал тощее тело широким поясом и подвесил на него свой меч. Выглядел он с мечом довольно потешно.

И лишь Диона ничего не взяла.

– А ты чего? – спросил ее Глеб.

Диона прищурила огромные темно-синие глаза.

– Ты сам сказал, что Гиблое место – мой дом, – тихо проговорила она. – А разве домой приходят с оружием?

Глеб усмехнулся:

– Тебе виднее. Думаю, что такой красивой нечисти, как ты, вообще не нужно оружие. Если на тебя нападут оборотни, ты их очаруешь до беспамятства, а потом высосешь из них кровь.

Глеб оглядел своих «воинов» и насмешливо проговорил:

– Команда «ух». Не думал, что нас будет так много. Ну, ничего. До Пепельного озера все равно дойдут не все.

– Если нарвемся на стаю волколаков, первым скормим Хомыча, – заявил Прошка.

– Почему меня? – забеспокоился старик.

– А ты из нас самый жесткий, – пояснил Прошка. – Пока они тебя обглодают, мы успеем далече убежать.

Глеб и Лагин засмеялись, а Хомыч сердито засопел.

– Ладно, – все еще посмеиваясь, сказал Глеб. Он взглянул на каменные арки межи, сделал размашистый охранный знак и громко произнес: – И да помогут нам боги!

– И да помогут нам боги! – хором отозвались его спутники.

Глеб вынул из кобуры обрез ружья, проверил обойму, снова сунул оружие в кобуру, взглянул на черные деревья и, криво усмехнувшись, проговорил:

– Хоронись, нечисть. Русские идут.

Глава пятая

1

Когда Прошка рассказывал Глебу о встреченном в лесу волколаке, он ошибался. То был вовсе не волколак, а оборотень.

Две недели назад у него не было ни клыков, ни покрытых шерстью мощных лап, и звался он Незваном Брагой. Было у него не только веселое прозвище, но и хорошая должность при посольском князем приказе.

Незван был обручен с дочкой своего начальника, и дожидаться бы ему спокойно свадьбы, но уж больно веселы были рассказы дружков-приятелей про шалости и утехи, которым они предавались в Порочном граде.

Первое время Незван опасался. Ну как затаит лиходелье порочное – потеряешь все, что имеешь. Оно, конечно, не золотые россыпи, но тоже ничего. Работа не пыльная. Царапай себе бронзовым писалом по бересте да гляди, чтобы ошибки или описки не случилось. Иначе новую бересту пачкать, а сего князьки чинуши не любят.

Но чем больше Незван слушал рассказы дружков-приятелей, тем сильнее ему хотелось испробовать порочных удовольствий. По ночам стали мучить сладострастные сны, а днем не давали покоя воспоминания об этих снах. И перед самой свадьбой писарь наконец решился.

Накопив достаточно денег, Незван Брага порешил сделать себе подарок пред тем, как навеки связать себя брачными узами. Нанял писарь возчика с телегой и рано поутру выехал в град Порочный.

Пока ехали, на физиономии Незвана блуждала улыбка от предвкушения удовольствий, которые ждали его в кружалах и шальных домах запретного града.

Дорога была дальней, и писарь задремал. Проснулся он от того, что телега остановилась.

– Здраве будьте, путешественники! – услышал он воркующий женский голос. – Куда путь держите?

– В Порочный град, – ответил возчик. – А ты тут каким боком, красавица?

Незван разлепил веки и увидел рядом с телегой красивую рослую бабу. Одета она была по-деревенски, а в руке держала лукошко с грибами.

– От подружек я отстала, дяденька, – ответила баба, метнув быстрый, насмешливый взгляд на Незвана. – Подвезете до деревни?

Возчик кивнул через плечо на Незвана.

– Вон его спроси.

Баба повернула голову к писарю и вопросительно на него уставилась. По телу Незвана пробежала сладостная дрожь. Хороша была бабенка, ох, хороша! В голубых глазах полыхали насмешливые огоньки. Волосы были русые, тяжелые, заплетенные в тугие, толстые косы, а брови темные, ломкие.

Незван приосанился, улыбнулся и сказал:

– Чего же не подвезти. Прыгай в телегу, красавица.

Бабенка забралась в телегу, поставила рядом лукошко с грибами и поджала под себя ноги в чистеньких лапотках.

Возчик стеганул лошадок.

– Далеко ли до твоей деревни, красавица? – поинтересовался у бабенки Незван.

– Недалеко, – проворковала та. – Как через овраг переедем, так ее и увидим. Сразу за березовой рощицей да темным озерцом.

Девка улыбнулась, блеснув белыми крепкими зубами. Десны у нее были странные, будто лиловые.

Был у Незвана один недостаток: когда он волновался или нервничал, у него часто начинала идти носом кровь. Вот и сейчас сердце забилося, кровь прилила к лицу, и Незван шмыгнул окровавленными ноздрями.

Писарь привычно потянулся в карман полукафтана за платком, да вдруг остановился и испуганно уставился на бабенку. С нею происходило нечто невообразимое. Смазливая бабенка прямо на глазах у Незвана стала превращаться в чудовище.

Лицо ее вытянулось, из пор полезла щетина, ногти с тихими щелчками отлетели от пальцев, а на их местах, прямо из окровавленного мяса, поползли вкривь и вкось черные когти.

Незван не успел и вскрикнуть, а страшная бабенка уже вгрызлась острыми зубами ему в плечо. Бедный писарь заорал, вырвался, соскочил с телеги и бросился к лесу. За спиной у него завопил возчик. Вопль, однако, тут же сменился предсмертным хрипом. Видимо, бабенка вцепилась ему в горло.

А потом Незван услышал за спиной топот. К тому моменту он уже мало что соображал. Кровь потоком лилась из разорванного зубами плеча. В висках стучало, а глаза затягивала желтоватая пелена.

Пробежав еще несколько шагов, писарь Незван Брага упал и потерял сознание.

Когда он очнулся, на небе уже светила ущербная луна. Незван все еще чувствовал себя

плохо, но вместе с тем в теле появилось странное ощущение силы. Погрызенное плечо больше не болело. Он попробовал подняться – и получилось. Только стоял Незван почему-то на карачках.

И тут он почувствовал голод. Страшный голод. Лес навалился на Незвана Брагу обилием запахом. По шкуре его пробежала возбужденная дрожь, а в сердце проснулась звериная жажда охоты. Преследовать, настигать и рвать! Потрошить свежее мясо и пить еще жаркую кровь – вот чего ему сейчас хотелось больше всего!

Незван облизнулся, рыкнул, как бы пробуя голос, и, чувствуя себя сильным, злым и голодным, зарылся в лес.

Жизнь оборотня нельзя было назвать счастливой. Наряду с постоянным, кружащим голову ощущением свободы Незван все время испытывал нечеловеческий голод, утолить который не удавалось ничем.

Один раз ему встретился в лесу одинокий волколак. Несколько минут они стояли друг против друга, угрюмо уставившись друг другу в глаза, затем развернулись и побежали в разные стороны.

Отощавший, озлобленный, бродил писарь по лесу в поисках добычи. И однажды ночью, подняв кверху нос и понюхав ветер, ощутил странное волнение. Вот оно! Вот то, что ему нужно, что сможет его насытить и чего ему так не хватало все эти дни! Человечье мясо!

Незван пошел на запах. И вскоре источник этого запаха был найден. На краю поросшей жухлой травой прогалины стоял мальчишка. Кровь Незвана забурлила в жилах, а голова закружилась от голода. Легкая добыча!

Он двинулся было с места, но вдруг уловил опасный запах, исходивший от мальчишки. Это был запах «грохочущей смерти». Незван остановился в нескольких шагах от добычи и обескураженно зарычал.

– Хорошая собачка... – пробормотал мальчишка и попятился от него.

Незван шагнул к нему, но снова остановился. Запах опасности как будто стал острее. Незван поднял морду и осторожно понюхал воздух. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Теперь он уже не сомневался, что чувствует запах «грохочущей смерти».

Но тут ветер изменил направление, и Незван учуял еще один запах. Запах взрослого мужчины. Он повернул голову в сторону запаха и увидел, что в траве кто-то лежит.

Тем временем мальчишка стащил с плеча «грохочущую смерть», наставил на Незвана и хрипло проговорил:

– Не балуй. У меня ольстра, понял? Прыгнешь – сгублю!

Незвана мальчишка уже не интересовал. Он повернулся и затрусил к раненому, истекающему кровью взрослому мужику, лежащему в траве.

Мужик был еще жив. Он лежал в траве, раскинув руки, с торчащим из груди клинком. Дыхание мужика было настолько слабым, что его мог уловить только острый слух оборотня.

Когда Незван Брага склонился над мужиком, тот вдруг открыл глаза и едва слышно пробормотал:

– Бо... лит...

Незван усмехнулся песьими губами, широко раскрыл пасть и всадил клыки в остывающую человеческую плоть.

2

Атаман Деряба зачерпнул деревянной ложкой щи и сунул ее в рот. Скривился, выплюнул щи в тарелку и отодвинул ее. Нос его лоснился, в спутанной рыжей бороде виднелась капуста, мокрые губы скорбно скривились.

Деряба вздохнул:

– Великий Род, скорбит душа моя безмерно... Жить скушно. Умирать еще скушнее. Одна забава молодцу – кровушку чужую пускать... Да и она от скуки не лечит.

Деряба снова вздохнул и взял со стола кувшин с водкой. Выпив водки, он сгреб с

серебряной чаши жирный кусок лосятины, сунул его в рот и равнодушно заработал челюстями.

В дверь стукнули.

– Ну! – недовольно откликнулся Деряба.

Дверь открылась, и в комнату ввалился маленький косолапый разбойник по кличке Кривой.

– Атаман! – взволнованно выпалил он.

– Ну?

– Там Коломец вернулся.

– Вернулся, говоришь? – Деряба сгреб с тарелки еще один кусок мяса и, сунув его в рот, буркнул: – Ну, так тащи этого стервеца сюды!

Кривой кивнул и скрылся. Вскоре дверь снова открылась, и в комнату шагнул Коломец.

Выглядел Коломец странно. Волосы его были всклокочены, черная борода торчала в разные стороны, взгляд был дикий и будто потерянный. На меховом жупане в трех местах темнели засохшие пятна крови.

Обежав глазами комнату, Коломец остановил взгляд на Дерябе, ухмыльнулся какой-то дурацкой ухмылкой и сказал:

– Здравствуй, атаман!

Деряба прищурил булькатые глаза и с холодной усмешкой произнес:

– Здравствуй, сучий сын. Где шляется?

– Выполнял твое задание, – спокойно ответил Коломец. – Первоход пошел в Гиблое место. Денег при нем немерено.

Деряба вытер жирные руки об грязный рушник и сухо проговорил:

– Прикрой-ка дверь покрепче.

Коломец прикрыл.

– А вот теперь рассказывай, – распорядился Деряба.

– Всего их пятеро. Едут в Гиблое место. Глеб-Первоход, ученый муж из моравийской земли, девка для утех и бродяга-старик на услужении. А с ними и Прошка наш увязался.

– Прошка? – удивленно вскинул брови атаман. – А этот зачем?

– Меты будет оставлять. Решись, по его следам пойдем, Первохода настигнем и деньги отнимем. А с деньгами – и секрет ученого мужа про то, как золото делать.

Деряба прищурил глаза, долго смотрел на Коломца, соображал. Потом усмехнулся и проговорил:

– Вижу, не зря ты сходил. Много чего разведal. Но в Гиблое место ходить – глупость это. Сгинем ведь там все.

– Может, и сгинем, – согласился Коломец, – а может, и нет.

Деряба помолчал, потом вздохнул и снова потянулся за водкой.

– Скушно мне, Коломец, – проронил он угрюмо. – Заблудился я в жизни, как в лесу дремучем. Брожу меж трех осин и не знаю, на какой повеситься. Княжество наше мрачное. Говорят про меня, дескать, я много крови лью. А сами? Уж и не поймешь, чего больше в княжестве льется, слез или крови этой.

Деряба выпил водки и рыгнул. Потом досадливо дернул щекой и договорил:

– А что я сам кровь люблю, так то врут. Я ее от скуки полюбил. Посмотришь на наших людишек, поневоле бешеным станешь. Вот коли б отхватить большой куш... истинно большой... и свалить с ним куда-нибудь к теплomu морю, на благодатные земли. Говорят, в иных землях даже собаки брешут без ярости. Как думаешь, хорошо ли там?

– Знамо, хорошо, – согласился Коломец. – Но тебе бы там еще скушнее стало.

– Да... Наверное, ты прав. – Деряба вскинул на Коломца сердитый взгляд. – Что ж тогда делать-то? Как от скуки уберечься? Как духоту из души больной выветрить?

Коломец задумался. Глаза его как-то странно замерцали. Вот, наконец, он разомкнул бледные губы и не то спросил, не то сказал:

– Вольного духа, значит, хочешь?

– Хочу, – кивнул Деряба. – А где его сыскать, не знаю.
– Ты не знаешь, зато я знаю.
– Как это? – не понял Деряба.
– А так, что я его уж сыскал. И тебе покажу, коли орать не станешь.
Деряба сдвинул рыжеватые брови.
– С чего бы мне орать?
Коломец усмехнулся:
– С перепугу. От моего показа испугаться можешь. Но теперь знаешь, чего ждать, а потому – смотри!

Не успел Деряба ответить, как Коломец стал обращаться. Разрослись руки и ноги, лопнула на спине одежда, лицо обмясилось и стало, жутко подергиваясь, вытягиваться вперед. Из рта, превратившегося в пасть, вылезли кривые и острые, как гвозди, зубы.
Коломец встал на четвереньки, лязгнув зубами и махнул волчьим хвостом.
Деряба вцепился пальцами в край стола и тяжело задышал. Он был ни жив ни мертв от ужаса.
Тогда Коломец еще раз лязгнув зубами и принялся обращаться обратно.
Вскоре он снова стал человеком. И тут к Дерябе вернулся дар речи.
– Коломец, да ты оборотень! – глухо воскликнул он.
– Верно, оборотень, – согласился разбойник, хитро улыбаясь. – Вольный дух!
Деряба повел плечами, будто груз сбрасывал, и, глядя на чернобородого разбойника исподлюбья, спросил:
– И каково это – оборотнем существовать?
– Хорошо! – ответил тот. – Никто мне теперь не указ! Никого не боюсь! Дышу ветром вольным, делаю, что хочу, а уж силушки у меня теперь – больше, чем у всех княжьих охоронцев, вместе взятых! Захотел – волком по лесу побегал, захотел – вновь в человека обратился! Двумя жизнями живу вместо одной-то!
Глаза Дерябы возбужденно заблестели.
– Стало быть, Коломец, ты теперь счастлив?
– Знамо, счастлив!
Деряба взволнованно облизнул губы.
– Слышь, Коломец, – хрипло проговорил он. – А что, коли бы и я захотел оборотнем стать? Помог бы ты мне?
– Знамо, помог бы. А ты хочешь?
Глаза Дерябы блеснули еще ярче:
– Ну!
– Так давай помогу.
Коломец шагнул к Дерябе. Тот глянул на разбойника с опаской и слегка поежился.
– Больно ли это? – спросил атаман.
Коломец улыбнулся, и во рту у него блеснули клыки.
– Чуток потерпишь, зато потом – благодать! – успокоил он. – Протяни руку – я тебя укушу.
Деряба миг поколебался, потом сцепил зубы и вытянул перед собой правую руку.

3

Это было похоже на короткий сон. Сначала тьма. Потом огненные всполохи. Потом – черный лаз. И вот Деряба несется сквозь этот лаз, да так быстро, будто его мчат лихие кони. А потом перед ним кроваво вспыхнуло, и Деряба открыл глаза.
– Я живой? – севшим от изумления и страха голосом спросил он.
– Живее, чем был, – весело ответил Коломец.
Деряба огляделся. Та же комната. Те же стены. Даже куски мяса в тарелке те же самые. А перед ним стоит и скалит рот в ухмылке Коломец.

– Так я теперь, как ты? – спросил, все еще не веря в то, что все закончилось, Деряба.

– Верно! – Коломец засмеялся. – Ну? Что чувствуешь-то?

Деряба принялся, повел ухом и ответил с восторгом:

– Много чего! Мир запахами полон! И вижу острее! Ох, и вкусен стал воздух! Вот только... – Глаза Дерябы замерцали так же, как у Коломца. – ...Голодно мне что-то.

– Этот голод всегда с тобой пребудет. Насытить его можно только кровушкой людской. Да и то ненадолго. Зато во всем прочем ты теперь как бог! И Гиблое место тебе отныне не страшно.

– Верно, – с удивлением проговорил Деряба. – Я об этом и не подумал. – Внезапно в голову атаману пришла идея. – Слушай-ка, Коломец. А что, ежели мы всю нашу ватагу в оборотней обратим? Как думаешь, можно ли это?

– Думаю, что можно, – ответил Коломец.

– Вот это будет веселье, а! – возбужденно воскликнул Деряба. – Это ж из нас целая стаища получится!

Приятное волнение Дерябы передалось и Коломцу.

– Верно! – снова кивнул тот. – И никто более с нами не совладает! Никакой князь и никакой Первоход! Только... Как сделаем-то? наших много, а нас с тобой только двое.

Атаман подумал немного и сказал:

– По одному будешь ватажников ко мне звать. А сам с той стороны постоишь да покараулишь. К ночи, коли боги не отвернутся, закончим.

– Верно, атаман, – кивнул Коломец. – Так и сделаем.

Оборотни переглянулись и ухмыльнулись друг другу.

– Пойду, что ли, первого позову?

– Ступай, – кивнул Деряба.

Коломец развернулся и, по-звериному сгорбившись, вышел из комнаты. Деряба откинулся на жесткую спинку скамьи, ухмыльнулся и свирепо проговорил, словно прорычал:

– Ну, держись, Первоход... Теперь и у меня на тебя управа есть. Достану тебя хоть со дна могилы. И в клочья зубами изорву!

В дверь стукнулись.

– Атаман, войду?

– Входи, Кривой! – разрешил Деряба. – Закрой дверь поплотнее и топай ко мне...

Действовали споро и деловито. Меньше чем за час все было закончено.

Сделав дело, Деряба, которому не терпелось опробовать свои новые возможности, выстроил всех ватажников на улице и приказал им разоблачиться.

На землю полетели жупаны, охотничьи куртки, гофские камзолы и суконные плащи.

– А теперь обращайтесь! – приказал, вытаращив на разбойников булькатые глаза, распорядился Деряба. – Посмотреть на вас хочу!

Разбойники опустили на четвереньки и стали обращаться. Выглядело это жутко. Лица превращались в морды, руки и ноги – в лапы, тела вспухли и разнеслись, как тесто на дрожжах, бока поросли клочковатой буро-черной шерстью.

Не прошло и пяти минут, как перед Дерябой стояла стая огромных рыкающих волков. Шерсть на холках стоит дыбом. Шкура подрагивает. Черные когти сжимаются и разжимаются, рвут в ошметки травяной дерн.

– Добро, – сказал Деряба и довольно усмехнулся. – А теперь я!

Он быстро скинул одежду и тоже встал на четвереньки. Обращаться было больно, но Деряба, сцепив зубы, вытерпел. И вот уже перед стайей новообращенных оборотней стоял не человек, а огромный рыжий оборотень.

Рыжий восторженно рыкнул, повернулся и зарысил в сторону леса. Черная стая обращенных разбойников, щелкая от нетерпения зубами и подрыкивая, двинулась за ним.

Гиблое место встретило отряд Глеба-Первохода покоем и тишиной. Ветер утих. Кроны деревьев были неподвижны. Но Глеб знал, что покой этот мнимый.

Шли молча. Глеб – впереди, за ним – Тимофей Лагин, за Лагиным – все остальные. Ученый муж шагал бодро, вертя по сторонам головой и с интересом осматривая окрестности. Очки его тускло поблескивали от лучей клонящегося к западу солнца. В заплечном мешке он нес провизию.

Диона шла следом. Взгляд ее был сосредоточен и задумчив.

Сзади тащились Хомыч и Прошка. Их сумки были поменьше, чем у Глеба, Лагина и Дионы. Старый да малый – чего с них возьмешь.

Время от времени Глеб останавливался и делал прочим знак остановиться. Затем осторожно продвигался вперед, тщательно оглядывая траву и ветви деревьев.

Чем дальше они продвигались, тем мрачнее делался лес и плотнее смыкались над головами кроны деревьев. Когда стало совсем мрачно, Прошка нагнал Лагина и пошел с ним рядом.

Идти по мрачному лесу молча было тягостно, и постепенно между ученым мужем и мальчишкой завязался разговор.

– Люди уперты, духом слабы, – проповедовал, то и дело поправляя пальцем очки, Лагин. – Благой поступок требует усилия. А для злого не надо ни разума, ни силенок. Ткни ближнего твоего ножом в спину и завладей его имуществом – вот и все дела.

Прошка поглядел на ученого мужа с сомнением:

– А коли у меня имущества нет? Как же мне его добыть, коли ножом не тыкать?

– Трудом, – ответил Лагин. – Бог потому тебя и создал такого смышленного да бойкого, чтобы ты мог трудиться. Труд – это человеческое призвание, понимаешь? Создал тебя Бог и велел трудиться. Кто трудится, тому воздастся сторицей. И все у него будет, чего он только пожелает. Вот ты, Прошка, что лучше всего умеешь делать?

– Воровать.

Лагин досадливо мотнул головой:

– Нет, не то. Скажи что-нибудь другое. Чтобы другим людям расстройств не чинить.

– Ну... – Прошка задумался. – Батя говорил, что из меня вышел бы хороший кузнец.

– Вот! – кивнул Лагин и улыбнулся. – Это дело богоугодное. Людям помогать – Бога радовать. Вот кабы каждый себя этому посвятил – представляешь, какая бы тогда жизнь началась!

– Не получится, – веско возразил Прошка. – Зачем им твоя работа, когда меч и стрела все, что нужно, добудут. И усилий-то никаких прилагать не надо. Натянул тетиву да стрельнул. Вот тебе и куш.

Лагин нахмурился и поправил пальцем очки.

– Пока мы так рассуждать будем, ничего путного из людей не выйдет, – сказал он. – Одни только распри да кровь. Сколько ее уже пролито, кровушки-то этой...

– Много, – согласился Прошка.

Лагин невесело усмехнулся:

– То-то и оно, что много.

– Да разве можно остановить-то?

– Можно, – кивнул Лагин. – Есть верный способ. Вот скажи мне, Прохор, за что люди друг друга гробят?

– За золото.

– Верно. А ежели золота появится так много, что оно станет валяться под ногами? Что тогда будет?

– Разберут. Домой утащат, амбары да сусеки золотишком забьют.

– А его все равно много останется. Целые горы золота. Больше, чем камней. – Лагин вздохнул и мечтательно проговорил: – Вот тогда люди и призадумаются. Призадумаются и поймут, что не в золоте счастье. Люди ценят то, чего мало.

– А чего будет мало?

– Добра. Любви.

Прошка усмехнулся.

– Здоров ты врать, дядя Лагин. Только такого никогда не будет, чтобы золото под ногами валялось.

– Будет, – уверенно произнес ученый муж. Помолчал, затем заговорил снова, понизив голос: – Знал я, Прошка, одного человека, который мог сделать золото из чего хочешь. Хоть из твоих соплей.

– У меня нет соплей, – хмуро отрезал Прошка.

– Как же – нет. А под носом что?

Прошка нахмурился и вытер нос рукавом рубахи.

– Брехня это все, – изрек он упрямо. – Будь у Бавы Прибытка горы золота да вокруг – горы, он все равно добро делать не станет. Будет сидеть на своей горе золота и жрать его в три глотки. Пока не лопнет.

Лагин тихо засмеялся.

– Ты слишком плохо думаешь о людях, Прохор.

Прошка хотел ответить, но вдруг Диона громко позвала:

– Глеб!

Глеб обернулся:

– Чего тебе?

– Впереди княжьи ратники.

Орлов остановился и недоверчиво воззрился на девушку.

– Откуда ты знаешь?

– Чую, – просто ответила она.

– И скоро они будут здесь?

– Скоро. Если не хочешь столкнуться с ними нос к носу, самое время спрятаться.

– Что ж... – Глеб прищурил недобрые глаза. – Но если ты обманула... – Он не договорил и слегка повысил голос: – Все слышали, что она сказала? Давайте в кусты. И побыстрее!

Едва путешественники успели спрятаться, как из-за деревьев выехал разъезд охоронцев из пяти человек. Все в кольчугах, с шеломами на головах. На ногах – яловые сапоги с высокими голенищами. На плечах – суконные плащи, под стать княжескому корзну, за спинами – круглые щиты. На поясах – мечи и кинжалы. Пояс старшего украшен золочеными пряжками и увешан наградными сверкающими бляхами.

Кони под витязями сильные, сытые. Сбруя отменная. На конях войлок, на войлоке потники, на потниках – черкасские седла с подпругами.

Глеб усмехнулся: кабы к этому великолепию да смелости чуток – цены бы витязям не было. А сунь любого из них в Гиблую чащобу и дай вблизи послушать, как волколаки зубами щелкают, – мигом в штаны наложат.

Хотя... Случалось, конечно, и княжьим ратникам волколаков и упырей мечами рубить. И не только их. Сколько они самозванных добытчиков сгубили – зубов во рту у волколака не хватит, чтобы сосчитать.

Глеб вздохнул.

Разъезд проехал мимо кустов и двинулся мимо, но тут случилось нечто непредвиденное. То ли копыта коней подняли слишком много пыли, то ли земля, к которой припали путники, была слишком сырой, но не выдержал Хомяч молчаливого лежания и – чихнул.

Один из всадников, судя по бляшкам, княжий поручик, остановил коня и прислушался. Затем сделал знак другим остановиться. Глеб метнул на старика гневный взгляд, тот побледнел и развел руками.

– Заметай! – донесся до путников зычный голос поручика. – Поди глянь в кустах!

Один из витязей кивнул, повернул коня и неспешно направил его к кустам. Глеб тихонько вынул из ножен меч. Против ратников он никогда не использовал ольстру. Таково

было негласное соглашение, принятое между ним и князем Егрой. Равновесие сил. Стоило Глебу его нарушить, и князь направил бы по его следам два десятка отборных воинов, вооруженных до зубов. И тогда уж Глеба никакая ольстра от смерти не спасла бы.

Бой на мечах – это честный бой. Но даже честный бой был сейчас Глебу не нужен. Лучше попытаться решить все миром, а уж если не получится...

Глеб поднялся в полный рост. Завидев его, поручик тут же повернул коня и быстрой рысью подъехал к кустам.

– Кто такие? – резко спросил он, осаживая коня.

– Я Глеб-Первоход, – представился Глеб спокойно. – А ты кто таков?

Поручик сдвинул темные брови и веско ответил:

– Меня кличут Кнур. Дивлянов сын. Я княжий поручик. А про тебя, Первоход, слышал. Кто там с тобой?

Лагин, Хомыч, Диона и Прошка медленно поднялись на ноги и хмуро уставились на поручика.

– Это мои спутники, – ответил Глеб. – Мы не делаем ничего предосудительного. А в Гиблое место пришли по своему делу.

Поручик оглядел всю честную компанию холодным взглядом и распорядился:

– Покажь сумки!

– Зачем? – сухо спросил Глеб.

– Хочу увидеть, что бурю пыль не везешь.

– Я не добытчик, я – ходок, – отчеканил Глеб. – Если ты про меня слышал, сам это знаешь.

Поручик Кнур дал знак своим витязям. Те мигом обнажили мечи. А один положил стрелу на тетиву лука и направил ее острием на Глеба.

– Выполняй мой приказ или будешь бит, – резко проговорил поручик.

Несколько секунд Глеб размышлял. Дружинник, несомненно, слышал про ратное умение Глеба. Кроме того – из кожаной кобуры Глеба торчал приклад ольстры, а уж про это жуткое оружие ратники тоже были давно наслышаны.

В собственной победе поручик, конечно, не сомневается, но воинов своих класть на поляне понапрасну не станет. Опытный ратник знает, что худой мир лучше хорошей войны. А значит – прежде чем вступать в схватку, всегда лучше сперва попробовать договориться.

Обдумав все это, Глеб сказал:

– Я работаю на Баву Прибытка и Карпа-Крысуна. У этих честных купцов есть договоренность с князем Егрой, а потому сумки я тебе не покажу. Но я готов поклясться Родом, что в наших сумках нет бурой пыли.

Поручик нахмурился и в свою очередь обдумал слова Глеба. Потом кивнул и сказал:

– Хорошо, будь по-твоему. Но дать ответы на мои вопросы вы обязаны. А потому спрашиваю: куда держите путь?

– Мы ищем человека, – спокойно ответил Глеб.

– Какого человека?

– Старца Осьмия, христианского мудреца. Запутал он в Гиблой чашобе. Хотим его вызволить.

– А на что он вам?

– Да дельце у нас к нему есть.

– Что за дельце?

– О том говорить не стану. – Глеб сунул руку в сумку-ташку и миролюбиво проговорил: – Позволь тебе что-то показать, поручик Кнур, Дивлянов сын.

С этими словами Глеб достал из сумки две дозорные рогатки и протянул их поручику:

– Взгляни.

Поручик пригнулся с коня и взял рогатки.

– Что это? – спросил он.

– Презент. Прими от чистого сердца.

Поручик прищурил холодные глаза и сердито отчеканил:
– Я княжий охоронец, а князь охоронцы мзду не берут.
– Знаю, знаю. – Глеб улыбнулся. – Тебе за державу обидно. Только это не мзда, а дар. Дозорная рогатка против оборотней. Слышал, наверное? Положи ее в карман и отправляйся в объезд. Ежели она в кармане заверещит, значит, оборотень близко.

Ратники с интересом уставились на дозорные рогатки. А поручик грозно сдвинул брови и сказал:

– Мы чудными амулетами не пользуемся, нешто ты этого не знаешь?
– Знаю, – отозвался Глеб. – Но если ты положишь рогатку в карман, это никому не повредит. А князю Егре, коли сам не спросит, об этом и знать незачем.

Несколько секунд поручик раздумывал, потом кивнул и нехотя проговорил:

– Ладно. Идите дальше, но нам больше не попадайтесь. В другой раз рогаткой не откупитесь, в полон пойдете. Понял ли, что говорю, Первоход?

– Понял, Кнур.

– Ну, идите. И да помогут вам боги!

– И да помогут они вам!

Поручик кивнул и повернул коня. Вскоре разъезд скрылся из вида.

– Уф-ф... – вздохнул Хомыш и вытер рукавом рубахи потный лоб. – Я уж думал, все.

– Хватайте сумки и пошли! – скомандовал Глеб. – Скоро наступят сумерки.

– Сумерки? – удивился Лагин. – Но ведь время едва перевалило за полдень.

– В Гиблом месте время течет иначе, – пояснил Глеб. – Нам нужно поторапливаться.

5

Лес теперь был черный, спутанный. Дубы шевелили листьями на ветру. Земля была влажной, иногда под ногами начинала чавкать грязь, и тогда Глеб замедлял шаг и тщательно прощупывал почву только что срезанным прутком с живыми еще листьями.

Пару раз в небе с клекотом пролетали спуржун-птицы, и тогда Глеб командовал:

– Замрите!

И все замирали, с ужасом слушая этот клекот и поглядывая на стремительно темнеющее небо.

Внезапно Глеб остановился. По его знаку остановился и весь отряд. Глеб некоторое время во что-то вслушивался, затем медленно выдохнул воздух и распорядился:

– Дальше пойдем совсем тихо.

Часа полтора двигались молча. Почва под ногами была мягкая и влажная, идти по ней было тяжело, и путники очень скоро почувствовали усталость. Солнце между тем коснулось вершин деревьев, и тогда Глеб остановил свой отряд и велел разбить лагерь для ночевки.

Прошка и Хомыш насобирали валежника. Глеб быстро и ловко разжег костер. Затем отошел во тьму леса и наставил дозорных рогаток.

Вскоре все расположились вокруг костра. Глеб разрезал вяленое мясо на куски и дал каждому путешественнику по куску. К мясу он добавил сухари и небольшой туес с соленой белужьей икрой.

Полчаса спустя еда была съедена, а на горячих углях закипел шиповниковый отвар. Глеб раздал всем маленькие оловянные кружки и плеснул в каждую душистого отвара.

Во время ужина почти не разговаривали. Усталость сковала путешественникам языки, и они были рады, когда Глеб занялся устройством лежанок. Он закопал в землю камни, нагретые костром, а сверху разложил траву и мох. Такая лежанка могла хранить тепло много часов.

Все легли спать – так же молча, как сидели вокруг костра.

Глеб, как всегда, долго не мог уснуть, но наконец сон сморил и его.

Ночью Диона вдруг проснулась и прислушалась. Потом села на траве, приподняла руки ладонями наружу и стала медленно водить ими по сторонам.

Лицо ее становилось все тревожнее и тревожнее. Она опустила руки и тихо поднялась на ноги. Затем бесшумно подошла к лежащему чуть в стороне от прочих Глебу, присела рядом с ним и взяла его за руку.

– Первоход, – тихо позвала она.

Глеб тут же открыл глаза и положил руку на ольстру. Увидев перед собой красивое, тонкое лицо Дионы, он нахмурился и хрипло прошептал:

– Чего тебе?

– Надо поговорить.

– Говори.

Брови девушки дрогнули.

– Мы в опасности, – взволнованно прошептала она. – По нашему следу идет стая оборотней. Большая стая. И скоро они будут здесь.

Глеб сел на своей лежанке и потер пальцами сонные глаза. Затем снова взглянул на Диону и спросил:

– Откуда знаешь?

– Я их вижу, – ответила девушка.

– Как?

Диона подняла руки и показала Глебу свои узкие ладони. На ладонях темнели глаза.

– Ты видишь их этими глазами? – хмуро спросил Глеб.

Диона кивнула.

Глеб наморщил лоб и задумчиво потер пальцами подбородок.

– Если ты права, то... – Глеб одним ловким движением вскочил на ноги. Нагнулся, поднял с земли ольстру. Посмотрел на нее, нахмурился и вдруг протянул Дионе. – Держи.

Диона со страхом взглянула на ольстру.

– Что ты задумал? – шепотом спросила она.

– Пойду оборотням навстречу.

– Зачем?

– Не хочу, чтобы они пришли сюда и устроили бойню. Одному и в стороне от вас мне будет сподручнее. Возьми оружие.

Диона неуверенно взяла ольстру (Глеб заметил, что глаза на ладонях девушки затянулись плотными перепонками) и удивленно проговорила:

– Тяжелая.

– Если захочешь убить оборотня, направь на него ольстру дулом... Вот оно – дуло. А потом плавно нажми вот на этот крючок. Когда из дула вылетит огонь, ольстра сильно дернется у тебя в руках. Будь к этому готова и держи ольстру крепче. Все поняла?

– Да.

– Вот еще кое-что.

– Световые заряды?

– Да. Для людей они безвредны, а оборотня или волколака ослепят. Слепого волколака убить легче. Бейте этих тварей в голову. Или рубите им шеи. Поняла?

– Да, – снова ответила Диона.

– Ну, все. А теперь извини, мне нужно раздеться.

Глеб стал быстро раздеваться. Диона смущенно отвела взгляд.

Раздевшись донага, Глеб вынул из кармана охотничьей куртки маленькую темную горошину, которую Бельмец обозвал «перелицем», и сунул ее за нижнюю губу.

– Отойди подальше и не пытайся меня убить, – сказал он. – Помни, что я – это я.

По лицу ходака пробежала мелкая рябь, волосы на голове приподнялись. Он поморщился и простонал:

– Черт... Как это больно.

Лицо его задергалось, из глаз хлынули слезы. Глеб зашатался от боли, изо всех сил стараясь не закричать. И вдруг лицо его потемнело. Мышцы на руках и ногах вздулись тугими узлами. На груди и плечах пробилась густая шерсть.

А дальше все пошло быстрее. Глеб опустился на четвереньки, тихо зарычал, блеснул отросшими клыками и обратился в огромного мохнатого волколака.

Диона попятилась и медленно подняла ольстру.

Глеб, уловив ее движение, уставился на Диону пылающими красными глазами и медленно покачал головой.

Диона опустила оружие. Волколак кивнул, повернулся и побежал в лес. Через несколько секунд он скрылся из вида.

6

Разъезд дружинников рысью пробирался через темный лес. Места вокруг были знакомые, но это не делало поездку менее опасной. Один из ратников поравнялся с поручиком и сказал:

– Сегодня слишком быстро стемнело.

– Сам вижу, – хмуро ответил поручик Кнур. – До межи недалеко. Успеем.

Вдруг из леса донесся заунывный, протяжный вой. Кони запрядали ушами и тихо захрапели от страха.

– Ты слышал? – спросил у Кнура лучник Владух.

– Слышал.

– Совсем рядом!

Кнур вынул из ножен меч. Трое ратников последовали его примеру, а четвертый достал лук.

Оборотень снова завыл, на этот раз совсем рядом. И вдруг десяток черных теней вывалились из лесной темноты на придорожную прогалину.

– Оборотни! – крикнул ратник Далибор.

– Вижу! – огрызнулся поручик. – Владух, стреляй!

Оборотни напали сразу, да не по одному, а навалились на ратников всей стаей. Залязгали зубы, замелькали в тусклом лунном свете мечи, зазвенела тугая тетива лука.

Двое оборотней ткнулись носами в землю. Еще один повалился у ног коня с разрубленной башкой.

– Руби их! – орал поручик, лихо орудуя мечом и отбивая атаки оборотней круглым щитом.

Еще два оборотня нашли свою погибель от мечей ратников. Но вот один из ратников закричал от боли и рухнул с коня в черную траву. За ним второй. А потом и третий – упал, отпихнул от себя оборотня ногой, задергался на земле, стискивая пальцами разорванное горло.

Четвертого один из оборотней сбил с коня, и тут же две другие твари вцепились в него зубами.

Дольше всех отбивался поручик Кнур, но огромный рыжий оборотень высоко прыгнул в воздух, вцепился зубами ему в запястье и, сжав челюсти, легко, как сухую ветку, перекусил поручику кость.

Меч выпал из разжавшихся пальцев Кнура, кровь фонтаном хлынула из перекушенной руки.

Оборотни стащили поручика на землю и стали рвать его зубами на части. Кнур был еще жив, когда рыжий оборотень склонился над его лицом и пролаял:

– Хочешь... с нами?

– Я лучше сдохну, – прошептал Кнур.

Оборотень засмеялся хриплым, гавкающим смехом и вцепился ратнику в горло.

Кони разбежались по лесу, но оборотни не стали их ловить. Все равно далеко не убегут. А пока у них была пища поизысканней. Зубы тварей лязгали об кольца кольчуги, перемалывали кости, выдирая их из доспехов.

Оборотни чавкали и подтягивали, как щенки, упиваясь едой и волей. И вдруг их

самодовольное тьяканье перекрыл громкий, раскатистый рык.

Оборотни вскинули морды и зарычали в ответ. На пригорке, ярко освещенном луной, стоял рослый волколак. Он был больше каждого из оборотней раза в полтора, лапы его были толще, а грудь мощнее и шире.

Но оборотней было много, а волколак один. И они не собирались делиться с ним своей добычей.

Рыжий оборотень пригнул голову и угрожающе зарычал. Однако волколак, вместо того чтобы ретироваться в лес, смело шагнул вперед.

Рыжего наглость незваного гостя привела в ярость, и он, больше не задумываясь и не медля, бросился на волколака.

Два мохнатых тела одновременно взвились с места и сшиблись в воздухе.

Стая оборотней поспешила на подмогу вожаку. Оскалив усыпанные зубами пасти, они бросились на волколака. Завязалась драка. Волколак был очень силен. Он разбросал оборотней, как щенков, но они тут же вскочили на ноги и снова ринулись в бой.

Деревья затряслись от яростного рыка, шерсть клочьями залетала в воздухе.

Вдруг волколак вырвался из своры и крупными скачками устремился к лесу. Стая оборотней бросилась за ним.

По лесу бежали долго. Разъяренные погоней оборотни не собирались отставать. Добежав до прогалины, волколак обернулся, словно хотел удостовериться, что оборотни все еще бегут за ним, а потом взвился в воздух огромным прыжком.

Оборотни устремились за ним. Что-то хрустнуло у них под лапами, и они, не понимая, что произошло, все еще в пылу погони, посыпались в глубокую яму, прямо на торчащие внизу колья.

Те оборотни, что бежали позади, успели сбавить ход и метнуться в сторону, а затем остановились и недоуменно уставились на черный провал ямы.

Волколак оскалил зубы в жесткой усмешке, повернулся и скрылся в чащобе.

7

Завидев Глеба, Диона вскочила на ноги и наставила на него ольстру. Глеб остановился, схватившись рукой за дерево. Дыхание его было тяжелым и хриплым. Голое тело блестело от крови.

– О боги! – негромко воскликнула Диона, швырнула ольстру на траву и бросилась к Глебу.

Если бы она не подросла, Глеб рухнул бы на землю. Опираясь на плечо Дионы и морщась от боли, он доковылял до лежака и тяжело на него опустился. Диона села рядом.

– Ты ранен? – коротко спросила она.

– Да... Немного.

– Я осмотрю тебя.

Диона осторожно уложила Глеба на траву и стала осматривать его тело.

– Тебе здорово досталось, – сказала она.

– Там... в сумке... есть мазь. Туесок... Достань его.

Диона вскочила на ноги и сбегала за сумкой. Туесок она нашла почти сразу. Показала его Глебу – он кивнул:

– Да. Смажь мои раны.

Диона открыла туесок, зачерпнула пальцами густую мазь и стала накладывать ее на открытые, кровоточащие раны ходака. Глеб сцепил зубы, чтобы не застонать.

Диона осторожно втирала мазь в напряженное, мускулистое тело.

– Тебя подрали оборотни? – тихо спросила она.

– Да, – отозвался Глеб.

– И теперь ты тоже...

Глеб усмехнулся и отрицательно качнул головой:

– Нет. Перед уходом в лес я выпил отвар из корня золотника. Пока он у человека в крови, укус оборотня ему не страшен.

Диона кивнула, давая понять, что слышала о таком отваре, и сказала:

– Выпей еще. На всякий случай.

Глеб вздохнул:

– Больше нет. Настой дорог. Очень дорог.

Смазав раны, Диона закрыла туесок и убрала его в сумку. Глеб вытянулся на лежанке и расслабил мышцы.

– Хорошо... – выдохнул он. – Скоро буду как новенький.

Диона легла рядом, бережно погладила его ладонью по волосам и нежно проговорила:

– У волка лесного боли, у медведя – боли, у всякой твари лесной – боли, а у Глеба – не боли.

Глеб покосился на нее с удивлением.

– Ты прямо как моя мать, – сказал он. – Когда я в детстве набивал себе шишки и ссадины, она говорила те же самые слова. Даже странно.

Диона улыбнулась:

– Ничего странного. У всех женщин присказки одни и те же. Главное тут не слова. Главное...

Диона замолчала.

– Что? – тихо спросил Глеб. – Что главное?

– Ничего. Давай полежим и помолчим.

Глеб прикрыл глаза. Легкий ветер приятно охлаждал усталое тело. Смазанные мазью раны быстро затягивались.

«Скорей бы», – подумал Глеб.

Почувствовав теплую ладонь Дионы у себя на груди, он вдруг застыдился своей наготы. Открыл глаза и тихо сказал:

– Диона, мне нужно одеться. Принеси мою одежду.

– Да. Сейчас.

Диона бесшумно поднялась с лежанки и пошла за одеждой Глеба, сложенной под деревом. Глеб невольно залюбовался ее тоненькой, гибкой фигурой.

Он вспомнил, как занимались они любовью, и почувствовал, что возбуждается. В данных обстоятельствах это было столь же смешно, сколь и грустно.

Когда Диона подошла к лежанке, Глебу пришлось прикрыться руками. Она поняла и беззлобно усмехнулась. Потом положила одежду рядом с Глебом и негромко проговорила:

– Ничего. Я отвернусь.

Глеб, поскрипывая зубами от боли, неторопливо оделся.

– Наши-то все спят. Крепко их Гиблое место сморило.

– Это не Гиблое место. Это я.

Глеб удивленно посмотрел на Диону.

– Не понял.

– Я наслала на них сонные чары.

– Зачем?

– Чтобы они не мешали и не задавали вопросов.

Глеб замер и уставился на Диону.

– Значит, ты умеешь колдовать?

Девушка смущенно улыбнулась.

– Немного. Как и все в моем племени.

Взгляд Глеба похолодел.

– Я совсем забыл, что ты нелюдь, – глухо и как бы для себя проговорил Глеб. – Больше никогда не насылай чары на моих людей. Поняла?

Веки Дионы дрогнули.

– Глеб, не надо со мной так.

– Я сказал. Повторять не стану. А теперь иди на свою лежанку.

Диона несколько секунд смотрела Глебу в глаза, затем отвернулась и, понутив голову, направилась к своей лежанке.

Проводив ее взглядом, Глеб посмотрел на свой сжатый кулак. Затем медленно разогнул пальцы. Он совсем забыл про перелиц. От горошины осталось меньше половины. Глеб вспомнил адскую боль, которая сопровождала превращение в волколака, и поморщился. Дай бог, чтобы эта штуковина больше не пригодилась.

8

Деряба зачерпнул из ручья пригоршню воды и плеснул себе на рожу. Кровь с тела он уже смыл, а раны зализал, еще будучи оборотнем. Как ни странно – это здорово помогло. Раны затягивались в десять раз быстрее, чем когда он был человеком.

Рядом, низко пригнув голову к ручью, пил Коломец.

Еще семеро уцелевших разбойников валялись на траве, раскинув руки и глядя на ущербную луну. Голые, мокрые от воды и пота, они дышали тяжело и хрипло. Схватка с волколаком сильно их вымотала.

– Слышь, Коломец, – тихо окликнул своего сподручного Деряба.

– Чего? – так же тихо отозвался тот, отирая рукою мокрую бороду.

– Зачем этот гад на нас напал?

– Ты про волколака?

– Ну. Знал ведь, что от добычи нас не отгонит.

– Думаю, знал, – согласился Коломец.

– Тогда чего хотел?

– Может, подраться захотелось? – предположил Коломец.

Деряба ухмыльнулся и покачал рыжей головой.

– Да нет. Тут дело иное. Ты заметил, какой запах от него исходил?

– Нет. А какой?

– Не запах волколака, это точно. Я волколачьи следы видел. И шерсть волколачью на ветках нюхал. Наш волколак пахнет не так, как другие.

– И что? – недоуменно спросил Коломец.

Деряба прищурил глаза и злобно процедил:

– А то, что это был не волколак. Помнишь, как он нас к яме привел?

– Ну.

– Вот те и «ну». А яму-то кто вырыл?

– Кто?

– Какой-нибудь ходок!

– Верно, – признал Коломец и задумчиво поскреб пятерней в затылке. – Это что ж значит? Что волколак, которого мы подрали... – Он уставился на Дерябу изумленными глазами и выдохнул: – ...Ходок?

– Молодец, допер, – мрачно сказал Деряба.

– Да как же он в волколака-то? – недоумевал Коломец. – Ведь нельзя же!

Деряба фыркнул.

– Нельзя-нельзя. А вышло, что лъзя. Мало ли по Гиблой чащобе амулетов разбросано. Иной амулет человека хоть в духа болотного превратит. И рога у него на башке козлячьи отрастит.

Коломец помолчал. Потом проговорил угрюмо:

– Чудное дело.

– Забыл, где мы? – угрюмо проговорил Деряба. – Сдается мне, Коломец, что то был не просто ходок, а самый первейший из них.

– Первоход?

Деряба кивнул. Коломец растерянно нахмурился.
– И зачем это он на нас?
– Задержать хотел. – Деряба поднял голову и понюхал воздух. – Недалеко они. Совсем недалеко. Кабы на ратников не отвлеклись, уже бы их настигли.
– Так что ж теперь делать-то?
Деряба ощерил желтые клыкатые зубы.
– Первоход думал, что надолго нас задержит. А мы отдыхать не станем. По следу его пойдем. Еще затемно их возьмем, со сна, – тогда, глядишь, и одолеем.
Деряба повернул голову к разбойникам:
– Эй, зубастые! Раны зализали?
– Зализали, – отозвался за всех один, самый потрепанный.
– Тогда обращайтесь обратно. – Деряба облизнул губы и с невыразимой злобой добавил: – Пора на охоту.

9

Темный ходок растолкал Бельмеца рано, еще до зари. Пнул ногой по ребрам и проскрежетал:

– Полно спать. Вставай.
Бельмец схватился за ушибленный бок, зашипел:
– А драться-то чего? Мог бы просто на ухо крикнуть.
– В другой раз так и сделаю, – пообещал Темный ходок.
Бельмец сел на лежанке, зевнул, протер кулаками слипшиеся от гноя веки.
– Глаз болит, – сообщил он ходоку. – Ветром и пылью вчера надуло.
Ходок на это ничего не ответил.
Бельмец снова зевнул и глянул на своего спутника. На маске Пугача следов крови уже не было. Видать, замыл в ручье. Перчатки на его лапах тоже были чистыми.
Пугач стоял на пригорке, широко расставив ноги, и вглядывался в глубину черного, предрассветного леса, будто мог там что-то увидеть. Стоял он неподвижно и крепко, как дерево или вкопанная в землю веревка.

– Слышь, ходок, – окликнул его Бельмец. – А ты хоть живой? Это я к тому, что вид у тебя не человеческий. И пахнешь ты как-то странно. Ты только не обижайся. Видал я, как ты с волхвом аравийским расправился. И как птицы тебя клевали, да не заклевали. Человеку против такого никак не устоять.

Темный ходок не ответил. Даже не повернул головы.
– И не ешь ты ничего, – удивленно проговорил Бельмец. – Как питаешься-то?
– Будешь много болтать, узнаешь, – скрежетнул Темный ходок.
Барышник замолчал. Поковырял пальцем в ухе, почесал мотню. Потом нехотя поднялся. В глазу жгло от недосыпа, будто кто песка швырнул. Умываться было лень. Да и нечем.

Бельмец потянулся, скрипнув суставами, зевнул, потом отошел к кусту, развязал веревку на штанах и с наслаждением помочился.

Завязывая веревку, он небрежно проговорил:
– Зря у меня Крысун глаз-то забрал. С глазом было бы сподручнее. Чудных амулетов бы собирали.

– Тебе мало тех, что у тебя в карманах? – глухо спросил ходок.
– Так то не мои. Их Крысуну вернуть надобно. А ну как сгодятся? Что возвращать-то буду?

– Башку ему свою отдашь, – прогудел Темный ходок.
Бельмец хихикнул.
– А ты, оказывается, и надсмехаться умеешь. И голос у тебя устоялся. Уже не заикаешься. Чудное дело.

Темный ходок издал горлом странный, клокочущий звук. Бельмец было испугался, но вовремя сообразил, что это смех.

Оправившись, Бельмец вынул из сумки кусок вяленого мяса и флягу с водой и стал завтракать.

– Жратва скоро кончится, – прочавкал он с набитым ртом. – Ты, я чай, хороший охотник. Постреляй дичи – я зажарю.

Пугач не ответил. Он по-прежнему стоял на пригорке и внимательно вглядывался в лес.

– И глядит, и глядит, – проворчал Бельмец, уплетая вяленое мясо и запивая его водой. – Я вон, пока оба глаза были, тоже глядел. А теперь что? Только на тебя и надеюсь. И все из-за Карпа-Крысуна. Чтоб ему пусто было!

Ходок не отвечал. Он все так же вглядывался в лес. Бельмecu это не понравилось. Он сунул в рот последний кусок мяса и поднял с земли ножны с кривой газарской саблей.

Бельмecu еще ни разу не приходилось пользоваться мечом или саблей. Он, конечно, убивал людей, но делал это более безопасными способами. Травил ядом, науськивал врагов друг на дружку, а один раз даже столкнул человека в пропасть. Но чтобы рубить или колоть – нет, этим заниматься не приходилось. Грязное это дело – людей рубить. Кровавое.

И тут Пугач издал гортанный звук, похожий на рев ярости. Из зарослей бузины выскользнули девять черных теней.

– Ходок, оборотни! – испуганно крикнул Бельмец. Швырнув саблю на землю, барышник повернулся и рванул к ближайшему дереву.

Самый рослый оборотень – широкогрудый, рыжий, стал медленно приближаться к Темному ходоку, явно выбирая момент для прыжка.

Остальные быстро окружили Пугача с двух сторон.

Темный ходок поднес руку к поясу, намереваясь вынуть меч, но пальцы его схватили пустоту. Меч и кинжал лежали возле остывающего костра. Там же валялась сумка с амулетами против нечисти.

Темный ходок пробормотал что-то сердитое и досадливо мотнул головой. А потом глухо пророкотал, глядя на рыжего вожака:

– Я вас не трону! И вы меня не трогайте! А тронете – перебыю!

Рыжий вожак сипло засмеялся. Смех этот, вылетевший из волчьей пасти, прозвучал противоестественно и жутко.

Рыжий вожак оскалил пасть и рванул с места. И в тот же миг остальные оборотни последовали его примеру.

Сидя на дереве, Бельмец с ужасом наблюдал за битвой. Оборотни рвали Пугача зубами, пытались свалить его, но тот, казалось, врос ногами в землю.

Он молотил тварей кулаками по мордам и косматым грудям, хватал их за глотки, ломал им хребтины. Не прошло и минуты, а два оборотня уже валялись на земле, пуская пузыри черной крови. Однако семеро оставшихся усилили натиск.

В какой-то момент Темный ходок зашатался, и Бельмец с ужасом подумал, что он упадет, но проклятый Пугач снова устоял на ногах.

Он резко выбросил вперед руки, схватил двух оборотней за загривки и резко столкнул их головами. Раздался громкий треск, и оборотни рухнули на землю с разбитыми вдребезги черепами.

Еще одного оборотня ходок схватил за передние лапы и резко развел лапы в стороны, выворачивая их из суставов. Потом швырнул покалеченного зверя на землю и размозжил ему хребет ударом тяжелого кованого сапога.

Теперь уже не девятро, а четверо оборотней рвали его тело. Пугач попытался схватить рыжего вожака, но промахнулся и рухнул на колени. Еще один оборотень щелкнул зубами возле его лица, но ходок увернулся и сам вцепился оборотню зубами в горло. Оборотень отчаянно взвизгнул, дернулся и обмяк.

Пугач отшвырнул дохлого зверя, выплюнул изо рта клочок шерсти и мяса и повернулся к рыжему вожаку, намереваясь покончить с ним. Но еще два оборотня вцепились ему в руки.

Темный ходок стряхнул их, как шавок. Ударил одного ногой под дых, хотел наподдать и второму, но тот отпрыгнул в сторону.

Два уцелевших оборотня – рыжий и черный – отбежали от Пугача на несколько сажений и остановились. Они тяжело дышали и изумленно смотрели на гору шерсти и мяса под ногами у Темного ходока – все, что осталось от стаи.

Темный ходок двинулся с места и шагнул к оборотням. Но те решили больше не испытывать судьбу. Они повернулись и, трусливо поджав хвосты, скрылись в лесу.

10

Вставало солнце. Деряба и Коломец лежали на траве и тяжело дышали.

– Что же это творится на белом свете, Коломец? – хрипло и горестно проговорил атаман. – Сперва Первоход, теперь этот... Я два раза прокусил ему глотку, а он даже не покачнулся.

– А я вырвал у него из бедра кусок мяса размером с собачью башку, – угрюмо произнес Коломец. – Думал, кровью изойдет. Ан нет.

Деряба прижал смоченный в ручье пучок травы к ране на боку и севшим от боли и усталости голосом изрек:

– Что-то с ним не так.

– Уж это как пить дать, – подтвердил Коломец, ощупывая пальцами разбитую и окровавленную голову. – Кажись, кости мне сломал, сволочь.

Деряба тяжело и прерывисто вздохнул.

– Была ватага – и нет ватаги. Вот и подышали вольным ветром. Чего теперь делать-то будем?

– Кабы я знал... – угрюмо отозвался Коломец.

Деряба хотел что-то сказать, но вдруг осекся и вскинул голову.

– Ты слышал? – нервно спросил он.

– Чего? – не понял Коломец.

– Голос! Кто-то чего-то сказал!

Коломец посмотрел на атамана удивленно.

– Не, я не слышал. А что за голос-то?

Деряба хотел ответить, но этого не понадобилось, потому что голос заговорил снова – на этот раз громче и четче, так, что даже Коломец его услышал и испуганно завертел головой.

– ТВАРИ ВЫ НЕРАЗУМНЫЕ! – пророкотал голос. – МЕРТВЕЦА УБИТЬ ХОТЕЛИ! КТО ЖЕ ТАК ДЕЛАЕТ?

Коломец, никого не увидев, испуганно вжался в землю. А Деряба спросил, понизив голос и пригнув голову:

– А ты кто? И где ты прячешься?

– Я ВАШ ХОЗЯИН! – небрежно ответил голос. – А ВЫ – МОИ ПСЫ. ОТНЫНЕ БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО Я ВАМ ПРИКАЖУ.

– А гузно не слипнется? – рывкнул несмешливо Деряба, в котором внезапно проснулась разбойничья гордость. – Мы сами по себе! Вольные оборотни! И никто нам не указ, понял?! А у тебя, кто бы ты ни был, даже рук нет, чтобы за загривки нас оттащить. Какой же ты хозяин?

Вдруг Деряба схватился за голову растопыренными ладонями и повалился на землю.

– Больно... – хрипло простонал он. – Прошу, ослабь...

Рядом, подвывая от боли, катался по траве Коломец. Из глаз у него вытекли две струйки багряной крови.

– Ослабь... – снова простонал Деряба. – Прошу...

Боль ушла так же внезапно, как и явилась.

– ОТНЫНЕ ЗНАЙТЕ: ВЫ – МОИ ПСЫ! – пророкотал голос. – ВЕЛЮ ПРИНЕСТИ

КОСТЬ – ПРИНЕСЕТЕ. ВЕЛЮ СОЖРАТЬ КЛОК ТРАВЫ – СОЖРЕТЕ. А ОСЛУШАЕТЕСЬ – СГУБЛЮ ЛЮТОЙ ПОГИБЕЛЬЮ. ПОНЯЛИ?

– Поняли, – выдохнул Деряба.

– Как не понять... – тоненько поскуливая, подтвердил Коломец.

– Неисповедимы пути Господни, брате, – уже более миролюбиво проговорил голос невидимого хозяина. – Были вы разбойниками, потом стали оборотнями. А теперь вы – шавки бродячие. Ну, может, оно и к лучшему. До сих пор не было в ваших жалких жизнях никакого смысла. Одно только прожигание пустое. Жратва, выпивка, бабы... И крови вы человеческой почем зря пустили реки! Но теперь и у вас, недоумков, будет предназначение. Счастливы ли вы?

– Счастливы... – проблеял Коломец, отвечая за двоих.

– Вот и хорошо, – проговорил старческий голос. – А теперь слушайте, что я вам скажу, и хорошенько запоминайте...

11

– Глеб! – с ужасом крикнул Лагин. – Глеб, вставай!

Глеб открыл глаза. В нескольких шагах от него отчаянно орал Прошка, а над ним склонилась тощая баба с синим лицом.

Упыриха вцепилась мальчишке пальцами в плечи и пыталась ухватить его зубами за горло, но Прошка уворачивался, изо всех сил стараясь оттолкнуть упыриху от себя. Сзади, схватив бабу за шею, дергался Хомяч – пытался оторвать упыриху от мальчика. Однако мертвая баба была ужасающе сильна.

Глеб вскочил на ноги и бросился на помощь.

– Старик, уйди! – крикнул он на ходу.

Хомяч послушно отпустил упыриху и быстро уковылял в сторону. Глеб шагнул вперед и, не останавливаясь, врезал упырихе сапогом по ребрам. Упыриха слетела с Прошки и покатила по земле, но, остановившись, стала подниматься снова.

Глеб подхватил с травы ольстру, в два прыжка настиг гадину и на этот раз пнул ее сапогом по зубам. Зубы упырихи вылетели изо рта, как гнилые семечки.

Она вскрикнула, раскрыла черный, зловонный рот и, злобно глядя на Глеба, прошипела:

– Ходок...

Глеб ухмыльнулся:

– Хочешь познакомиться? Прости, красотка, но беззубые цыпочки меня не заводят.

Он вставил дуло упырихе в пасть и нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел, и голова твари развалилась на куски.

Глеб по-ковбойски дунул в дуло обреза и сунул его стволом в кожаную кобуру. Обернулся, окинул перепуганных Прошку и Хомяча насмешливым взглядом и уточнил:

– Эй, парни, надеюсь, я не испортил вам вечеринку?

Прошка, сидя на земле, отдувался и отирал рукавом потное лицо. Его все еще трясло. Хомяч сидел рядом с несчастным видом. Чуть в стороне от них Глеб увидел Диону. Она была бледна и мрачна.

Тело упырихи еще дергалось на земле, загребая иссохшими пальцами траву. Ученый муж Лагин осторожно подошел к ней и с любопытством стал оглядывать корчащиеся останки.

– Хорошо бы взять на пробу кусочек ее плоти, – сказал он и привычно поправил очки.

– Смотри, как бы она от тебя самого кусочек не оттяпала, – проворчал в ответ Глеб.

Лагин взглянул на него и поинтересовался:

– А почему дозорные рогатки не сработали?

– Они работают только против оборотней. А эти... – Глеб кивнул на затихшую упыриху, – ...обычно к кострам не подходят. Даже малый уголек их ужасает.

– Чего ж она подошла?

– Совсем, должно быть, одурела от голода. Видишь, какая тощая. Даже восходящее солнце ее не остановило. Кабы не мы – к селам бы рванула. Там хоть и опасно, но всегда есть чем поживиться.

– Как же они двигаются? – недоуменно проговорил, поблескивая очками, Лагин. – У этой вон даже сухожилия сгнили. Да и от суставов ничего не осталось. Как же она шевелит руками и ногами?

– Об этом ты у Гиблого места спроси, – проворчал Глеб.

– А вдали от Гиблого места они могут жить?

– Могут.

– И долго?

– Если будут жрать человечину, то долго. Дольше тебя, это точно.

Лагин покачал головой и восторженно выдохнул:

– Удивительные создания.

– Ты не особо-то на нее заглядывайся, – с холодной иронией проговорил Глеб. – Тебя в Топлеве невеста ждет. Не забыл?

Лагин поморщился и горестно вздохнул:

– Первоход, прошу, не напоминай. Я был пьян.

– Ты это Ольстре расскажешь. И Вакару.

При упоминании о Вакаре ученый муж поморщился еще болезненней.

Глеб повернулся к Прошке:

– Ну, ты как?

– Хо...рошо. – Мальчишка сглотнул слюну и попытался взять себя в руки. – Только испугался малость, – добавил он уже более твердым голосом. – Просыпаюсь, а она надо мной. В штаны чуток напустил.

– Ну, это с каждым хоть раз да было, – улыбнулся Глеб. – Иди в ручей застирай. А пока можешь мои запасные надеть. Только веревкой пузо подвяжи да штанины подверни.

Десять минут спустя все успокоилось. Упыриху облили земляной кровью, которая нашлась в сумке у Глеба, забросали сухими ветками и сожгли. Потом наскоро позавтракали.

Прошка во время трапезы хвастался перед Хомычем штанами Глеба. Старик в ответ восторженно кивал головой. Похоже, общий испуг сплотил старика и мальчишку. И то хорошо. Чем меньше грызни в отряде, тем лучше.

– Коли так, то зачем на меня зуб точишь, ходок? – тихо проговорила Диона.

Глеб недоуменно на нее воззрился.

– О чем ты? – спросил он.

– Сам же только что сказал, что меж собою грызться нехорошо.

Глеб прищурил карие глаза.

– Я этого не говорил.

– Правда? – Диона покраснела, словно ее уличили в чем-то постыдном. – Выходит, я угадала.

Глеб покачал головой:

– Нет. Ты читаешь мои мысли, Диона. Роешься у меня в голове.

– Я... – Диона покраснела. – Я не хотела... Это само получилось. Ты не бойся, это у меня редко бывает.

Взгляд Первохода стал холодным и неприязненным.

– Глеб, я...

– Замолчи, – холодно отчеканил Глеб. – И не смей больше ко мне обращаться. Захочешь что-то сказать – скажи Лагину. Или Хомычу. Или вон мальчишке. Да хоть самому болотному духу, только не мне!

Он повернулся к Прошке и Хомычу и сухо проговорил:

– Хорош забавляться. Пора в путь.

Глава шестая

1

При свете утреннего солнца Гиблый лес не казался таким уж страшным и мрачным. Дубы стояли крепкие, кряжистые, с разметавшимися, усыпанными зеленой листвой кронами. Время от времени попадались рожицы берез. Внимательный взгляд разглядел бы ольху, пихту, осину. Подлесок был изменчив – где густо, а где совсем пусто. Чего было в изобилии, так это бузины. А в прочем – лес как лес.

Однако Первоход, по-прежнему шагающий впереди, продвигался все так же неторопливо и осторожно. Чтобы обойти густую, непролазную чащобу, Глеб вывел свой маленький отряд к реке.

Здесь он остановился и огляделся. Вглянул на противоположный берег, поросший тальником. Прошел чуть вперед, снова остановился, осмотрел цепким взглядом следы на береговом наилке.

– Надо же, – проговорил он удивленно. – Здесь совсем недавно медведь прошел.

– Оборотень? – осторожно уточнил позади Лагин.

Глеб качнул головой:

– Нет. Обычный медведь. Пудов сорок весом, а то и больше. Настоящий кодыак.

Глеб поднял голову и огляделся.

– Иной медведь опаснее оборотня, – негромко произнес он. – Против него никакой амулет не подействует. А этот мало что огромный, так еще и голодный.

– Откуда знаешь, что голодный? – поинтересовался Лагин.

– Муравейник по пути видел, раскиданный в прах. Мишка с ума сходит от голода. Почует нас – охоту устроит.

Глеб поправил в кобуре ольстру и осторожно двинулся дальше. Отряд, опасливо оглядываясь, поспешил за ним.

В лесу застучал по дереву дятел. Хомыч прислушался.

– Дятел-то как молотит, – задумчиво проговорил он на ходу. – Не ровен час, мор начнется.

– Чего? – не понял Лагин.

– Дятел по дереву, слышь, долбит? Жальник деревянный готовит. Как мор начнется, схоронит туда души умерших детей.

– В дерево?

– Ну.

– Это у вас такое поверье? Жуть! – Лагин снял очки, протер их полрой рубахи, снова водрузил на нос.

Огляделся, вздохнул: красивые места, жаль, что здесь так опасно. Хотел нагнать отряд, но вдруг остановился и уставился на что-то.

– Глеб! – окликнул он негромким, дрогнувшим голосом. И не глядя двинулся в сторону, прямо к песчаной насыпи, что отделяла берег от леса.

Продвигаясь вперед, Глеб был внимателен, как всегда в Гиблом лесу, но это не мешало ему размышлять. Вот он опять пришел в это проклятое богами место. Сколько раз уж зарекался не ходить. И заработок мог найти получше. Вон Громол – промышлял себе охотой и в ус не дул.

Нет же – тянет сюда. В принципе, понятно, почему тянет. Ну, как Сорни-Най смилостивится и домой переправит? Так хочется в Москву... До боли в сердце хочется. И чтобы вокруг – нормальные человеческие лица, а не упыри да оборотни. Комфортная кровать от «Hulsta», плазменный телик с диагональю 117 см, двухъядерный лэптоп... Любимые сайты, любимые фильмы, любимые компьютерные шутеры... «Терминатора» очередного, поди, уже сняли. Айл би бэк!

Какой уж там «би бэк»... Навечно застрял в этом средневековом гадюшнике. Как пить дать – навечно.

Глебу вдруг вспомнилось одно интервью, которое он брал у известного рок-гуру. Поэт был пожилым, умудренный опытом, с наметившимся брюшком.

– Все, что происходит вокруг, – это что-то вроде интерактивной игры, которую запустил Господь Бог, – вещал он, поблескивая очками. – Бог ею рулит и пытается вывести всех нас на какой-то результат. Такой, чтобы в конце загорелась надпись: «GAME OVER. YOU WIN!» А мы можем только пытаться угадывать, где наша функция как конкретного бота, который кого-то мочит в темных коридорах.

– И люди сумеют дойти до последнего уровня?

Гуру усмехнулся и ответил:

– В конечном итоге да. Но на это могут уйти тысячи лет, тысячи проб и ошибок, тысячи неудачных вариантов. Возможно, когда это случится, люди превратятся в других существ...

«Вот тут и превратимся», – с ожесточением подумал Глеб, поглядывая на проклятый лес.

Его слух уловил какой-то подозрительный шум. Глеб остановился и вслушался. Звук повторился. Глеб глянул назад, и брови его удивленно приподнялись.

– А где Лагин? – громко спросил он.

Диона, Хомыш и Прошка завертели головами.

– Надьсь рядышком был, – неуверенно проговорил Хомыш. – Вместе дятла слушали.

– «Дятла слушали», – передразнил Глеб. – Сами вы...

Глеб прошел мимо остолбеневших товарищей и обронил по пути:

– Когда пойдем обратно, старайтесь идти по нашим следам и не отступать ни влево, ни вправо. Если еще кто-то пропадет – искать не стану. Все поняли?

– Все, – последовал дружный ответ.

– Вот так. – Глеб нахмурился и зашагал по берегу в обратную сторону.

Отряд двинулся за ним, тщательно следя за тем, чтобы не сбиться с едва заметной протоптанной тропки.

В лесу кто-то слабо вскрикнул. И вдруг взревел зверь, да так, что затряслись ветки деревьев. Глеб рванул вперед, выхватывая по пути ольстру из кобуры.

– Все за мной! – крикнул он.

Прошка тут же сорвался с места, за ним торопливо заковылял Хомыш. Диона, подумав секунду, двинулась за ними. Глеб взбежал на песчаный пригорок, вскинул ольстру и выстрелил.

Пуля вошла вставшему на дыбы огромному кодыяку под левую лопатку, выбив клочок бурой шерсти. Медведь рыкнул, опустился на четыре лапы и обернулся на Глеба.

– Ну! – крикнул ему Глеб. – Иди сюда!

Он тщательно прицелился и выстрелил снова.

Пуля вошла медведю в грудь, но медведь не остановился. Полтонны живого веса неслись на Глеба со скоростью курьерского поезда. Такой великан любому оборотню хребет одним ударом перешибет. Даже самому здоровому волколаку с ним не справиться. Живое воплощение сил природы, столь же дикое в этом проклятом месте, как жутчайший упырь на детской площадке.

Перезаряжать ольстру времени не было. Глеб бросил ружье на землю, выхватил из-за спины лук, а из колчана – крупноубойную стрелу со стальным наконечником, опушенную перьями орла. Когда стрела со свистом слетела с тетивы, до медведя было не больше двух с половиной саженей.

Глеб отпрыгнул в сторону, перекатился через плечо и снова вскочил на ноги. Новая стрела уже лежала на тетиве. Медведь развернулся и, тряхнув огромной головой, снова бросился на Глеба.

Вторая стрела вошла рядом с первой – прямо в широкую грудь зверя.

Глеб снова отскочил в сторону. И как раз вовремя – передние лапы кодыяка

подломились, он споткнулся, рухнул мордой в траву и пробороздил по земле носом еще целую сажень, пока не остановился и не замер.

Глеб положил на тетиву еще одну стрелу и осторожно подошел к поверженному зверю. Медведь был громадный. В несколько раз больше того несчастного бурого мишки, которого Глеб видел когда-то в московском зоопарке.

Глеб посмотрел на ученого мужа Лагина, сидевшего на траве, и сердито спросил:

– Какого хрена ты сошел с пути?

Тот вытер рукавом куртки бледное, потное лицо и вытянул перед собой руку.

– Вот, – дрогнувшим голосом пробормотал он.

– Чего «вот»?

– Цветок. Эльфенит. Тот, ради которого мы сюда пришли.

Глеб глянул на крохотный невзрачный цветочек и хмыкнул:

– Ладно. Прячь свой эльфенит в сумку, а я займусь медведем.

Из-за деревьев выступили Хомыш, Прошка и Диона. Но Глеб не обращал на них внимания. Склонившись над тушей, он вырезал медведю глаза, прошел на песчаное нахолмие и швырнул глаза зверя в реку.

– Хазарина, прими от нас сей дар и не мсти нам за своего лохматого собрата! – торжественно проговорил он.

Потом вернулся к туше и снова взялся за нож. Срезав зверю кончик носа, Глеб завернул его в широкий лист лопуха и сунул в карман охотничьей куртки.

– Какое зверство, – пробормотал Лагин, поежившись. – Зачем это?

– Душа медведя находится в кончике его носа, – нехотя объяснил Глеб. – Теперь я пленил ее. Не сделай я так, медведь пришел бы ко мне во сне и разорвал бы меня на части.

– Но ведь это во сне, – неуверенно проговорил Лагин.

Глеб усмехнулся и мрачно изрек:

– Порой не знаешь, что реальнее, сон или явь. Обычно у медведя еще берут мозги. Если их высушить и истолочь в порошок, получится отличная присыпка, заживляющая раны. Но на это у нас нет времени.

Глеб отер нож о траву, выпрямился и вложил его в ножны.

– Еще раз отстанешь, оставлю на съедение лесным тварям, – сухо пообещал он Лагину.

– Не оставишь, – возразил ученый муж. Затем покосился на своих спутников, разглядывающих поверженного и изуродованного медведя, вновь взглянул на Глеба и тихо добавил: – Цветок уже у нас. Наберем грязи из голодной прогалины – и мы с тобой богачи. От такого не отказываются.

– Отказаться можно от всего, – возразил Глеб. – По крайней мере здесь. Твое золото так же призрачно, как весь ваш мир. Призраком больше, призраком меньше...

Лагин сдвинул брови.

– Я тебя не понимаю, Первоход.

– Само собой. Объяснил бы тебе лучше, да ты все равно не поверишь. Эй, народ! – окликнул Глеб. – Мы отправляемся дальше. Особо жалостливые могут остаться и похоронить несчастного мишку. Остальные – за мной!

Он поправил колчан и сумку-ташку, повернулся и зашагал к реке.

* * *

Тревога застыла на лицах спутников Глеба, когда он указал им на море белого тумана, затянувшего долину, и тихо проговорил:

– Дальше будут Моревские рудники. Раньше там добывали руду. Теперь в заброшенных шахтах живут волколаки.

Хомыш поежился и спросил:

– Нельзя ли обойти стороной?

Глеб качнул головой:

– Нет. Доставайте мечи, коли жизнь дорога.

Лязгнуло железо, и мечи блеснули в тусклом свете солнца. Лагин посмотрел на меч растерянным взглядом и спросил:

– Первоход, нет ли другого способа?

– Нет, – ответил Глеб.

– Но... – Лагин поправил пальцем очки. – Я плохо владею мечом. Боюсь, если придется сражаться, от меня будет мало проку.

– Я буду рядом, – просто сказал Глеб.

Прошка крепче сжал в руке кинжал-скрамасакс и проговорил:

– Ежель сгину, отрубите мне башку. Не хочу быть упырем.

Глеб не посмотрел на него и первым стал спускаться вниз. Прошка, Лагин и Диона последовали за ним.

Спустившись в долину, они по пояс погрузились в туман.

– Глеб! – окликнул Лагин, опасливо озираясь по сторонам.

– Чего тебе?

– Волколаки боятся солнечного света?

– Боятся. И не просто боятся. Солнечный свет для них, как для нас с тобой жаровня с углями.

– У меня с собой стеклянная мензура с настоем алого крылогрива! Ежели ее крепко ударить оземь, начнется реакция, и будет много света!

Глеб, внимательно вглядываясь в туман, проворчал:

– Какого хрена ты до сих пор молчал?

– Речь не заходила. И потом – я опробовал настой всего лишь раз.

– И как?

– Мой помощник ослеп. И немного тронулся умом.

Глеб холодно усмехнулся:

– Второе нам не грозит, мы уже тронулись, коли гуляем по Гиблому месту. А вот насчет первого... Достаточно ли будет, если мы просто закроем глаза?

Лагин подумал и растерянно пожал плечами:

– Прости, ходок. Мне то неведомо.

– Неведомо ему, – проворчал Глеб, продолжая оглядывать зорким оком белый туман. – Ладно, попробуем. Эй, народ! – негромко окликнул он остальных. – Когда Лагин хлопнет стекляшкой об землю – прикройте глаза ладонями! Все поняли?

– Все, – хором откликнулись Диона и Прошка.

– Старик, а ты?

– Ежели прикажешь – башку в землю воткну, – отозвался Хомыч.

Глеб усмехнулся и хотел отпустить остроуту, но в это мгновение в тумане скользнули темные тени. Глеб вскинул ольстру и нажал на спуск.

Громыхнул выстрел. В тумане кто-то громко скульнул.

– Они здесь! – возбужденно выдохнул Глеб. – Лагин, бей склянку!

Ученый муж выхватил из котомки стеклянную мензуру, размахнулся и что есть силы вдарил ею об землю. Под ногами у Лагина мягко чавкнуло, но звона не послышалось.

– Глеб! – дрогнувшим голосом окликнул Лагин. – Кажется, я попал ею в лужу!

– Черт! – выругался Глеб.

Громыхнул новый выстрел, и черная тень отшатнулась назад. Глеб резко повернулся влево и в третий раз нажал на спуск. Черная морда вынырнула из белого тумана, но тут же с визгом рухнула обратно с развороченной головой.

– Диона, перед тобой! – крикнул Глеб.

Диона шагнула вперед и резко взмахнула мечом. Черная тварь взвыла и отшатнулась вбок. Диона подпрыгнула вверх и ударила волколака ногой в морду, тут же развернулась и рубанула мечом еще одного.

– Лагин, руби! – крикнул Глеб.

Ученый муж махнул мечом, но промахнулся и рухнул на землю. В ту же секунду огромная тень подмяла его под себя. Сухо клацнул курок.

– Черт! – Глеб сунул в кобуру ольстру, выхватил меч и ринулся к Лагину.

Удар меча рассек волколаку грудь. Глеб ногой спихнул его с перепуганного Лагина и резко повернулся в другую сторону. И тут перед глазами у него вспыхнуло, а лицо обдало лютым жаром. Глеб отшатнулся и закричал от боли.

В первое мгновение он подумал, что волколак ударил его лапой по глазам, но, услышав крики своих спутников, понял, что это не так.

– Я ничего не вижу! – завопил перепуганный Хомыч.

– Я тоже! – отозвалась из тьмы Диона.

– И я! – крикнул Прошка.

Глеб скрежетнул зубами:

– Лагин, это твоя склянка?

– Да!

Хомыч тихо заскулил в темноте.

Глеб почувствовал ужас, но взял себя в руки и сухо спросил:

– Кто-нибудь видит хоть что-нибудь?

– Нет! – ответил не то Лагин, не то Хомыч.

– Зрение должно восстановиться, – убежденно проговорил Глеб. – Диона, дай руку! Я здесь!

Он почувствовал, как мягкая рука Дионы опустилась в его растопыренную ладонь.

– Лагин, держись за Диону! – скомандовал Глеб.

– Дай руку, ученый муж! – позвала из мрака Диона. И добавила через пару мгновений: – Готово!

– Так, – сказал Глеб. – Прошка, найди Лагина!

Послышался шорох, и вслед за тем прозвучал звонкий, перепуганный голос мальчишки:

– Кажись, нашел.

– Хомыч, держись за Прошку!

Старик крякнул в темноте и проныл:

– Держу!

– Да не за волосы, дурень! – ругнулся Прошка. – За плечо хватай!

Новый шорох, и снова голос мальчишки:

– Дядя Первоход, а мы правда сможем видеть?

– Правда!

– А когда?

– Когда выберемся из этого чертова места. Все, двигаемся вперед.

Прошли несколько шагов, Глеб чертыхнулся и сказал:

– Тут труп волколака. Двигайтесь осторожней.

Вдруг неподалеку влажно хрустнул валежник.

– Глеб! – позвала Диона.

– Я слышу! Замрите все! Хомыч, не сопи так громко!

Спутники Глеба послушно замолчали и даже дышать стали тише. Глеб взял рукоять меча и замер, наострив слух. Легкая поступь зверя, снова тишина, и снова мягкий шелест лап.

– На землю! Быстро! – крикнул Глеб.

Заговоренный меч Глеба со свистом рассек воздух. Рассеченная надвое тварь издала горловой хрип и затихла.

Хомыч испуганно вскрикнул, Лагин перекрестился. Из темноты послышалось рычание – теперь уже с двух сторон. Глеб крепче перехватил рукоять меча. Рычание смолкло. Глеб напряг слух, но не услышал ни шороха. И тут громко воскликнула Диона:

– Глеб, справа от тебя! Приник животом к земле! Сейчас прыгнет!

Глеб развернулся вправо и рубанул мечом. Отдача от удара была столь сильна, что он едва не выронил меч. Видимо, клинок рассек зверю кость.

– Теперь слева! – крикнула Диона.

Глеб сделал молниеносный выпад, и заговоренный меч вспорол чудовищу брюхо.

– Диона? – тихо позвал Глеб.

– Их больше нет! – звонко ответила девушка.

– Идем вперед! – скомандовал Глеб.

И они снова двинулись вперед.

– Как ты узнала? – спросил Глеб.

– Глаза на ладонях, – ответила Диона.

– Они видят?

– Да. Но не так, как ты думаешь. Глеб, слева! Руби!

Когти скрежетнули по земле – зверь бросился в атаку. Рядом вскрикнул Прошка. Глеб ринулся на крик. Мощный удар лапы выбил из пальцев Глеба меч. Он кувыркнулся через голову, развернулся и по легкому дуновению горячего ветра понял, что волколак несется на него.

Глеб выхватил из ножен кинжал, присел и нанес удар. Удар болью отозвался в суставах. Лезвие с хрустом переломилось, и в то же мгновение визгливо взвыл раненый волколак.

– За мной! – крикнул Глеб, подхватил с земли упавший меч и ринулся на звук ручья.

Диона больше за него не держалась. Ей это было ни к чему. Своими жуткими глазами она видела гораздо больше, чем Глеб видел и чувствовал.

Вскоре они были у ручья.

– Первоход, – тихо позвал Прошка.

– Чего тебе?

– Я все еще ничего не вижу.

– Потерпи, парень. Диона, что ты видишь?

– Лес... Деревья... Волколаков нет. Вот только...

– Что? – быстро спросил Глеб и сжал рукоять меча.

– Какая-то темная тень...

– Что за тень?

Несколько мгновений Диона молчала, затем тихо проговорила:

– Эта тень из грядущего.

Глеб дернул щекой.

– Что это значит?

– Она идет за тобой по пятам, – тихо ответила Диона. – И скоро вам предстоит встретиться.

Глеб почувствовал, как в душе его вскипает гнев.

– Кончай с этими фокусами, – сухо проронил он. – Лучше скажи, вернется к нам зрение или нет?

– Этого я не знаю.

– Что будем делать, Первоход? – позвал из мрака Лагин.

Глеб облизнул пересохшие губы и усилием воли заставил сердце биться медленнее.

– Диона, – твердым голосом позвал он, – боюсь, тебе придется идти впереди нас и указывать нам дорогу.

– Но я...

– Никаких но. У тебя есть хотя бы ладони. У нас нет ни черта. Давай вперед!

Он услышал, как Диона прошла мимо.

– Дядя Первоход, – севшим от ужаса голосом пробормотал Прошка. – Я... боюсь.

– Я знаю, – отозвался Глеб, постаравшись смягчить голос. – Ничего. Все обойдется. Ты, главное, держись за Лагина.

– Я держусь.
– И правильно делаешь. Диона, ты готова идти?
– Да.
– Тогда пошли.
– Дядя Первоход, – снова позвал Прошка.
– Что еще?
– Что будет, коли глаза останутся незрячими? Как я выкуплю мамку?
Глеб скрипнул зубами, но снова взял себя в руки и посоветовал:
– Поменьше об этом думай. И положишься на Диону. Больше нам все равно не на кого положиться.
– Коли не прозреем, никакая Диона нам не поможет, – надтреснутым голосом проблажил Хомяч.
Глеб пропустил его реплику мимо ушей.
– Диона, пошли! – скомандовал он.
И они медленно двинулись прочь от ручья, подняв вверх незрячие глаза и испуганно и тревожно прислушиваясь к звукам Гиблого леса.

2

Темный ходок лежал на земле, глядя сквозь глазные прорези в затянутое сизыми мороками небо. Прохладный ветер, стелющийся по земле, мерно колыхал его волосы. Грудь ходока вздымалась коротко и судорожно. Руки и ноги Пугача были истерзаны. Из шеи, булькая, вытекала кровь. Вокруг тела уже расплылась огромная, черная и вязкая лужа.

Бельмец стоял рядом и растерянно смотрел на своего кончающегося спутника.

– Сильно тебя оборотни потрепали, Пугач, – произнес Бельмец с горечью. – Я чай, уже не встанешь. А следом за тобой и я в Велесову Навь отправлюсь. Без тебя мне тут не выжить.

Ходок не ответил. Бельмец вздохнул и заговорил снова:

– Скажи хоть, кто ты? Ведь не всю жизнь ты был таким чудовищем.

Темный ходок усмехнулся обескровленными, синеватыми губами.

– Хочешь... узнать, кто я?

Голос его вновь стал ломающимся и хриплым, будто у обретшего дар речи мертвеца. Барышник поежился.

– Сам не знаю, – тихо ответил он. – Любопытно, да страшно.

Ходок снова перевел взгляд на небо.

– Скоро будет ливень... – выдохнул он. – Моли богов... чтоб не ядовитый.

Бельмец тоже уставился на темное, предгрозовое небо.

– А мне теперь хоть с ливнем, хоть без ливня – все одно помирать, – сказал он. – Я и дороги-то обратно не найду. Поскорей бы уж меня оборотни загрызли. Мучиться не хочу. Голодать страшуся.

– Не страшися... – Ходок облизнул губы черным языком. – Умирать не больно... Больно жить.

Бельмец обхватил руками голову и упал на колени.

– Боги, боги... как же я во все это вляпался? Всю жизнь осторожничал. Слова лишнего не говорил... Ежели лиходействовал, так только по нужде. За что же мне все это? Чем я хуже других?

Темный ходок слегка приподнял голову и взглянул на Бельмеца затуманившимся взглядом.

– Ты не хуже... – выплюнул он вместе с кровью. – Ты такой же... Я – хуже.

Затылок Темного ходока снова опустился на траву. Бельмец постоял немного, размышляя, вздохнул и поднялся с колен.

– Ты вот что, ходок... – устало проговорил он, – ты ведь все равно помрешь. А как помрешь, сюда тотчас же сбегутся твари. Я их дожидаться не стану. Прочь пойду. И амулеты

твои кудесные заберу. Тебе они уже ни к чему, а мне, глядишь, сгодятся.

Ходок не ответил. Он по-прежнему смотрел в затянутое мороками небо. Издалека уже доносились раскаты грома.

– Ну, значит, не возражаешь.

Бельмец подошел к сумке Пугача, поднял, удивившись ее тяжести, и закинул за плечо. Постоял немного, глядя на кончающегося ходока, обмахнул лицо охранным знаком, повернулся и затопал прочь – по той же тропке, которая привела их с Пугачом на эту лужайку.

Вскоре он скрылся за деревьями.

Начал накрапывать дождь. Темный ходок лежал на земле и дожидался смерти. Потом хлынул ливень. А он все лежал и ждал – ждал, когда все кончится. Жесткие струи дождя хлестали Темного ходока по лицу сквозь ткань повязки, разжижали вязкую кровь, и она разбегалась в стороны темными струйками и впитывалась в землю.

И вдруг чей-то властный голос проговорил, перекрывая шум дождя и раскаты грома:

– ВОССТАНЬ, ТЕМНЫЙ ХОДОК!

Пугач закрыл глаза. Снова их открыл. Ничего не изменилось. То же затянутое мороками небо, та же серая, мокрая, хлещущая по лицу завеса дождя. Но властный голос повторил:

– Восстань, Темный ходок!

Прошло несколько секунд, прежде чем Пугач осознал, что этот голос звучит не снаружи, а внутри – в его голове. Ходок разомкнул губы и сипло прогудел:

– Чего тебе от меня надо?

– Я хочу, чтобы ты встал! – ответил голос.

– Я... не могу.

– Можешь! Твои раны затягиваются. Пройдет совсем немного времени, и ты снова станешь цел и невредим.

Ходок сглотнул слюну и проскрежетал:

– Меня порвали ядозубые. После такого не встают.

– Не встают, – согласился невидимый собеседник. – Но ты встанешь. Я помогу тебе.

– Как? – Ходок усмехнулся. – Снова оживишь меня?

– Не только. Я дам тебе цель. Я дам тебе предназначение! Твоей целью станет служение!

– Кому?

– Мне! – Руксун... тройчан... гибло... калоста... Отныне ты – мой верный пес. Если я велю тебе умереть, ты умрешь. А до тех пор ты будешь жить. Вставай, Темный ходок!

В небе сверкнула молния, перед глазами у ходока вспыхнуло, в голове взорвался световой заряд, а тело сотряслось от мощного удара. Когда Пугач снова обрел способность чувствовать, он ощутил запах дыма и понял, что дым идет от его тела.

Вместе с тем пришло и ощущение крепости. Темный ходок приподнял голову и оглядел себя. Пошевелил рукой, затем ногой. Боль ушла, а мышцы снова налились силой. Не мнимой силой жизни, быстротечной и изменчивой, но неуязвимой силой смерти.

Пугач оперся ладонями в мокрую землю и попробовал приподняться. Это получилось. Он перевалился на бок, ткнулся коленом в землю и стал подниматься – все выше и выше, пока не встал прямо и не взглянул по сторонам мутным взглядом.

– Молодец! – похвалил невидимый хозяин. – Теперь ты – мой верный раб. И ты сделаешь все, что я тебе велю. Повтори это!

– Я твой верный раб, – повторил Темный ходок как по заученному. – И я сделаю все, что ты скажешь.

Пугач подошел к ножнам, нагнулся и поднял их.

– Вынь из ножен меч и швырни его на землю! – велел вдруг голос.

Ходок вынул меч и бросил его. Потом недоуменно огляделся по сторонам и проскрежетал:

– Чем же я буду биться?
– Чтобы одолеть Первохода, тебе понадобится оружие покрепче этого. Видишь гнилую березу на пригорке?

Темный ходок повернул голову и взглянул на чахлую, потемневшую от сырости и гнили березку.

– Вижу.

– Подойди к ней и расколи ее.

Пугач выполнил поручение. Когда он ухватил пальцами за край влажной корины и разорвал березку пополам, в ее гнилой сердцевине сверкнул белой молнией металл.

Темный ходок ухватился за металл и одним рывком вырвал из сердцевины гнилого дерева длинный меч. Меч был тяжелый, словно налитый земляными соками.

– Этого меча никто не ковал, – сказал невидимый Хозяин. – Он вырос сам. Вырос из земляной руды, которой много в здешней земле. Поливали его кровью. Он – плоть от плоти Гиблого места и впитал в себя его силу. Я называю его Гнилая Смерть.

– Гнилая Смерть, – тихо повторил Темный ходок.

– Верно. Вложи меч в ножны.

Темный ходок сделал, как велел Хозяин.

– Молодец, – похвалил голос. – А теперь слушай, что я тебе прикажу...

3

Ливень утих, но путники шли по лесу, втянув в плечи мокрые головы и поводя озябшими плечами. Зрение вернулось, хотя перед глазами у Глеба и его спутников все еще маячила желтая пелена.

– Лагин, – окликнул ученого мужа Глеб.

– Чего?

– У тебя еще осталась эта дрянь?

– Ты про настой крылогрива?

– Да.

– Есть еще одна мензура. Ты хочешь, чтобы я ее выбросил?

– Нет. Но не швыряй его на землю, пока я не скажу. Идет?

– Идет, – кивнул Лагин.

Прошка принялся насвистывать какую-то песенку, и Глеб, не оглядываясь, буркнул:

– Щас волколак тебе свистнет.

Свист мгновенно утих.

Несколько секунд мальчонка прошагал молча, после чего не выдержал и сказал:

– А все ж таки здорово, что волколаки нас не сожрали. Кабы не ты, Диона...

– Я тут ни при чем, – отозвалась Диона. – Благодарю за все Глеба. Это он разделался с волколаками.

– Да, но твои глазища на ладонях...

– Забудь о них. Я сама не знаю, видела ли я что-нибудь или все это выдумала.

Прошка поежился и осторожно вымолвил:

– Ежели выдумала, то выдумала верно. Выдумывай и дальше.

– Ты замолчишь, болтун? – сухо осведомился Глеб, которого благодарные речи Прошки задели за живое.

– Да. Прости.

И Прошка замолчал. Несколько минут шли в тишине, прислушиваясь к звукам леса. Вдруг Хомыч сошел с тропки.

– Стой! – окликнул его Глеб, но было уже поздно.

Старик Хомыч, потянувшись за ягодами рябины, наступил на волглую землю и в ту же секунду завопил от боли.

Его левая нога, обутая в лапоть и обмотанная онучами, угодила в грязевую лужицу,

покрытую сверху зеленоватой плесенью, похожей на подвядшую траву.

Глеб одним прыжком оказался рядом со стариком, схватил его за шиворот и дернул на себя.

Старик вскрикнул и запрыгал на правой ноге. Глеб осторожно опустил его на землю и осмотрел испачканную грязью ногу Хомяча. Потом вскинул голову, удивленно посмотрел на него и растерянно проговорил:

– Шип?

– Ну да, шип, – кивнул старик. – Наступил на что-то. А ты чего думал?

Глеб хотел что-то сказать, но вместо этого схватил вдруг пробегающую мимо маленькую ящерицу и швырнул ее в грязевую лужицу. Ящерица дернулась и растаяла, будто кусок масла на горячей сковороде.

– Голодная прогалина! – воскликнул Лагин.

Глеб кивнул. Затем взглянул на ногу старика и растерянно произнес:

– Странно... Она тебя не тронула.

Хомяч улыбнулся:

– Может, это потому, что я ее не боялся?

– А ты не боялся?

Старик покачал головой:

– Нет. Не успел еще.

– Гм... – Глеб потер пальцами поросший темной щетиной подбородок. – В первый раз такое вижу.

– Может, заставим его еще раз туда шагнуть? – предложил Прошка. – Тогда узнаем наверняка.

– Я те шагну! – рассердился Хомяч. – Я тебя самого туда кину!

– У тебя «кидалка» не выросла, чтоб меня кидать, – с вызовом проговорил мальчишка.

– Это у меня-то не выросла? Ах ты, птенец бесхвостый, да я тебя...

– Тихо, – оборвал его Глеб. – Тихо все!

Воцарилось молчание. Глеб внимательно вслушался в звуки леса.

– Что ты слышишь, Первоход? – с любопытством спросил Лагин.

Глеб ему не ответил. Взглянул на Диону и прищурил карие недобрые глаза:

– Ты ведь тоже это слышишь, верно?

– Да, – отозвалась Диона.

– И я тоже слышу! – возбужденно сообщил Прошка. – Вроде как барабаны стучат, да?

По-прежнему глядя на Диону, Глеб сухо осведомился:

– Боевой сигнал?

Девушка покачала головой:

– Нет. Благодарят богов за удачную охоту.

– Утащили из села очередного младенца и собираются его сожрать?

Диона сдвинула брови.

– Каждый хочет выжить, – сказала она. – И каждый выживает, как может.

– Ценой чужой жизни?

– Если это единственная цена, то да. Совсем недавно ты убил медведя-кодыка, помнишь?

– Это не одно и то же, – возразил Глеб.

Диона усмехнулась:

– Объясни это его семье.

Глеб сдвинул брови и отвернулся.

– Лагин, – окликнул он ученого мужа, – ты склянку не потерял?

– Нет. – Ученый муж опустил котомку на землю, ослабил шнур и, порывшись в ее утробе, извлек на поверхность стеклянную бутылочку. Протянул ее Глебу. – Наберешь? Или хочешь, чтобы я сам это сделал?

Глеб молча взял бутылочку и шагнул к голодной прогалине. Лагин, Диона, Прошка и

Хомыч с замиранием сердца следили за тем, как Глеб набирает в бутылочку ядовитую грязь.

Когда он заткнул бутылочку притертой пробкой и отошел от прогалины, все вздохнули облегченно.

– Держи, Эйнштейн! – сказал Глеб, протягивая бутылочку с грязью Лагину. – Только поаккуратнее с этим.

Ученый муж с величайшей осторожностью принял бутылочку из рук Глеба и вложил ее в небольшой медный кувшинчик. Затем плотно закрыл кувшинчик навинчивающейся крышкой и положил его в сумку.

– Ну, вот, – удовлетворенно проговорил он и посмотрел на Глеба сияющими глазами. – Важное дело мы сделали, Первоход!

– И на что тебе эта грязь? – спросил Прошка, равнодушно почесываясь.

– Исследовать ее буду, – уклончиво ответил Лагин. – Хочу узнать, отчего она такая злая да голодная.

– Известно отчего, жрать хочет. В этом лесу все друг друга жрут. Да и не только в этом лесу. Все наше княжество – сплошное Гиблое место. Дядя Первоход, далеко еще до Кишеня?

– Нет.

– А мы его обойдем? – поинтересовался Лагин.

– Нет, – снова сказал Глеб. – Пойдем через Кишень.

– Но ведь там чудовища!

Глеб мрачно усмехнулся.

– Верно, чудовища. Но другого пути нет. В лесу – голодные прогалины. Вертуны на излогах буйствуют.

– Вертуны?

– Что-то вроде призраков из черной пыли, закрученной в вихрь, – объяснил ученому мужу Глеб. – Нападет на тебя такой вертун, закрутит и будет кружить с бешеной скоростью, пока голова не отлетит.

– И что же, на вертуна нет никакой управы?

– Ну, кое-что, конечно, есть. Можно поймать вертуна в липкую сеть. Но не всегда срабатывает.

– Липкая сеть? А что это?

– Кудесная вещь. Она редко попадается в Гиблом месте, но кое у кого имеется.

– А у тебя?

Глеб усмехнулся:

– И у меня тоже. Но даже с сетью рисковать башкой не стоит. Нелюдя можно убить, а вертуна – только сдержать на время.

– А ты предпочитаешь убивать? – поинтересовалась, прищурив синие глаза, Диона.

Глеб выдержал ее взгляд и спокойно ответил:

– Когда дело касается темных тварей, то да.

Диона отвернулась. Помолчала несколько секунд и обиженно проговорила:

– Я ушла из Гиблого места, чтобы больше не видеть лихостроительства и жестокости. Но в вашем мире всего этого еще больше, чем у нас.

Глеб нахмурился, но не нашелся, что сказать.

4

В Кишень вошли молча. Лагин, Хомыч и Прошка были поражены величию древних развалин. Огромные подклеты, полуразрушенные белокаменные стены, остатки храмов и башен – все это не могло не впечатлить.

– Муляжи Святой Руси, – с горькой усмешкой пробормотал Глеб.

У него, как это бывало каждый раз, когда он входил в Кишень, щемило сердце. Там, в начале двадцать первого века, такой Руси не знают. Они думают, что тут жили дикари с каменными топорами. А ведь этому великолепию уже сейчас сотни лет. Какие же герои

жили здесь?.. И как странно, что эти герои превратились в жалкую кучку выроdkов, прячущихся под землей.

Глеб тряхнул головой. Опять всякая чепуха в башку лезет.

– Кишень – очень опасное место, – предупредил он всех.

– Опасное? – удивленно проговорил Прошка. Он повертел головой: – Но ведь здесь никого нет!

– Они здесь, – проронил Глеб. – Только мы их не видим.

– Почему ж не нападут открыто? – поинтересовался Лагин.

– Нелюдь никогда не нападает открыто. Она убивает исподтишка. Держитесь от меня в двух саженях и ступайте по моим следам. Если со мной что-то случится, на помощь не спешите – поворачивайтесь и бегите отсюда прочь.

– Как же это? – удивился Хомяч. – Нешто мы тебя оставим?

– Вы не знаете законов этого места и можете попасть в беду, – терпеливо разъяснил Глеб. – Без вас мне будет сподручнее. Сделаете, как я велю?

Спутники Глеба медлили с ответом.

– Сделаете или нет? – снова спросил он.

– Сделаем, – ответил за всех Лагин.

Глеб облегченно вздохнул: слава богу. Когда в Кишене незнающий человек бросается тебе на помощь, считай, что ты уже мертвец, да и он тоже. Гиблое место не любит порывистых, самонадеянных и неосторожных.

Глеб поправил на поясе меч и посмотрел на простершийся перед ним город-призрак. Как всегда, когда Глеб смотрел на Кишень, по спине у него пробежал неприятный холодок. За каждым камнем и подклетью ему чудилась опасность. И не зря чудилась. Глеб знал шестерых ходоков, которые сложили головы в Кишени. Каждый из них до последнего мгновения был уверен, что держит ситуацию в своих руках.

Ходок Бобрыня, Лешев сын, погладил по голове приبلудившегося щенка. Тот повилял хвостом, полизал ему руку, а потом вдруг взвился в воздух и вырвал Бобрыне кусок горла.

Ходок Ведан провалился в яму, и кто-то опустил ему сверху лестницу. Ведан ухватился руками за лестницу, а она оказалась обмазанной грязью из голодной прогалины. Пальцы ходока задымились и оплавились, как свечные огарки, а сам он помер от боли.

Ходок Мончук Малый решил сократить путь и полез на подклеть. Тут же из земли выскочили острые железные прутья и разорвали Мончука на куски.

Ходоку Пакомилу разmozжило голову упавшим сверху камнем, но откуда свалился камень, было непонятно, так как над головой Пакомилы зияло лишь багровое небо.

Как сгинули ходоки Скиф и Роздых, доподлинно никто не знал. Они шли впереди и вдруг исчезли. Потом откуда-то издадека донеслись их крики, а затем все стихло.

Глеб называл все местные ловушки «кишенскими шутками», но увидеть здесь самих шутников (кем бы они ни были) ему ни разу не довелось.

– Ладно, – сказал Глеб. – Пора идти. Помните, что я вам говорил, и все будет в порядке.

И он двинулся вперед. Несколько минут шли молча и без всяких приключений.

Проходя мимо разрушенного храма, Глеб услышал негромкое ворчание. Он быстро повернул голову и попятился от ужаса. За спиной у Глеба тихонько охнул Прошка и испуганно пискнул старик Хомяч.

На подклети разрушенного храма стояло огромное черное чудовище. По виду это был пес, но раза в два больше самого рослого ротвейлера. Кроме того, у чудовищного пса было две головы, пасти которых усеяны клыками, растущими в два или три ряда.

Двухголовый пес стоял на полуразрушенной кирпичной кладке, смотрел на путников маленькими, налитыми кровью глазами и глухо рычал. Прошка опомнился первым – он подхватил с земли палку и метнул ее в пса.

Пес дернул одной из голов, поймал зубами летящую палку и легко, как спичку, перекусил ее пополам.

Глеб вынул из кобуры ольстру, но Диона у него за спиной громко проговорила:

– Прочь, Драглак! Ступай домой!

Несколько мгновений пес смотрел на Диону, потом повернулся и, спрыгнув с подклети вниз, исчез из вида. Глеб выждал немного, затем сунул ольстру в кобуру и неприязненно проговорил, обращаясь к Дионе:

– Не знал, что у вас есть такие твари.

– Ты много чего о нас не знаешь, Первоход, – ответила девушка. – Драглак тебя не тронет, если ты не сойдешь с тропы. Нелюди не убивают ходоков просто так.

– Почему? – спросил шедший рядом с ней Лагин.

Диона взглянула на него и небрежно ответила:

– Боятся. Ходоки отлавливают наших, но нечасто и самых слабых. Если наши будут убивать ходоков, то и ходоки начнут лютовать. А то еще нагрянут княжьи ратники, и нашей тихой жизни в Гиблом месте придет конец.

– Знаю я ваше племя, – презрительно проговорил Глеб. – Прячетесь в развалинах, как крысы. Выбираетесь только, чтобы украсть ребенка или женщину.

– Нас мало, и мы вырождаемся, – печально вздохнула Диона. – Чтобы выжить, нам нужны ваши дети и женщины.

– Вот как, – пробормотал Глеб, поглядывая на разрушенные дома. – Мы у вас – слабых выроdkов, вы у нас – здоровых женщин. Не очень выгодный обмен, тебе не кажется?

– Другого быть не может, – так же печально, но твердо ответила Диона.

Проходя мимо пса, Прошка и Хомыш испуганно обогнули его стороной.

Дальше пошли в молчании. Разговаривать было страшно. Здесь, в этом мертвом городе, повсюду таились уродливые твари. Они были не видны, но они были рядом и, возможно, наблюдали за непрошеными гостями в щели и дыры.

Шагая по заросшей бурьяном улице, Хомыш в очередной раз спрашивал себя: какой блудливый дух дернул его поплестись следом за Лагиным и Глебом?

Прошка, бредущий рядом со стариком, размышлял о кошелье с деньгами, который нес в своей сумке Глеб-Первоход, и о том, стоило ли ради золотых монет совать башку в пасть Гиблому месту.

Лагин был возбужден. Любопытство ученого заставляло его внимательно смотреть по сторонам. Жалел он только об одном – что не может сойти с тропки и поковырять каменную кладку домов, поворошить разноцветные камушки, рассыпями лежащие на земле, да пощупать пальцами местную землю. Если верить легендам, Кишень умер в одночасье. Было бы чертовски любопытно узнать: что же его сгубило?..

5

Путь, который привел Лагина в Гиблое место, начался двенадцать лет назад, и начался он со смерти его сестры Милады. Милада долго хворала, а умерла быстро и без мучений. Просто открыла однажды глаза, посмотрела на Лагина и сказала:

– Я умираю, Тимофей. Жить стало скушно.

Потом закрыла глаза и перестала дышать. Лагин долго стоял перед кроватью сестры, разглядывая ее бледное, худое, неподвижное лицо. Мысль о том, что сестра мертва, не укладывалась у него в голове. Лагин и прежде видел, как люди умирают, и сейчас никак не мог понять, почему все в нем восстает против смерти сестры.

Неужели лишь потому, что ей было всего четырнадцать лет?

Но люди умирают и более молодыми. Лагин стоял и думал, стоял и думал и наконец нашел ответ на свой вопрос. Дело в том, что он давно догадывался и даже знал, что в мире существует высший порядок. Все вокруг подчиняется этому порядку, и ничто не происходит само по себе.

И теперь, стоя у кровати сестры, он остро чувствовал, что этот порядок нарушен. Объяснить подобное было невозможно. Но не почувствовать – тоже.

Наверное, умереть в это утро должен был кто-то другой, а Ангел Смерти просто

перепутал дома. А может быть, виновата была сама сестра? Что, если она, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, вмешалась в высший порядок и внесла в него сумятицу, которая в конечном итоге привела ее к смерти?

Так или иначе, но произошла страшная ошибка, и ошибку эту нужно было исправить.

Час спустя крещеный русич Тимофей Лагин стоял перед христианским священником.

– Ты можешь оживить мою сестру, святой отец? – прямо спросил он.

Священник нахмурился и ответил:

– Нет, сын мой. Мне это неподвластно.

– Но ведь ты – наместник Господа на земле, – упрямо проговорил Лагин, – а значит, тебе под силу многое из того, что умеет Он.

Священник улыбнулся.

– Глупый, глупый отрок. Да будет тебе известно, что человеку неведомы тайны жизни и смерти. Нити человеческих судеб находятся в руцех Господних. Только Он может оживить мертвого.

Лагин развернулся и пошел прочь из храма.

– Выкинь эти мысли из своей глупой головы! – крикнул ему вслед священник. – Люди умирали и будут умирать, и ты с этим ничего не поделаешь!

Лагин вернулся домой. Стоя у кровати сестры, он взял ее мертвую, холодную руку и сказал:

– Милада, я обещал, что не отдам тебя в лапы смерти. Прости, но я ничего не могу сделать. Я мечтал иметь такую веру, которая помогла бы мне творить чудеса. Но вера не помогает мне. Возможно, это потому, что я усомнился в промысле Божьем. Но я попробую найти ответ. Клянусь!

Вечером Лагин препоручил умершую сестру старосте и священнику, затем сел на коня и отправился в путь. Он странствовал три месяца, три недели и три дня и однажды в полдень оказался перед крепостной стеной, огораживающей большой, шумный город.

Въехав в город, Лагин долго ездил по улицам, прислушиваясь к тому, что скажет ему сердце. На одной из узких улочек он увидел крепкий каменный дом, из окна которого торчали сразу три железных трубы. Это удивило Лагина.

У крыльца дома сидел парень-оборванец. По изможденному лицу юноши было видно, что он полдня бродил по улицам в поисках куска хлеба и теперь присел отдохнуть.

– Эй, юноша! – окликнул его Лагин.

Парень вздернул голову и посмотрел на Лагина усталыми, насмешливыми глазами.

– Ты звал меня?

Лагин кивнул:

– Да. Скажи мне, кто живет в этом доме?

– В этом? – Парень усмехнулся. – В этом доме живет человек, который заключил союз с дьяволом, уверенный, что делает это во имя Божие!

Лагин нахмурился.

– Как мне понимать твои слова?

– Так, как эти слова звучат. Хозяин этого дома – величайший грешник. И всякий, кто останавливается рядом с домом, рискует попасться в его сети.

– Ты слишком много говоришь, – недовольно сказал Лагин. – Я хочу узнать имя хозяина дома и род его занятий. Все остальное меня не интересует.

– Ты хочешь знать его имя? – вскинул брови оборванец. – Пожалуйста! Этого прохвоста зовут Гербериус.

– Гербериус? – удивленно повторил Лагин. – Тот самый волшебник Гербериус, который умеет превращать воду в вино, а вино – в молоко?

– Да, – кивнул юноша. – Тот самый. Только молоко у него получается прокисшим, а вино имеет привкус серы.

Лагин посмотрел на окно.

– Ты хочешь познакомиться с ним? – поинтересовался бродяжка.

Лагин перевел взгляд на оборванца.

– А это можно устроить?

– Легко. Гербериус стар и ищет себе замену. Уже три года он пытается отыскать достойного ученика. Если хочешь, попытай счастья и ты. Гербериус на короткой ноге с дьяволом. В любом случае знакомство с ним может принести тебе много выгоды.

Парень подмигнул и рассмеялся.

Лагин размышлял около минуты, затем спешился, подвел коня к оборванцу и сказал:

– Юноша, я вижу, ты беден. Возьми моего коня и продай его.

– Ты отдаешь мне своего коня? – не поверил своим ушам оборванец.

– Да. Теперь он твой.

– Твой конь тощ и неухожен, – с непонятым вызовом проговорил оборванец. – Но я его приму, чем, конечно же, сделаю тебе великое одолжение.

Лагин, слегка сбитый с толку, вложил уздечку в грязную руку странного оборванца, повернулся и зашагал к двери каменного дома.

Волшебник Гербериус встретил его на пороге. Это был высокий, седовласый мужчина с бритым, смуглым лицом. Едва Лагин переступил порог, как Гербериус спросил:

– Ты отдал мальчишке своего коня. Зачем?

– Я хочу стать твоим учеником, волшебник, – ответил Лагин. – Ты – тот, кого я искал, а значит, путь мой окончен.

– Но что будет, если я не возьму тебя в ученики?

– Я сяду перед твоим домом и буду сидеть, пока ты не передумаешь.

Гербериус усмехнулся.

– Вижу, ты очень настойчив. Это хорошее свойство для ученого мужа. Пойдем в мастерскую, я хочу получше разглядеть тебя.

Когда волшебник ввел Лагина в мастерскую, у того едва не отнялся язык от восхищения и удивления. Столы и полки шкафов были уставлены невиданными бутылками и коробами. Рядом с бутылками стояли удивительные вещи, о назначении которых Лагин не мог даже догадываться.

Он стоял посреди мастерской и чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Ему здесь понравилось все – даже запах.

Тем временем Гербериус вынул из глиняного кувшина, стоявшего на столе, увядший цветок розы, показал его Лагину и спросил:

– Что ты думаешь об этом цветке, юноша?

– Я думаю, что этот цветок увял и ему самое время отправиться в мусорное ведро, – ответил Лагин.

Волшебник усмехнулся, поднес цветок к губам и легонько на негодохнул. Прямо на глазах у Лагина лепестки розы наполнились жизнью и заблагоухали.

– Все знают, что жизнь – это чудо, – сказал Гербериус, задумчиво глядя на цветок. Затем провел над цветком ладонью, и лепестки розы снова потеряли упругость и свежесть. – Но немногие понимают, что смерть – это тоже чудо. Не менее удивительное, чем сама жизнь.

Лагин, во все глаза глядя на цветок, взволнованно сглотнул слюну.

– Значит, твое искусство способно оживлять мертвых? – севшим от волнения голосом спросил он.

– Я вернул цветку жизнь всего на мгновение, – ответил Гербериус, – а на то, чтобы научиться это делать, у меня ушли десятилетия. Стоит ли после этого считать меня чародеем?

Волшебник взглянул на Лагина из-под нахмуренных бровей и изрек:

– Ты сказал, что путь твой окончен, а между тем он только начинается. Люди умеют делать смерть из жизни. Я же научу тебя делать жизнь из смерти. Готов ли ты ступить на путь науки?

– Да, учитель! – выдохнул Лагин, глядя на цветок.

– Путь этот будет тяжел. Тебе придется от многого отказаться.

– Я готов!

Гербериус положил цветок на стол, затем придвинул железный литой подсвечник с торчащей из него сальной свечой, щелкнул пальцами, и фитилек свечи запылал.

– Поднеси ладонь к пламени, – потребовал он.

Лагин сделал, как велел волшебник.

– Ближе! – сказал Гербериус.

Лагин поднес ладонь ближе, но тут же отдернул ее снова.

– Я не разрешал тебе убирать руку, – строго проговорил Гербериус. – Если хочешь, чтобы я тебя учил, слушайся меня. Поднеси ладонь к пламени свечи.

Лагин снова поднес ладонь к язычку огня. Острая боль пронзила его ладонь, но на этот раз он не отдернул руку.

– Зачем ты пришел ко мне? – спросил Гербериус, глядя ему в глаза.

– Я хочу постичь тайны мироздания, – выдохнул Лагин.

Ладонь его горела огнем, пот ручьями струился по лбу и бледным щекам.

– В тебе говорит гордыня? – спросил Гербериус.

– Я... не знаю.

– Зачем ты пришел? – повторил свой вопрос волшебник.

– Я хочу... Хочу, чтобы люди перестали умирать!

– Зачем тебе это?

– Если в мире не будет смерти, мир станет лучше. Я хочу, чтобы он стал лучше.

Губы Гербериуса дрогнули, но он не рассмеялся, а посмотрел на Лагина с величайшей серьезностью:

– Твое желание похвально. Но оно противоречит Божьему промыслу.

– Почему?

– Этот мир не может стать лучше, потому что в основе его лежит грех. Ты можешь убрать руку от пламени, юноша.

Лагин поспешно отдернул руку и взглянул на ладонь. Он ожидал увидеть сильнейший ожог, но ладонь была чиста и ничуть не повреждена.

Тем временем Гербериус поднес свою руку к язычку огня, и язычок послушно перебежал с фитиля на его широкую и мозолистую, словно у ремесленника, ладонь.

– Во всем, что ты видишь, нет никакого волшебства, – сказал Гербериус. – Чудо – это знание. Бог создал мир, чтобы мы познавали его. Узнаешь, как мир устроен, – научишься им повелевать.

Он щелкнул пальцами, и огонек взмыл в воздух, превратившись в огненного мотылька. Мотылек немного покружил по комнате, затем выпорхнул в открытое окно и исчез. Гербериус взглянул на удивленного Лагина.

– Я возьму тебя в ученики, – сказал он. – Но если ты меня ослушаешься, хотя бы раз, я вышвырну тебя на улицу.

Лагин облизнул пересохшие губы и робко уточнил:

– Как ты вышвырнул того юношу, которого я встретил у твоего дома?

Гербериус кивнул:

– Да. Я научу тебя многим полезным вещам. Но прежде запомни: если наметил себе цель, не отступайся и иди до конца. Даже если цель стала казаться тебе слишком призрачной или неправильной – продолжай свой путь. Ты никогда не знаешь, куда заведет тебя дорога. Но ложное движение лучше праведного покоя.

В тот же вечер Лагин встретил наглого оборванца на рыночной площади. Тот сидел на каменных ступенях и ел финики. Он по-прежнему был одет в грязное тряпье, но поверх тряпья красовалось роскошное лазоревое корзно с ярко-алой подкладкой.

Увидев проходящего мимо Лагина, оборванец окликнул его и спросил:

– Я слышал, Гербериус взял тебя в ученики? Правда ли это?

– Это правда, – ответил Лагин.

Оборванец плюнул финиковую косточку под ноги Лагину и нагло заявил:

– Гербериус – грешник. Пути Бога и науки расходятся.
– Значит, я родился, чтобы соединить их, – сказал на это Лагин.
Несколько секунд оборванец с интересом разглядывал его, затем усмехнулся и изрек:
– Что ж, если у тебя получится, ты станешь величайшим ученым мужем на свете. Ты, конечно, болван и достоин хорошей порки, но я желаю тебе успеха.

6

Из задумчивости Лагина вывел резкий голос Глеба:

– Тише! Замрите!

Лагин, Диона, Прошка и Хомыч остановились. Лагин прищурил близорукие глаза и увидел нечто удивительное. Между ними и Глебом, перекрыв тропу, висело прозрачное, подергивающееся облако.

– Что это? – спросил Лагин.

– Не знаю, – ответил Глеб. – Диона, что это за гадость?

– Я никогда прежде такого не видела, – откликнулась девушка.

Облако продолжало висеть поперек тропы. Оно было не больше полутора метров в диаметре, почти полностью прозрачное, словно сделанное из жидкого стекла или подвижного прозрачного газа, и лишь в самой сердцевине слегка туманное.

Лагин смотрел на облако, как зачарованный. Он вдруг сунул руку в котомку и шагнул навстречу облаку.

– Что ты делаешь? – сердито спросил Глеб.

– Я хочу взять пробу, – ответил ученый муж.

– Пробу? Забудь. Не вздумай к нему приближаться.

– Почему?

– Мы не знаем, что это такое.

– Но есть лишь один способ узнать, верно?

Порывшись в котомке, Лагин достал странную вещь, похожую на глиняный кувшинчик, к которому была приделана мягкая груша из непонятного материала.

Вытянув перед собой кувшинчик и взволнованно поблескивая очками, Лагин стал осторожно приближаться к странному облаку. Казалось, оно разгадало его маневр и, тихо тронувшись с места, тоже медленно заскользило навстречу ученому мужу.

Он испугался и отдернул руку, но в тот же миг облако быстро скользнуло вперед и накрыло Лагина целиком.

Прошка кинулся было ему на помощь, но Глеб остановил его жестом. Затем взглянул на Лагина, окутанного подрагивающим, сгущенным воздухом, и спросил:

– Как ты себя чувствуешь, ученый муж?

Лицо Лагина просияло.

– Это просто... чудесно! – выдохнул он, блаженно улыбаясь. – Мне даже не с чем это сравнить... Это... Это лучше, чем бурая пыль!

Глеб смотрел на Лагина с жестким прищуром.

– Что ты почувствовал? – спросил он. – Говори!

– Я снова ребенок, – мягко проговорил Лагин. – Я вижу свое детство, Глеб! Но не все, а только самые лучшие события. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что это облако – Ангел Небесный!

Вдруг облако, окутавшее Лагина, стало стремительно темнеть.

– Лагин, выходи оттуда! – быстро сказал Глеб.

– Что? – не понял тот.

– Облако темнеет! Выходи!

– Темнеет? Но я ничего не вижу.

Похоже, стоя внутри, Лагин действительно не замечал происходящих с облаком изменений.

– Выходи оттуда! – крикнул Глеб.

Но Лагин лишь рассеянно улыбнулся и закрыл глаза. Облако продолжало сгущаться.

– Черт! – рявкнул Глеб.

Он бросился вперед и успел вытолкнуть Лагина из облака за мгновение до того, как, продолжая сгущаться, оно стало черным.

Холодная тьма окутала Глеба, ему вдруг стало трудно дышать, а в голове зашумело. Оцепенение, словно яд, быстро распространялось по его телу.

«Пропал!» – понял он и, сцепив зубы, последним судорожным усилием вырвался из облака. Сделав два шага, Глеб лишился сил и рухнул на траву.

Открыв глаза, Глеб увидел склонившихся над ним Диону и Лагина.

– Где оно? – хрипло спросил он.

– Облако исчезло, – ответил Лагин. – Растаяло.

Глеб приподнялся и сел на траве.

– Сколько я был без сознания? – спросил он.

– Недолго, – ответил Лагин. – Как ты себя чувствуешь, Первоход?

Глеб не ответил. Он взглянул на Диону и спросил:

– Что это было?

– Я не знаю, – ответила она. – Я никогда такого прежде не видела.

Глеб пристально всмотрелся в ее лицо.

– Лжешь. Ты знаешь, что это такое. Говори!

Диона смутилась.

– Я... Я слышала о нем, но никогда раньше не видела своими глазами. На нашем языке оно называется «дургана мора». На ваш язык это можно перевести как «облако-упырь». Дургана мора питается воспоминаниями людей.

– Почему ты не предупредила нас?

– Я не знала, что это дургана мора. В Гиблом месте случается много странного, Глеб.

Орлов перевел взгляд на ученого мужа.

– Лагин, ты помнишь свое детство?

Лагин наморщил лоб, припоминая, и на лице его вдруг отобразилось отчаяние.

– Боже мой... – пробормотал он, бледнея. – Я не помню ничего хорошего. – Лагин взъерошил ладонями седые волосы. – Это ужасно! Я помню только плохое! Помню, как меня высек отец... Как заперла в амбаре мать... Как соседский мальчишка Довбуш ударил меня палкой по голове... Но напрочь позабыл все хорошее! – Он поднял взгляд на Глеба и повторил полным горечи голосом: – Это ужасно!

– Дядя Первоход, а ты? – спросил вдруг Прошка. – Ты ведь тоже был внутри облака.

Глеб задумался. Потом пожал плечами и сказал:

– Со мной все в порядке. Я все помню.

– Дургана мора высосала из Лагина хорошие воспоминания, – пояснила Диона. – Но тебя она не одолела.

Глеб вздохнул и поднялся на ноги.

– Нам пора идти дальше, – сухо произнес он. – Послушай внимательно, что я тебе скажу, ученый муж: если ты еще хоть раз ослушаешься меня, я сам тебя прикончу. Ты хорошо понял меня, Лагин?

– Я понял тебя, Первоход.

Лагин выглядел несчастным и потерянным, словно вместе с воспоминаниями детства ядовитое облако высосало из него саму жизнь.

Глеб поправил на поясе меч, кинжал и сумку-ташку, закинул на плечо котомку и распорядился:

– Идем в прежнем порядке. И больше никаких фокусов.

Затем повернулся и твердой стопой шагнул на тропу. Поход возобновился.

Лагин уныло плелся позади всех. Из горла его то и дело вырывался горестный вздох. Пройдя полверсты, Диона оглянулась и сказала:

– Не расстраивайся, ученый муж. Память еще может к тебе вернуться.
Лагин недоверчиво блеснул очками.
– Откуда ты знаешь? – с сомнением спросил он.
Диона улыбнулась:
– Я это вижу. Главное, поменьше об этом думай. В твоём сердце поселилась тревога, но если ты поддашься унынию, оно убьёт тебя.
– Ты права, – внезапно согласился Лагин. – Я христианин, а для христианина уныние – великий грех. Я не буду думать о плохом.
Лагин улыбнулся и высоко поднял седовласую голову.

7

По Кишеню шли ещё около часа, и когда город-призрак остался за спиной, Глеб вздохнул облегченно.

– Ну, вот, – сказал он. – Теперь идем по этой тропе, и она приведет нас к речке Протекайке. Дальше пойдем вдоль нее.

– А мы не можем соорудить плот и сплавиться по ней? – поинтересовался Лагин.

Глеб отрицательно покачал головой:

– Нет. Раньше было можно. Но года три назад все изменилось. Ходоки говорят, что река устала.

– Как это устала? – не понял Лагин.

– Она больше не держит бревна и жердины, – объяснил Глеб. – Они тонут, словно железные. И людей она тоже не держит. Ни один пловец, даже самый хороший, не удержится на поверхности Протекайки дольше минуты.

– Странно, – пробормотал Лагин. – Любопытно было бы исследовать свойства этой воды. Первоход, ты позволишь мне подойти к реке и зачерпнуть немного воды в бутылку?

– Сперва дойдем до реки, а там решим, – ответил Глеб.

Он повернулся и зашагал по тропе. Прошка бегом нагнал его и пошел рядом. Поход через мертвый город подействовал на мальчишку угнетающе, и теперь ему хотелось поговорить.

– Дядя Первоход, – начал он, шагая в ногу с Глебом, – я слышал, что ты пришел на нашу землю издалека. Верно?

– Верно, – кивнул Глеб.

– Ты много путешествовал?

– Да. Пришлось помотаться.

– И как там живут люди, в чужих-то краях?

– По-разному, Прохор. Где-то хорошо, где-то не очень.

– А есть ли на земле места, где люди живут без забот?

– Нет, таких мест нет. Есть страны и города, где люди сыты и одеты. Но тоскуют люди везде одинаково.

– Будь я богат, я бы не тосковал, – уверенно заявил Прошка.

– Это тебе так кажется. Вот представь себе, что у тебя все есть. Какую еду ты любишь?

– Мясо и пироги.

– Вот представь себе, что у тебя горы мяса и пирогов. Ешь ты это мясо день, другой, третий, десятый... Через месяц оно тебе уже в глотку не лезет. А через два ты на него и смотреть без отвращения не можешь. Ты вспоминаешь вкус хлебной горбушки, которую тебе швыряли у кружала, и этот вкус кажется тебе самым лучшим вкусом на свете.

Мальчишка покосился на Глеба с сомнением:

– Нешто так бывает?

– Бывает, Прохор, бывает. Человеку для счастья не так уж много и нужно. Любимое дело да горячий обед на столе. И чтобы родные люди не болели. Вот, пожалуй, и все. Хотя... есть и еще одно. То, чего ни за какие деньги не добудешь.

– И что же это?
– Смысл. Чтобы жить не зря, а для чего-то. Для чего-то такого, за что и жизнь не жалко отдать.

– И у тебя есть этот смысл?
– Наверно, да, – ответил Глеб, немного поразмыслив. – За Пепельным озером есть место, где могут ответить на все мои вопросы. И я постоянно помню об этом месте.

– И сейчас ты идешь туда?
Глеб кивнул:
– Угу.

Прошка нахмурился и несколько шагов шел молча. Потом спросил:
– А по дому своему не скучаешь?
– Очень скучаю, – признался Глеб. – В этом-то вся проблема. С одной стороны – ответы на все мои вопросы, с другой – дом. Тут хоть разорвись.

– А что важнее?
Глеб вздохнул:
– Не знаю, Прошка... Правда, не знаю. Дом – это ведь тоже ответ.

Прошка шмыгнул носом и задумчиво проговорил:
– Мне тоже бывает тоскливо. Особенно когда лежу на стогу сена и на звезды смотрю. Такие они маленькие и далекие. И кто их туда подвесил?

– Бог, наверное.
– А который из них? Род, Дажьбог или Перун?
Глеб взъерошил рукою волосы мальчишки, улыбнулся.

– Неважно – кто именно. Важно, что они там висят, и мы их видим.
Прошка не совсем понял, но на всякий случай кивнул.
Еще несколько минут они молча шагали по тропе, но вдруг Глеб остановился и поднял руку:

– Стойте!
Все остановились. Глеб приблизился к небольшому предмету, лежащему у обочины тропы. Только очень внимательный взгляд мог отличить этот предмет от обычного комка земли.

Первоход наклонился, поднес к нему пальцы и замер, словно пытался уловить исходящее от предмета тепло. Затем шевельнул пальцами и, секунду поколебавшись, взял предмет в руку.

– Чего это? – спросил Прошка.
– Чудная вещь.
– Чудная? А что в ней чудного?
– Еще не знаю.

– А почему ты вообще решил, что это она? – поинтересовался Лагин.
Глеб усмехнулся и провел пальцем по предмету. К пальцу прилип комочек грязи, а на очищенном месте блеснула зеркальная поверхность.

Глаза Лагина удивленно расширились за стеклами очков.
– Я бы ни за что не обратил на нее внимания.
– Я хожу, – сказал Глеб. – Я на все обращаю внимание.
Глеб вынул из кармана тряпицу, завернул в нее предмет и сунул его в сумку. Посмотрел по сторонам.

– Не нравится мне все это, – настороженно проговорил он.
– Что? – поинтересовался Лагин.
– Уж больно все тихо да гладко.
– Может, нам просто повезло? – Ученый муж поправил пальцем очки и улыбнулся. – Ведь и ходокам иногда везет, верно?
– Не знаю, – отозвался Глеб. – Со мной такого никогда не было. В Гиблом месте всегда

что-то теряешь. – Он покосился на Лагина и с усмешкой добавил: – Или кого-то.

– Ты слишком мрачно смотришь на жизнь, – возразил ученый муж. – Иисус запретил нам унывать и сделал нас бесстрашными. На все воля Божья, ходок.

– Не знаю, чья тут воля, но не человеческая – это точно. Ладно, пошли дальше.

Глеб поправил ольстру и меч, сдвинул колчан со стрелами поудобнее и зашагал вперед по выющейся лесной тропке.

Вокруг становилось все темнее и непригляднее. То ли в этом было виновато небо, затянувшееся тучами, то ли кроны деревьев все плотнее сходились над головами, не давая пройти солнечному свету.

Глеб ускорил шаг, чтобы поскорее миновать чащобу и выйти к реке.

Вдруг Диона, шедшая позади него, вскрикнула. В тот же миг из густого кустарника выскочило странное существо, подхватило падающую Диону на руки и попыталось скрыться в кустах, но Глеб уже встал у него на пути, держа ольстру на изготовку.

Существо остановилось в нерешительности, и странники получили возможность разглядеть его получше. Это был не то человек, не то сам леший. Росту высокого, около сажени, с плечами широкими и вздутыми от нагромождения мускулов. Одет в звериные шкуры, сшитые между собой абы как. Руки толстые, не шерстистые, как у зверя, но волосатые, как у мужика. На ногах – грубые башмаки.

Но самым поразительным в этом странном существе была его голова – огромная, с широченной переносицей и с двумя большими шишками на тех местах, где у быка полагается быть рогам.

– Бычеголов... – пробормотала Диона и обмякла у чудовища на руках.

Из шеи у девушки торчал длинный темный шип какого-то растения, а за пояс чудовища была заткнута полая тростниковая трубка.

– Отравленный шип, – тихо выговорил Глеб и, наставив ольстру чудовищу в голову, грозно выкрикнул: – Отпусти девушку, урод!

Бычеголов затравленно огляделся, затем угрюмо посмотрел на Глеба и прорычал:

– Русич... Диона идет за Бычеголов.

Глеб, держа палец на спусковом крючке, грубо осведомился:

– С какой стати?

– Диона наше племя. – Урод набычил массивную голову и сверкнул красноватыми глазами. – Пусти ее, ходок!

Глеб прищурил глаза и холодно поинтересовался:

– Тебе что, своих баб мало, Минотавр недоделанный?

Бычеголов молчал, мрачно оглядывая путников. Бугры его мускулов вздулись, на обнаженной смуглой шее запульсировала толстая жила. Такая же надулась и задергалась на его широком, шишковатом лбу.

– Ого... – насмешливо проговорил Глеб. – Кажется, я догадался. Ты в нее влюблен?

– Я она брать! – рявкнул в ответ Бычеголов. – И ты будешь цел!

– Именно в такой последовательности?

Глеб прижал приклад ольстры к плечу, прищурил левый глаз и прицелился уроду в лоб.

– Глебушка, отдай ты ему эту девку, – загнусавил рядом Хомяч. – Пропадем ведь все через нее. Ты же сам говорил, что она нелюдь и что терпеть ее не можешь.

– Молчи, старик. Мало ли чего я говорил.

Бычеголов взглянул на ольстру, быстро заслонился Дионой и тихонько свистнул.

Тотчас же из кустов вышли еще три нелюдя. Все трое – такие же громадные, крепкие и уродливые, как Бычеголов. Один, самый рослый из всей компании, был совершенно безволос, с розоватой нежной кожей, свиным рылом вместо носа и красными глазами альбиноса. Однако даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – он силен, как медведь.

У второго по всему телу торчали отвратительные роговые наросты. Третий был

долговяз и сух, как мумия, но торчащие из пальцев левой руки когти напоминали кинжалы и были так же крепки и остры.

В правой руке каждый из трех нелюдей держал по боевому топору.

– Мы сильнее ты! – пробасил Бычеголов, и Глеб с удивлением уловил в его голосе нотки презрения. – Мы можем вас губить!

– Что же вас останавливает? – холодно осведомился Орлов.

– Нам не нужен война. У вас свой жисть, у нас – свой. Дайте нам жить наша жисть.

Глядя в прицел ольстры, Первоход покачал головой:

– Нет, Бычеголов. На твою «жисть» мне плевать с высокой колокольни. Но девушку я тебе не отдам.

Нелюдь-альбинос, завизжав, как свинья, бросился на Глеба. Громыкнула ольстра. Нелюдь споткнулся и рухнул на землю с пробитой головой.

Воспользовавшись заминкой, Бычеголов, крепко держа уснувшую Диону на руках, бросился в дебри Гиблой чащобы, но вторая пуля, выпущенная из ольстры, настигла и его. Пуля вошла уроду в левую ногу. Он споткнулся и упал на колени.

Глеб быстро повернулся к двум оставшимся уродам и яростно крикнул:

– Стоять! Или вышибу мозги!

Нелюди попятились, угрюмо глядя на ольстру, но топоры не опустили.

– Бросьте топоры! – крикнул Глеб. – Бросьте, или убью!

Нелюди не шевельнулись.

Бычеголов что-то коротко пролаял им на своем языке. Нелюди нехотя швырнули топоры в траву.

– Лагин, Хомыш, обнажите мечи и караульте этих вурдалаков! – приказал Глеб, а сам снова повернулся к Бычеголову.

Тот смотрел на Глеба угрюмо и бесстрашно.

– Диона – моя, – прорычал он. – Я за ней вернусь.

– Это вряд ли.

Глеб прицелился чудовищу в голову и хотел нажать на спуск, но Лагин положил руку на ствол и легонько отвел его в сторону.

– Не надо, – сказал он. – Пожалей его.

– Если пожалею, эта тварь выследит меня и отомстит, – глухо проговорил Глеб.

– Твоя ольстра раздробила Бычеголову ногу, – возразил Лагин. – Он уже никогда не будет быстрым.

Глеб помедлил. Затем жестко потребовал:

– Эй, Бычеголов, пообещай, что никогда не поднимешь на меня руку! Пообещай, и я сохраню тебе жизнь!

Нелюдь склонил голову и, глядя на Глеба снизу вверх потускневшими глазами, проговорил:

– Обещаю.

– Молодец! А теперь отползи от Дионы. Дальше, дьявол, или я перебью тебе второе копыто!

Бычеголов подчинился. Либо он был очень труслив, либо очень хитер. Глеба устраивали оба варианта, лишь бы нелюдь больше не делал попыток напасть.

– А теперь уходите и не возвращайтесь! – велел он. – Иначе я сам вернусь в Кишень и перебью вас всех!

Бычеголов, схватившись за березку, поднялся на ноги, пробормотал что-то своим уродливым собратьям и первым заковылял в лес. Оставшиеся два урода, опасливо поглядывая на ольстру Глеба, двинулись за ним.

Только когда все трое скрылись за деревьями, Глеб опустил ружье и облегченно вздохнул.

– Зря ты помешал мне его убить, – сказал он Лагину. – На одного опасного урода было бы меньше.

Глеб подошел к Дионе и склонился над ней. Несколько секунд вглядывался в лицо девушки, потом наклонился, прижал ухо к ее груди и послушал, как бьется сердце.

Потом снова выпрямился, поднес руку к шее Дионы и осторожно взялся пальцами за шип.

Шип был острый, как игла, и окрашен темной кровью Дионы. Глеб аккуратно вынул его, швырнул в сторону и окликнул через плечо:

– Прощка, подай мою сумку!

Мальчик быстро поднял сумку с травы и принес Глебу.

Порывшись в сумке, Глеб достал небольшой угловатый предмет, встряхнул его и поднес Дионе к лицу. Ноздри девушки дрогнули. Она открыла глаза и рассеянно посмотрела на Глеба. Затем облизнула пересохшие губы и пробормотала хриплым шепотом:

– Что со мной?

– Твой приятель Бычеголов плюнул в тебя сонным шипом, а потом попытался похитить тебя у нас и унести в Кишень.

Диона подняла голову и тревожно огляделась.

– Где он? – взволнованно спросила она.

– Я ранил его, – ответил Глеб. – Он уполз в чащу. Похоже, этот парень к тебе неровно дышит. Вас что-то связывает?

Диона прикрыла веки, потом снова их открыла и ответила:

– Я должна была стать его женой. Но вместо этого ушла к людям.

Глеб усмехнулся:

– Тогда понятно, почему он так разозлился.

– Прошлой осенью Бычеголов вышел из леса и пришел в Порочный град, – сказала Диона. – Братья Барсуковы поймали его в ловушку, избили палицами и бросили в реку. Я думала, что он умер. А он выжил.

– Да, он крепкий парень. – Глеб вздохнул. – Ну, выжил, так пусть себе живет дальше.

Диона покачала головой:

– Ты не понимаешь. Он не откажется от меня. Теперь точно не откажется.

– Почему «теперь»?

Диона вздохнула и горестно проговорила:

– Ты задел его самолюбие. А он очень горд. Никто никогда не мог одолеть его в схватке один на один. А ты забрал у него невесту. Бычеголов хитер и лют. Он вернется, чтобы убить тебя.

Глеб дернул щекой и холодно отчеканил:

– Плевать я хотел на его лютость. А ты – вставай. Хватит валяться.

Глеб хотел выпрямиться, но Диона взяла его за руку:

– Подожди... Я хочу спросить. Почему ты не отдал меня Бычеголову?

Глеб несколько секунд смотрел в глаза Дионе, потом пожал плечами и насмешливо проговорил:

– Не терплю, когда мне угрожают уроды. Считаю, что я тоже самолюбив и горд.

Он хотел отвернуться, но Диона притянула его к себе и крепко поцеловала в губы.

– Какого... – хотел было выругаться Глеб, но стусевался.

Слишком быстро билось его сердце, слишком волнующей была близость Дионы.

Он отвел взгляд от синих, мерцающих теплым светом глаз девушки и громко проговорил:

– Ну, хватит бездельничать. Берите сумки и вперед к Пепельному озеру.

Без барышника Бельмеца шагалось быстрее. Темный ходок споро и уверенно топал по лесу, не испытывая ни страха, ни тревоги. Бояться ему теперь было нечего. Да он и раньше не боялся. Много лет назад он позабыл, что такое страх. Бояться в Гиблом месте должно

человеку, а не зверю.

Голодные прогалины Темного хода не волновали. Благодаря новым силам, которые вдохнул в него невидимый Хозяин, он теперь чувствовал голодные прогалины за много сажень.

Обоняние его стало острее, чем у оборотней. Слух и зрение – тоже.

В Гиблом лесу ему все было знакомо. Каждая тропка, каждый ручей, каждая лужайка. Вот это дерево, расщепленное молнией, но не погибшее, он впервые увидел пять лет назад. Оно все такое же разлапистое и густое. И даже не думает засыхать.

Думая о дереве, Темный ходок поднял правую руку и поднес ее к лицу. Из горла его вырвался удивленный возглас. Он увидел, что кожа на его руке истлела, обнажив темное, бугристое мясо. Когда это успело произойти? И почему?

Пугач взглянул на другую руку и удивился еще больше. На этой руке не хватало не только кожи, в двух местах не доставало мяса. Тогда он сунул пальцы под маску и ощупал свое лицо. Теперь он обнаружил пропажу верхней губы. А когда доставал из-под маски пальцы, кусочек истлевшей плоти отвалился от правой щеки.

Он тлел заживо! Но ни боли, ни усталости Темный ходок не чувствовал. Тело его было сильно как никогда. Вероятно, быстрое разрушение тела стало платой за вновь обретенную силу. Слишком дорогая цена? Возможно. Но Пугача она устраивала.

Много дней и ночей он скитался по Гиблому лесу без цели и смысла. Живой мертвец, ожидающий Спасения. И вот Спасение пришло. Теперь у него есть цель, и впервые за много месяцев он знает, что делать. Видимо, это последнее испытание пред тем, как отправиться в блаженные долины Угря.

Темный ходок улыбнулся своим мыслям и почувствовал, как треснула его нижняя губа. На подбородок стекла темная струйка зловонной крови.

Ничего. Главное, что силы не покидают его. Даже если плоть полностью истлеет и обвалится с костей, его скелет сможет сражаться.

Внезапно Пугач остановился и втянул носом волглый, прохладный запах Гиблой чащобы. Оборотни! Старые знакомые. Что ж, он с радостью изрубит их на куски.

Темный ходок достал из ножен Гнилую Смерть. Клинок тускло замерцал, отражая сумеречный свет затянутого мороками неба. И в тот же миг из густого можжевельного куста высунулись два звериных носа.

Темный ходок слегка отвел Гнилую Смерть в сторону и ринулся на оборотней, намереваясь покончить с ними двумя точными ударами меча.

– СТОЙ! – скомандовал вдруг голос Хозяина.

Пугач остановился и недоуменно завертел головой.

– ВЛОЖИ СВОЙ МЕЧ В НОЖНЫ!

Темный ходок не двинулся.

– НУ! – грозно пророкотал голос.

Пугач нехотя вложил меч в ножны. Оборотни высунули из куста головы. Их было двое – рыжий и черный. Казалось, они вовсе не собирались нападать. Вместо этого огромные твари выбрались из можжевельного куста и осторожно двинулись навстречу Темному ходуку, виляя мохнатыми хвостами.

– ОБОРОТИТЕСЬ ЛЮДЬМИ! – сухо и властно скомандовал им голос.

Оборотни остановились на месте и выгнули спины дугами. Тотчас с ними начало происходить превращение. Шерсть осыпалась с них свалившимися клочками. Серая кожа покрылась слизью и завибрировала. Лапы опали в толщине, когти усохли и отвалились. Морды задрожали и стали втягиваться в черепа.

Зрелище было отвратительное, но Темного хода оно не покорило. Он стоял на месте, сложив на широкой груди руки, одетые в перчатки, и угрюмо смотрел на лютых зверей, превращающихся в двух голых бородатых мужиков.

Наконец превращение закончилось. Деряба и Коломец, отплевывая шерсть и клейкую слизь, выпрямились и взглянули на ходака.

– Вот мы тебя и нашли, – с кривой ухмылкой проговорил атаман Деряба.

– Кто вы? – проскрежетал Темный ходок.

– Мы – люди вольного ветра, – ответил разбойник. – Пашем землю, да не сохой, а конскими копытами; сеем, да не зерном, а стрелами. И поливаем не дождичком, а кровью горячею и слезою горькою.

Тряпка, скрывающая лицо ходока, сморщилась. Должно быть, он усмехнулся.

– А кто таков ты? – спросил его Коломец. – Какого роду-племени? Человек али нелюдь?

– У меня нет имени, – пророкотал в ответ Темный ходок. – И я не знаю, какого я роду.

Разбойники переглянулись.

– Да разве так бывает? – недоверчиво спросил Деряба.

Пугач не ответил.

– Слышь-ка... – снова заговорил Деряба. – Ты не серчай, что мы тебя подрали. Вижу, на тебе уже заросло. Уж больно силен ты в драке, парень. Нападали мы на тебя ватагой, а убежали вдвоем.

– Я вас предупреждал, – глухо сказал Темный ходок.

Деряба кивнул рыжей головой:

– Верно. Что было, то было. Теперь нам вместе дело делать. Первоход уже миновал Кишень. Скоро он будет у Пепельного озера.

– Озера он не найдет, – пророкотал Темный ходок мертвым голосом. – Там нынче один туман.

Деряба покачал головой и возразил:

– Теперь найдет. Нам Хозяин сказал. Надо поспешить. Мне жизни не будет, ежели я не перегрызу ему глотку.

– Первоходом займусь сам, – прохрипел непослушным горлом Темный ходок. – А вам отдам его провожатых. Наедитесь вволю.

Деряба помрачнел, однако спорить не стал.

– Что ж... – сказал он, смиряясь. – Хозяин велел нам тебя слушаться. Перечить не стану. А что до Первохода, так мне хватит и его костей на обглодку.

Темный ходок поправил на поясе ножны.

– Пойду быстро, – сказал он. – Бегите оборотнями. Иначе за мной не поспеете.

Деряба и Коломец кивнули.

Темный ходок повернулся и стремительно зашагал по тропе. Деряба и Коломец испустили по тяжелому вздоху и встали на четвереньки. Болезненное это дело – обращаться в зверей!

9

Лес стал совсем мрачным. Время от времени слева и справа от тропы вздувались пузырями и с бульканьем опадали голодные прогалины, разъяренные тем, что путники прошли мимо.

Пару раз голодные прогалины выплескивали грязь на тропу, и Глеб, приказав своим спутникам остановиться, поливал ее особой смесью из бурой пыли, которая только и могла уgomонить лютый нрав бездушной и вечно голодной грязи.

Лес был влажный. Пахло прелыми листьями, плесенью и гарью.

Запах Гиблого места... Втягивая его ноздрями, Глеб в который уже раз подумал, что, должно быть, запах гари впитался в землю еще сотни лет назад, в миг, когда пылающий «бог» обрушился с неба на город и лес. Деревья, выросшие на этой земле, просто не могут пахнуть иначе.

Место, по которому они теперь шли, пугало Глеба. Сюда не совались ни оборотни, ни волколаки. Не заходили сюда и ходоки. Даже самые отчаянные нелюди, вроде Бычеголова, старались обходить эти места стороной.

Здесь просто разило опасностью. И то, что источник опасности был непонятен, делало это место еще страшнее.

Гиблое место бережно хранило свои секреты. За пять минувших лет Глеб практически не узнал о нем ничего нового. Лишь количество чудных вещей стало больше. Но как и почему эти вещи работали, он не смог постичь и, несмотря на весь свой скептицизм, все больше склонялся к тому, чтобы считать их появление настоящим чудом.

Интересно, почему ни одна из этих загадочных вещей не дотянула до двадцать первого века? А может быть, все они сохранились? Может, все они кропотливо собраны, тщательно рассортированы и хранятся в спецхранах самых могущественных мировых держав?

Глеб усмехнулся. Вот так и становятся параноиками. Сначала начинаешь верить в мировой заговор элит, а потом покупаешь у озлобленных ветеранов винтовку «М-4» и открываешь охоту на зеленых человечков.

Стараясь как можно быстрее пройти лес извечной гари, Первоход не заметил, что прибавил шаг и что его «свита» чуть приотсталала.

Лагин, слегка запыхавшись, нагнал Глеба и сказал:

– Первоход, хорошо бы устроить привал.

– До Пепельного озера час пути, – сухо ответил Глеб. – Потерпите.

– Ты, может, и потерпишь, – возразил ученый муж. – А вот Диона, Прошка и Хомяч едва ли. Прошка ноги сбил в кровь, у Хомяча болит спина, а Диона все еще слаба после ядовитого укола.

Глеб досадливо дернул щекой.

– Ладно, – сказал он и остановился. – Дадим ногам отдых. Но недолгий.

Он стянул с плеча колчан со стрелами и сумку и опустил их на траву. Посмотрел, как его спутники сбрасывают с плеч мешки, вздохнул.

В этой части Гиблого леса Первоход еще никогда не устраивал привала. Обычно он стремился поскорее миновать лес, пропахший гарью.

Спутники Глеба уселись на траву. Хомяч полез в котомку за едой, Лагин лег на спину и, зевнув, уставился на кроны деревьев. А Прошка сел на траву и привалился спиной к стволу корявого дуба. Глеб внимательно всмотрелся в его лицо. С мальчишкой явно было что-то не так. Слишком серыми были его щеки, слишком темными были круги под его глазами.

Если это то, о чем подумал Глеб, то помочь мальчишке было уже нельзя. Глеб вздохнул и повернулся к лесу.

– Глядите в оба, – бросил он через плечо. – А я скоро.

Орлов зашагал к лесу. Следом за ним пошла и Диона. Нагнав его в нескольких саженях от тропы, она быстро спросила:

– Куда ты направляешься, Первоход?

– Хочу оглядеться, – ответил Глеб. – Боюсь, как бы твои уродливые приятели не приготовили нам новую ловушку.

– Подожди. – Она положила руку Глебу на предплечье, и он остановился.

– Что еще?

Диона быстро стянула с ладоней тряпки и подняла перед собой руки. Перепончатые веки на ладонях разошлись, обнажив темные круглые глаза.

Диона проговорила тихим, тревожным голосом:

– Я чувствую опасность. Смерть идет по нашим следам, Первоход.

– Смерть? Что ты имеешь в виду?

– По твоему следу идет тот, кого ты считаешь мертвым. Он идет, чтобы погубить тебя.

– Тот, кого я считаю мертвым? – Глеб нахмурился. – И как его зовут?

– У него нет имени. – Диона облизнула губы, сжала ладони в кулаки и снова разжала пальцы. – Он идет за тобой, Глеб. Он очень быстр. И с ним еще две тени.

– Что за тени?

– Я... не вижу. Тень твоего врага заслоняет их.
Глеб усмехнулся:
– Врагом больше, врагом меньше. Какая разница?
Диона покачала головой.
– Это не просто враги. Они под защитой колдуна. Он сделал их тела неуязвимыми.
Глеб нахмурился.
– Глупости. Я пять лет шатаюсь по Гиблому месту и не видел ни одного неуязвимого упыря или оборотня. Уязвимы все, Диона.
Девушка опустила руки, взглянула на Глеба и грустно проговорила:
– Тебе виднее, Первоход. Но прошу тебя, будь осторожен.
Глеб пожал плечами, повернулся и зашагал в лес.
– Подожди! – снова окликнула его Диона.
– Что еще?
Диона вгляделась в его лицо, и ресницы ее дрогнули.
– Ты говорил, что ненавидишь меня, но это не так. Я тебе любя, верно?
Глеб отвернулся. Постоял немного молча, потом проговорил – с трудом, запинаясь на каждом слове:
– Мы не можем быть вместе, Диона. Я охочусь на таких, как ты.
– Да, – тихо отозвалась девушка. – Мы не можем быть вместе. Ради меня тебе от многого пришлось бы отказаться.
Глеб повернулся и взглянул ей в глаза. Губы его побелели, а под скулами вздулись желваки. Он протянул руку и провел пальцами по темным волосам девушки.
– Я не знаю, что ты такое, Диона.
– Я тоже, – сказала она. – Я тоже не знаю, кто я. Но я знаю, что ты мне люб. Я бы хотела жить ради тебя.
Глеб усмехнулся и с горечью проговорил:
– Ты ведь прорицательница. И ты видишь, что у нас нет общего будущего.
– Будущее можно изменить, – возразила Диона. – Наши судьбы не высечены на камне, они начертаны на прибрежном песке. Поднимется ветер, пошлет на берег волну – и начертанное будет смыто.
Глеб обдумал ее слова и улыбнулся.
– Что ж... Я всегда умел «гнать волну». Посмотрим, получится ли у меня на этот раз.
Сказав это, он наклонился к Дионе и нежно поцеловал ее в губы.
– Мне пора, – сказал он затем. – Возвращайся к ним. И присматривай за мальчиком.
Мне кажется, он сильно болен.
Глеб повернулся и пошел в лес.
Времена года в Гиблом месте были перепутаны. Несмотря на осень, косогор, на котором стоял Глеб, был усыпан цветами. У самой реки желтели козелики – стеблистые, с крупными цветами-колокольцами.
Кое-где на этом желтом ковре проглядывали фиолетовые пятна липучек, а подальше от воды виднелась россыпь розовых и белых кашек. У самой воды росли медуницы, похожие издали на взбитый крем.
При каждом дуновении ветра ощущался медово-приторный аромат цветов. Вдыхать этот аромат Глебу не хотелось, но не нос же затыкать.
Противоположный берег реки был крут. Он порос дикой малиной и орешником. Черной стеной стояли дубы. Выше по склону пригорка зеленели сосны. А совсем высоко белела рощица берез.
Красивый край. Живи да радуйся. Надо же было этому «чуду» свалиться с неба! Глеб вздохнул.
Никаких подозрительных следов вокруг он не нашел. На сердце было спокойно, но так всегда в этом месте. В предсказание Дионы Глеб не слишком-то верил.
«Тот, кого ты считаешь мертвецом», – так она, кажется, сказала.

Чушь все это. Пуля, выпущенная из ольстры, разорвет на куски любого упыря. Да и оборотню башку снесет. С волколаком будет сложнее, но и с ним Глеб справится. До сих пор ведь справлялся. И никакие «черные тени» его не напугают. Как можно напугать того, кто осознает, что все происходящее вокруг – не более чем дурной сон?

Вот только проснуться пока не получается. Ничего. Когда-нибудь все это кончится. Не может не кончиться.

В гуще деревьев Глеб разглядел привалившегося к дубу тощего упыря. Живой мертвец глядел на него невидящими глазами и не шевелился. Не успел, видно, спрятаться от дневного солнца и теперь гнил. Через час превратится в труху, и даже густая тень дуба ему не поможет.

Глеб отвернулся и закурил бутую самокрутку.

Теперь он думал о Дионе. Какого черта он внушил себе, что ненавидит ее? И какая ему разница, кто она – человек или нелюдь? Принципиального отличия между теми и этими нет. Бычеголов по крайней мере повел себя вполне по-человечески. Да и его мутанты-приятели тоже.

Что уж говорить о Дионе. Ну, подумаешь, глаза на ладонях. В двадцать первом веке и не такое бывает. Экология, радиация, озоновая дыра, генетически модифицированные продукты... Скоро на Земле людей, в обычном понимании этого слова, вообще не останется.

Что, если Диона с ее талантами и особенностями – существо, взошедшее на следующую ступень эволюции? Тогда он, Глеб Орлов, считающий себя венцом творения, в сравнении с этой девушкой – просто волосатая обезьяна. В лучшем случае – неандерталец с дубиной на плече.

Глеб вспомнил тонкое, красивое лицо Дионы и улыбнулся. Потом сделал несколько затяжек, швырнул окурок на землю и придавил его каблуком.

Нет, ничего особо страшного он не увидел. Опасность, конечно, была повсюду, но ничего такого, с чем он не смог бы справиться. Против темных тварей есть оружие. Бояться нужно только голодных прогалин да призраков-вертунов. Но прогалины можно обойти, а вертуна укротить на время липучей сетью.

Осмотревшись еще немного и не найдя ничего подозрительного, Глеб поправил на плече колчан со стрелами и зашагал к своим спутникам.

10

Темный ходок быстро бежал по лесной тропе. Слева и справа от него, держа мокрые носы по ветру, неслись два огромных оборотня. Меч, висевший на поясе ходока, бился о крепкое бедро. Кроме меча, у него не было ничего. Мешок с чудными амулетами остался далеко позади. Неуязвимому не нужны амулеты.

Грязь ошметками летела из-под ног, холодный ветер бил в лицо, наполнял окоченелые легкие студеным воздухом. Темный ходок испытывал радость. Радость живого.

Лес вокруг стоял темный, неприветливый. Но ходок чувствовал себя в этом лесу как дома. По сути, это и был его дом. По крайней мере с того момента, как он стал живым мертвецом.

Руксун... тройчан... гибло... калоста...

Мертвец и два оборотня бежали молча и сосредоточенно, осознавая важность своей миссии. Они были благодарны Хозяину и готовы были сложить за него свои головы, если бы пришлось. Но не придется. На свете нет оружия, которое смогло бы их одолеть.

Только однажды Темный ходок остановился, чтобы передохнуть. Встал посреди леса и обратился к своим провожатым:

– Мы не сбились со следа?

Оборотни понюхали траву и землю и покачали мордами – нет.

И Темный ходок снова сорвался с места.

Когда Глеб подошел к лагерю, Лагин бодро поднялся с места. Ученый муж был готов продолжать путешествие. Хомыч и Диона тоже выглядели отдохнувшими. А вот Прошка был плох. Его лицо посерело и обвисло сухими складками.

Глебу и раньше приходилось такое видеть. Некоторые люди не могли долго находиться в Гиблом месте. Для них был губителен сам здешний воздух. Кожа их серела, тела тощали и бессилели. Жизнь без всякой видимой причины уходила из них, медленно, по капле, словно ее высасывали невидимые твари.

– Ну что, отдохнули? – нарочито бодрым голосом осведомился Глеб.

– Чуток бы еще, – жалобно произнес Прошка.

Глеб покачал головой:

– Нельзя. Теперь весь лес знает, что мы здесь. Как только стемнеет, какая-нибудь из местных тварей обязательно попытается напасть. А до захода солнца осталось немного. Берите сумки и вперед. Прошка, ты свою сумку отдай Лагину.

– Ничего... – тихо пробормотал мальчишка. – Я могу сам...

Прошка встал на ноги, потянулся за котомкой, но вдруг силы оставили его, и он снова рухнул на траву. Глеб подбежал к мальчику и опустился рядом с ним.

– Прости, дядя Первоход... – хрипло проговорил Прошка. – Ноги совсем ослабли...

Мальчик устало закрыл глаза. Кожа на лице Прошки стала темно-серой. Щеки запали. Глаза ввалились и потускнели.

– Что с ним? – спросил, присев рядом, Лагин.

– Гнилая болезнь, – сухо ответил Глеб. – Незримые духи высасывают из него жизнь.

Лагин вгляделся в лицо мальчишки. Потом протянул руку и пощупал его лоб.

– Жара нет. Чем мы можем ему помочь, Первоход?

Глеб вздохнул и ответил:

– Ему уже ничем не поможешь. Пока мы здесь, он будет слабеть.

Прошка открыл глаза, облизнул языком высохшие губы, посмотрел на Глеба темными, полными муки глазами и тихо спросил:

– Я помираю, да?

– Да, – ответил Глеб.

Брови мальчика дрогнули.

– Мне не хочется, – пробормотал он жалобно.

Глеб кивнул:

– Я знаю.

Вдруг лицо мальчика исказила судорога, а тело его выгнулось дугой.

– У меня... болит внутри... – с трудом проговорил он. – Сильно болит... – Прошка застонал и сцепил зубы.

Хомыч сидел в стороне от мальчишки, напуганный и бледный. Диона стояла рядом, кусая губы. На лице ее застыла хмурая задумчивость, словно она пыталась заставить себя решиться на что-то. Лагин схватил Глеба за руку.

– Первоход, ты ходишь в Гиблое место пять лет, – взволнованно произнес он. – Есть какое-нибудь средство, чтобы облегчить его боль?

Глеб нахмурился и покачал головой:

– Нет. Даже если мы сей же час двинемся обратно, спасти его уже не успеем. Гнилая болезнь нападает на человека внезапно и быстро выпивает из него жизненную силу.

– Значит, он умрет? – дрогнувшим голосом спросил Лагин.

Глеб кивнул:

– Да.

Прошка снова застонал и выгнулся дугой. На его бледном лбу проступили большие капли пота.

– Глеб, – тихо окликнула Диона.

Орлов обернулся.

– Мой народ тоже страдает от незримых духов, – сказала девушка. – Мы называем их дроянами. Но самые сильные из нашего племени умеют с ними бороться.

Глеб горько усмехнулся.

– Не сомневаюсь. Но ты ведь не самая сильная.

– Да, – согласилась девушка. – Но я видела, как это делается, и хочу попробовать.

– Что ж...

Глеб встал и отошел в сторону, уступая место Дионе. Она присела рядом с мальчиком и взяла его за руку.

– Прощка, – позвала Диона.

Мальчик открыл глаза.

– Как ты? – спросила она. – Еще больно?

– Немного... – ответил Прощка тусклым, отрешенным голосом. – Сердце застыло и руки озябли... Не чую их совсем.

Диона протянула руку и погладила мальчика по волосам.

– Не волнуйся. Не переживай. Я попробую тебе помочь. Закрой глаза и дыши полной грудью.

Мальчик послушно закрыл глаза.

Диона стянула с рук повязки и выставила перед собой ладони. Черные округлые глаза на ее ладонях медленно открылись.

– Расслабься, Прощка... – проговорила Диона странным, грудным голосом. – Расслабься...

Она стала водить ладонями над грудью и лицом мальчишки. Лицо Дионы было сосредоточенно. Прошло несколько секунд, и вдруг воздух вокруг ее ладоней дрогнул от жара.

Глядя на колышущийся воздух, Хомыш попятился и забормотал охранные заклинания, а Лагин быстро поправил пальцем очки и придвинулся поближе.

Диона продолжила водить руками над землисто-бледным лицом мальчишки. И вдруг дрожащий жар, исходящий от ее ладоней, свился в прозрачный, подрагивающий вихрь и устремился к Прощке. Мальчик задрожал и заскрипел зубами.

– Потерпи, – тихо сказала Диона. – Скоро все пройдет.

Вихрь жара растекся по лицу Прощки, заполняя каждую его пору. Щеки мальчика слегка порозовели. И вдруг он выгнулся дугой, хрипло вздохнул и – открыл глаза.

Диона сжала пальцы и опустила руки.

– Ну, вот, – сказала она устало. – Теперь с ним все будет в порядке.

Диона потрепала мальчишку ладонью по волосам, медленно поднялась на ноги, но вдруг покачнулась, и Глебу пришлось поддержать ее.

– Ты плохо себя чувствуешь? – тревожно спросил он.

– Нет... – Диона облизнула губы. – Просто... голова закружилась.

Прощка сел на траве и завертел головой.

– Ты можешь встать? – поинтересовался у него Лагин.

– Да. Могу.

Мальчишка бодро поднялся на ноги. Подвигал руками и ногами, удивленно проговорил:

– Легко-то как. И усталости совсем нет.

– Диона! – Глеб тряхнул девушку. – Что с тобой?

Девушка посмотрела на Глеба невидящим взглядом и хрипло прошептала:

– Я устала... Мне нужно... отдохнуть.

Она закрыла глаза и обмякла на руках Глеба.

– Черт... – процедил он сквозь зубы. – Диона, милая... Да что с тобой?

Девушка снова открыла глаза. Взглянула на Глеба и попробовала улыбнуться.

– Я... не знаю. Я никогда прежде так не делала.

– А другие? С ними после этого все было в порядке?

– Другие... – Диона вздохнула. – Они сильные... Самые сильные...

Она облизнула кончиком языка пересохшие, обескровленные губы и прошептала:

– Помоги мне встать на ноги. Я попробую идти.

Глеб осторожно поднял девушку и поставил ее на землю. Диона постояла немного, будто привыкая к силе притяжения, слабо улыбнулась.

– Думаю, я смогу идти, – сказала она.

Бледность ее и в самом деле стала проходить. Однако Глеб по-прежнему смотрел на нее с тревогой.

– Ты уверена?

– Да. Отпусти меня.

Глеб осторожно выпустил девушку из своих объятий. Диона сделала шаг, другой, третий – но вдруг силы оставили ее, и она упала на руки подоспевшему Глебу.

– Диона!

Глаза девушки закатились под веки, голова обессиленно склонилась набок.

– Диона, ты меня слышишь?

Девушка не отзывалась. Глеб бережно опустил ее на траву, быстро стянул с себя куртку, скатал ее в валик и подложил Дионе под голову. Затем прижал пальцы к ее шее и нахмурился.

Прошка стоял рядом с Глебом – хмурый, напуганный.

– Это из-за меня? – дрогнувшим голосом спросил он. – Из-за меня, да?

– Тише! – приказал ему Глеб.

Подержав еще немного пальцы на шее девушки, он убрал руку и тяжело вздохнул.

– Ну, как? – тихо спросил Лагин.

– Пульса нет, – ответил Глеб. – Она умерла. Или умирает. Дряхлые, которые пожирали Прошку, теперь пьют силы из нее.

– Да что же это... – с горечью и досадой пробормотал Лагин.

Вдруг Глеб насторожился. Сделав Лагину знак молчать, он вытянул голову и прислушался к чему-то.

– Что? – тихо спросил Лагин. – Что ты слышишь?

Глеб сухо усмехнулся:

– Они здесь.

Он вдруг выпрямился в полный рост, сунул пальцы в рот и оглушительно свистнул.

Спутники Глеба вздрогнули, а сам он пронзительно крикнул:

– Бычеголов! Выходи из леса! Я знаю, что ты здесь!

Затрещали кусты, и из леса, тяжело припадая на раненую ногу, вышел Бычеголов. Колено его было замотано тряпкой, из-под которой торчали листья какого-то дерева.

Остановившись перед Глебом, Бычеголов уставился на Диону.

– Вижу, ты уже оклемался, – холодно сказал ему Глеб. – Взгляни на Диону. Что с ней?

Нелюдь зашевелил толстыми губами:

– Диона отдала маленькому человеку свою дэому.

– Что? – не понял Глеб.

Бычеголов наморщил шишковатый лоб, подыскивая подходящее человеческое слово.

– Душу... – выговорил он не без труда. – Кусок души...

Глеб нахмурился и перевел взгляд на девушку.

– Ты можешь ее спасти? – спросил он тихо.

Нелюдь покачал головой:

– Нет. Надо много сила. У меня – мало. Ты ударил мою ногу и забрал силу.

– Кто-нибудь из ваших может ее спасти?

Бычеголов кивнул:

– Да. Надо нести Диону в Кишень.

– Я отнесу, – сказал Глеб и хотел поднять девушку с травы, но Бычеголов положил ему

на плечо мускулистую лапу.

– Нет, – сказал он. – Ты ходок. Тебе нельзя. Мне – можно. Отдай Диону мне. Я спасу.

Глеб закусил губу и задумался. Спутники его стояли в стороне и с затаенным страхом смотрели на Бычеголова.

Нелюдь посмотрел на клонящееся к западу солнце и сказал:

– Надо быстро, ходок. Надо успевать, пока нет темно. Потом – оборотни и волколаки. Опасно.

– Да... – Глеб хрипло выдохнул воздух. – Да, ты прав. Нужно скорее унести Диону в Кишень. Бери ее и неси к своему шаману.

Бычеголов протянул руки к девушке, но Глеб удержал его. Пристально посмотрел в глаза нелюдю и сказал:

– Имей в виду, бычья башка, если ты причинишь ей вред – я найду тебя и убью. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Бычеголов хмуро кивнул.

Глеб отошел в сторону и позволил Бычеголову поднять Диону на руки. Прошка подошел к Глебу, встал на цыпочки и взволнованно заговорил ему на ухо:

– Дядя Первоход, нельзя отдавать Диону нелюдям! Она бы этого не хотела!

– У нас нет другого выхода, – сказал Глеб. – Они могут ее спасти, а мы нет.

Бычеголов поднял девушку на руки. Глеб взглянул на его простреленную ногу и спросил:

– Дойдешь – с такой-то ногой?

– Дойду, – ответил Бычеголов. – Нога быстро проходить. Не так, как это у вас... людей.

Нелюдь повернулся и, прихрамывая, зашагал к лесу. Через несколько секунд он скрылся в чаще.

Лагин снял очки, протер их краем рубахи и, водрузив на нос, сказал:

– Диона нам этого не простит.

– Не нам, а мне, – возразил Глеб. – А я это как-нибудь переживу. Ну все, пора идти.

Он закинул на плечи сумку с амулетами, колчан и лук, поправил на поясе меч и ольстру, повернулся и торопливо зашагал по тропе, словно хотел поскорее уйти от этого места и забыть все, что здесь произошло. Задумчивый Лагин, печальный Хомыч и смущенный Прошка двинулись за ним.

Глава седьмая

1

На лес опустились сумерки. Глеб и его спутники почти час шагали, не останавливаясь. Тропа по-прежнему была широка и утоптана, словно кто-то постоянно ходил по ней от Кишени к Пепельному озеру и обратно. Возможно, так оно и было.

Глеб уже почуял запах недалекой воды и прибавил шагу, чтобы дойти скорее, когда непредвиденное обстоятельство заставило его остановиться.

Впереди, в десяти шагах перед собой, Глеб увидел темную человеческую фигуру. Она появилась внезапно, будто соткалась из воздуха.

Глеб быстро скинул с плеча ольстру и хрипло крикнул:

– Кто ты? Если ты человек, назови себя! А если нелюдь – прочь с тропы, пока я не разможил тебе голову!

Слева и справа от тропы послышалось рычание, и вслед за тем два рослых оборотня вышли из кустов и остановились, свирепо глядя на Глеба и ошетинив холки.

Глеб скользнул по ним взглядом и усмехнулся:

– Старые знакомые. Понравилось быть битыми? Вернулись за добавкой?

Оборотни двинулись на Глеба, но незнакомец, стоявший на тропе, что-то коротко и

гортанно проговорил, и они остановились.

Несколько долгих секунд противники неподвижно и молча изучали друг друга. Первым молчание нарушил незнакомец.

– Тебе придется повернуть назад, Первоход, – проговорил он странным, скрежещущим голосом.

Глеб прищурил глаза.

– С какой стати?

Незнакомец положил полусгнившие пальцы на рукоять меча.

– Если не повернешь, я разрублю тебя на куски и скормлю своим псам, – проскрежетал он.

Глеб покосился на оборотней и с усмешкой проговорил:

– Значит, это всего лишь псы? Теперь понятно, почему я так легко надрал им задницы.

Оборотни зарычали и двинулись на Глеба, но Темный ходок снова гаркнул на них, и зверюги остановились.

– Послушные собачки, – похвалил Глеб. Он пристально посмотрел на незнакомца и сказал: – Уйди с дороги, нелюдь. Я все равно пройду.

Темный ходок медленно вынул из ножен меч. Глеб, не дожидаясь, пока тот воспользуется мечом, вскинул ольстру и нажал на спуск. Ольстра в его руке оглушительно рывкнула. Оборотни, испуганно заскулив, отбежали от тропы.

Когда дым выстрела рассеялся, Глеб увидел, что незнакомец по-прежнему стоит на тропе. Тогда Глеб выстрелил еще раз. И еще. Но пули отлетели от незнакомца, не причинив ему никакого вреда, словно он был покрыт невидимой броней.

Увидев это, оборотни снова осмелели и засмеялись хриплым смехом, похожим на сиплый лай. Усмехнулся под маской и Темный ходок.

– Ну? – глухо проскрежетал он. – И где теперь твоя сила, Первоход?

Глеб швырнул ольстру на траву и вытянул из ножен меч, выкованный Вакаром-вещуном.

– Дракони́й Зуб, тебя выковал великий мастер, – быстро проговорил он. – На тебе сто заговоров от лихих людей и нечистых тварей. На твоём голомене – только победы. Дракони́й Зуб, зачарованный меч, помоги мне одолеть нечисть!

Противники пригнули головы и в одно мгновение, словно по команде, ринулись один на другого.

Звонко зазвенела сталь скрещенных клинков. Оборотни, напуганные напором противников, отскочили в стороны, но тут же развернулись и, клацнув зубами, бросились на спутников Глеба.

Первым опомнился Прошка. Выхватить из котомки пращу и вложить в нее камень было делом одной секунды. Ремень пращи пружинисто натянулся и шелкнул. Камень со свистом рассек воздух и ухнул рыжего оборотня по лбу. Оборотень остановился и затряс ушибленной головой.

Прошка подхватил новый камень, но второй оборотень с быстротою молнии прыгнул на него. И быть бы Прошке убитым на месте, если бы старик Хо́мыч не шагнул на тропу и не подставил под когти оборотня свою тощую грудь.

Черный оборотень не стал возиться со стариком, просто отшвырнул Хо́мыча в сторону и снова понесся на Прошку. Но Прошка успел зарядить пращу.

Пущенный из пращи камень с глухим стуком ударил зверя в грудь и заставил его сбавить ход.

И тут ученый муж Лагин сбросил наконец оцепенение и ринулся в бой. Ученый муж прыгнул зверю на спину.левой рукой он ухватил черного оборотня за загривок, а правой с размаху воткнул ему в бок кинжал.

Оборотень взревел и, рухнув на землю, стал кататься по траве, подминая под себя кричащего от боли Лагина и пытаясь ухватить его зубами за горло. Кости Лагина хрустели, но он сумел еще два или три раза ударить оборотня кинжалом под ребра.

Прошка, отбросив пращу, побежал к ольстре. Но тут рыжий оборотень пришел наконец в себя, повернулся к Прошке и ринулся на него.

До ольстры оставался всего шаг, когда зверь, преградив Прошке дорогу, ударом могучей лапы сбил его с ног. Упав навзничь, Прошка видел, как надвигается на него оборотень, видел его широкую, поросшую клочковатой рыжей шерстью грудь, его пылающие багровым огнем глаза, его сверкающие клыки.

«Конец!» – понял Прошка и отчаянно закричал:

– Первоход!

И тут что-то сверкнуло в воздухе. Рыжий оборотень остановился. Постоял так секунду или две и рухнул набок. Брошенный Глебом меч насквозь пронзил толстую шею твари.

Язык оборотня выпал изо рта, он в последний раз хрипло вздохнул и оцепенел.

Прошка взглянул туда, где бились Глеб и Темный ходок, но никакой битвы уже не было. Лишившись оружия, Глеб прижался спиной к черному стволу дуба и с ненавистью глядел в укрытое маской лицо Темного ходока. Тот стоял в шаге от Глеба, приставив меч к его горлу.

Несколько мгновений противники смотрели друг другу в глаза. Потом Темный ходок слегка отвел меч в сторону, давая клинку разбег для последнего удара, и хрипло проскрежетал:

– Прощай!

Меч Темного ходока со свистом рассек воздух, но вдруг лязгнул и остановился. Другой клинок – Дракониный Зуб – висел в воздухе, преграждая путь мечу Темного ходока. Висел сам по себе, безо всякой опоры.

Неожиданно воздух стал быстро сгущаться, и через несколько мгновений возле дерева появился третий человек. Он был одет в меховую охотничью куртку и кожаный шлем. В правой руке человек сжимал рукоять Дракониного Зуба.

– Громол! – изумленно выдохнул Глеб.

Темный ходок, изумленно глядя на Громола, попятился назад.

– Держи! – Громол быстро вручил меч Глебу.

Крепко ухватившись за рукоять меча, Глеб бросился на Темного ходока. И на этот раз удар Глеба достиг цели. Острие клинка пробило Темному ходоку грудь.

Темный ходок покачнувшись, выпустил из рук меч и тяжело опустился на колени. Несколько секунд он стоял на коленях, понутив голову и хрипло дыша. Потом поднял взгляд на Глеба и, неуклюже шевельнув окостенелым языком, проговорил:

– Добей.

Глеб снова взмахнул мечом. Дракониный Зуб, описав широкую дугу, срезал голову Темного ходока с плеч, и она кулем упала в траву.

2

– Громол... – Брови Глеба дрогнули, на губах появилась недоверчивая улыбка. – Ты ли это?

– Я, – ответил охотник.

– А я уж было подумал, что ты и есть Темный ходок.

Громол прищурил серые глаза:

– Мог бы им стать, повернись все по-другому. – Охотник взглянул на поверженных оборотней. – Кажется, победа осталась за нами, – сказал он. – Но твои друзья ранены. Помоги им!

Глеб вложил меч в ножны и торопливо зашагал к своим спутникам. Прошка сидел на траве и тяжело дышал. Глеб быстро осмотрел его и, не обнаружив ран, шагнул к черному оборотню, придавившему Лагина. Крепкой рукой ухватил Первоход оборотня за шкуру и стащил его с Лагина.

Ученый муж застонал и сел на траве.

– Цел? – коротко спросил его Глеб.

Лагин пошевелил руками, поморщился от боли в вывихнутом плече и ушибленном правом боку и хрипло ответил:

– Цел.

Глеб кивнул, повернулся и шагнул к Хомычу. Тот лежал на траве, обалдело глядя в небо.

– Старик, ты как? – спросил его Глеб.

– Вроде ничего, – ответил тот. – Напужался только малость.

Глеб повернулся и подошел к Темному ходоку. Нагнулся, ухватился пальцами за тряпичную маску и сорвал ее с головы мертвеца.

Несколько секунд он молча разглядывал лицо Темного ходока, потом сглотнул слюну и севшим от изумления голосом проговорил:

– Неужели такое возможно? Громол, мы ведь закопали его.

– Но перед тем полили мертвой водой, – напомнил охотник.

Глеб, продолжая разглядывать обезображенное смертью и гниением лицо Васьки Ольхи, покачал головой и произнес с сомнением:

– Могила была глубокой. И мы крепко связали ему веревками руки и ноги. Как же он откопался?

– Крысун помог. Семь месяцев назад он сам пошел в Гиблое место, взяв с собой пяток охоронцев. Разыскал могилу Ольхи и выкопал его.

– Зачем?

– Кто знает, Глеб, кто знает. Возможно, ему понадобился ходок, для которого Гиблое место было бы родным домом. Васька Ольха при жизни был неплохим парнем, но Гиблое место превратило его в ходячего мертвеца. И мы с тобой поспособствовали этому, полив уже умершего добытчика мертвой водой. В том, что Ольха превратился в чудовище, виноваты и мы с тобой, Глеб.

Орлов вздохнул и отвел взгляд от мертвого лица человека, бывшего когда-то ему товарищем.

– Громол... – Голос Глеба дрогнул. – Где ты пропадал все это время?

Охотник усмехнулся.

– Гостил у своей старой подруги.

– Ты говоришь про Мамелфу?

Охотник кивнул.

– Да. Только не расспрашивай меня о ней. Тебе еще не время знать правду.

Глеб сглотнул слюну.

– Но ты... все еще человек?

– Не совсем, – тихо отозвался охотник.

– Кто же ты теперь?

Громол отвел взгляд и проговорил:

– Путь *в иное* долог. И воротиться оттуда нельзя. И я бы не вернулся, кабы меня не обязали.

– Тебя обязали? Кто?

Громол снова взглянул Глебу в глаза:

– Прости, Первоход, но этого я тебе сказать не могу. Меня вернули, чтобы помочь тебе. И я это сделал.

Охотник поднял руку и наставил ладонь на Лагина, Прошку и Хомыча. Ноги спутников Глеба подломились, и все трое рухнули на траву.

– Зачем это? – удивленно спросил Глеб.

– Дальше ты пойдешь один, – ответил Громол. – А они будут спать. До тех пор, пока ты не вернешься.

Глеб тревожно взглянул на заходящее солнце.

– Скоро ночь. Их могут сожрать оборотни или упыри.
– Об этом не беспокойся. Я раскинул над их головами шатер, сотканный из самого прочного материала. И нечисти его точно не одолеть.

Еще несколько секунд Глеб стоял на тропе, растерянно глядя на своих спящих друзей. Лицо его было хмурым и недоверчивым. Наконец он перевел взгляд на охотника и тихо спросил:

– Как я найду Пепельное озеро?
– Это несложно, – ответил охотник. – Слушайся своего сердца. И помни о Дионе.
– Я вернусь?
– Это зависит только от тебя. Помнишь, что говорила Диона? Судьба не высечена на камне, она начертана на песке. Поднимется ветер, пошлет на берег волну – и начертанное будет смыто.

Глеб хотел что-то сказать, но, наткнувшись на спокойный взгляд охотника, осекся.
– Ладно... – пробормотал он. – Ладно, пусть будет так, как ты говоришь. Я пойду к озеру. Но я вернусь. Вернусь и помогу своим.

Охотник кивнул.

Глеб помолчал еще немного, потом вздохнул, поправил на поясе меч, повернулся и, не произнеся больше ни слова, зашагал к озеру.

3

С запада надвигалась черная грозовая тень. Время от времени набегал ветер и колыхал вершины деревьев.

Прорубаясь к берегу через густые заросли камыша и рогоза, Глеб в одном месте наткнулся на обглоданное тело волколака. Плоть чудовища рвали с таким остервенением, что в нескольких местах выгрызли вместе с мясом и куски костей.

Глеб отвернулся и пошел дальше.

Картина, открывшаяся Глебу, когда он вышел из камышей, заставила его остановиться и ахнуть. Последние лучи заходящего солнца воспламенили озеро. Небо было под стать озеру – багровое, зловещее, в серых и черных подтеках.

У берега покачивалась на волнах черная лодка. В ней Глеб разглядел сгорбившуюся фигуру, закутанную в плащ с накинутым на голову капюшоном. Человек в лодке сидел абсолютно неподвижно, словно дремал.

Положив пальцы на рукоять меча, Глеб неторопливо подошел к кромке пепельно-серой воды и громко окликнул лодочника:

– Эй, на пароме! Подкинешь до острова?

Лодочник медленно поднял голову, и на Глеба глянули два пустых, темных глаза. Это был упырь.

Глеб схватился рукой за рукоять меча, но вытягивать меч из ножен не спешил. Уж больно чудной был упырь – спокойный, угрюмый, невозмутимый. Глядя на Глеба пустыми глазами, упырь разомкнул спекшиеся, изъеденные червями губы и сипло выдохнул:

– Плата.

Глеб не поверил своим ушам. Живой мертвец требовал от него плату!

– Ты хочешь, чтобы я тебе заплатил? – спросил Глеб, растерянно усмехнувшись.

– Плата! – повторил упырь безжизненным голосом и протянул костлявую бледную руку.

Глеб сунул руку в карман, достал золотую монету и вложил ее в ладонь мертвеца. Упырь поднес монету к лицу, осмотрел ее, скривил губы и швырнул в озеро.

– Плоть! – рявкнул он. – Живая плоть!

– Ты хочешь, чтобы я расплатился с тобой живой плотью? Где же я тебе ее возьму?

Глеб ненадолго задумался, затем вынул из ножен кинжал, быстро надрезал ладонь и, сжав пальцы, выдавил кровь в ладонь упырю. Тот поднес ладонь к лицу, понюхал кровь, а

затем жадно слизнул ее синим языком.

Глеб перешагнул через борт лодки и уселся на деревянную скамью. Упырь, не глядя на Глеба, заработал веслами, неуклюже отчалил от берега и, широко загребая пепельно-багровую воду озера, направил лодку к острову.

Как только Глеб оказался на твердой почве, упырь-переправщик развернул лодку и поплыл обратно по пепельно-багровой поверхности озера.

– Эй! – окликнул его Глеб. – А как я вернусь?

Упырь не отозвался и не поднял голову.

– Чертов жмурик! – выругался Глеб, поднял камень и швырнул его вслед уплывающей лодке.

Затем повернулся и взглянул на виднеющийся вдалеке черный саркофаг Погребального шатра. Стояла странная тишина. Багровое небо все сильнее затягивалось хищными тучами.

Глеб поправил на поясе меч и решительно двинулся вперед.

Все ему здесь было знакомо. Вот вонючий ручей с серебристой, как ртуть, водой. На поверхности по-прежнему плавают алые цветы, похожие на раскрытые пасти, усыпанные острыми зубами.

Вот старый деревянный мостик. Глеб не без опаски ступил на его полусгнивший настил. Несколько осторожных шагов – и Глеб уже на другом берегу.

Слева – небольшой могильный холм, поросший пробуди-травой. А впереди уже виднеется черный саркофаг Погребального шатра. Глеб зашагал к шатру, и походка его была твердой. На этот раз он войдет в саркофаг и узнает, что или кто прячется внутри.

Вот и Погребальный шатер. Стоило Глебу приблизиться, как саркофаг замерцал, словно кто-то раздул рядом невидимый огонь. Блики от него упали на черные гладкие стены.

Глеб остановился у входа, похожего на черный провал, за которым не было ничего, кроме клубящейся тьмы. Ну, вот. Осталось только шагнуть внутрь.

Сердце Глеба учащенно забилось, в горле пересохло. Однако отступать он был не намерен. Постояв еще немного, Глеб поправил на поясе меч, перекрестился и хотел шагнуть в черный провал, но на пути у него встала высокая, сухопарая фигура.

– Осьмий! – выдохнул Глеб.

Старик усмехнулся:

– Пришел? Не остановили тебя, значит, мои посланники. Не на тех положился, будет мне уроком.

Осьмий выглядел так же, как пять лет назад. Только седые волосы его стали длиннее, а борода заметно поредела. Одет старый упырь был в темную власяницу. С плеч старца, подобно концам длинного шарфа, свисали чьи-то бледные руки.

– Я хочу войти, – сказал Глеб.

Осьмий покачал головой:

– Тебе не стоит это делать.

– Я войду в Погребальный шатер, – упрямо повторил Глеб. – Даже если мне придется въехать туда на тебе верхом.

Осьмий прищурил темные, глубоко запавшие глаза. Длинные нелепые руки, лежащие у колдуна на ключицах, слегка шевельнулись.

– Что ж... – сипло проговорил упырь. – Ты можешь туда войти. Я не в силах тебе помешать. Но как только ты это сделаешь, дверь за тобой захлопнется навсегда, и ты никогда уже не сможешь вернуться домой.

Глеб озадаченно нахмурился. Такого поворота он не ожидал.

– Если я войду в эту дверь, я уже никогда не смогу вернуться в свое время? – уточнил он.

Осьмий кивнул седовласой головой.

– Не сможешь.

Глеб сглотнул слюну и глянул в черный провал за спиной у Осьмий.

– А что за этой дверью? – спросил он. – Что там?

Старик прищурил глаза и ответил:

– Ответы на вопросы.

– И что будет, если я их узнаю?

– Тебе станет очень больно. Знание не приносит ничего, кроме скорби, поверь мне. –

Старик помолчал и добавил: – Тебе решать, Первоход. В этом месте каждый делает свой выбор. Твой выбор не так уж и сложен.

Глеб надолго задумался. То ли Осьмий нагнал на него чары, то ли воспоминания нахлынули некстати, но он вдруг сильно затосковал по дому, по знакомым лицам, по комфорту и привычному укладу жизни.

Какого черта он вообще тут делает?

Глеб посмотрел на дверь. Ну, что он может за нею увидеть? Оригинал Корана? Полыхающий куст? Замшелую балку от креста, на котором был распят Иисус? Супермена с бластером в руке?

Глеб усмехнулся – лезет же такая галиматья в голову. Скорее всего за дверью будет какая-нибудь глубокомысленная обманка вроде «темного зеркала». Войдет туда Глеб, увидит свою небритую рожу в зеркале и мигом прозреет. Поймет, какой неправильной и несправедливой жизнью он жил до сих пор.

Да только нужно ли ему такое прозрение?

Глеб облизнул пересохшие губы и снова глянул на Осьмия. Тот стоял перед дверью и терпеливо ждал.

– А если я захочу вернуться домой... – тихо пробормотал Глеб. – Я действительно вернусь?

Осьмий кивнул:

– Да.

– И как это произойдет?

– Ты просто проснешься в своей постели. Тебя разбудит телефонный звонок. Ты чертыхнешься и возьмешь телефон. В трубке ты услышишь голос Кати Корольковой. Она скажет: «Глеб, куда ты пропал? Турук рвет и мечет!»

Сердце Глеба сжалось. Теперь ему до головокружения, до слез, до смерти захотелось вернуться домой. Подарить Катьке букет ее любимых фиалок, чмокнуть ее в щеку и позвать на Поклонную гору – покататься на роликах. Или сходить с Яшкой Фенделем в спортбар и нахлестаться пива, глядя на то, как наши под орех разделявают канадцев. Но... как же Диона? Как же Громол? А Прошка с ученым мужем Лагиным? Хомяч?

Глеб нахмурился и взволнованно спросил:

– Я буду помнить то, что произошло со мной здесь?

Осьмий усмехнулся сухими губами и чуть качнул головой:

– Нет. Ты все забудешь.

Глеб облегченно вздохнул:

– Это хорошо.

«Обратного пути не будет, – зазвучал у него в голове голос Осьмия. – Мы сами выбираем свою судьбу».

Глеб снова посмотрел на черный провал и вдруг понял, что не войдет туда. Никогда, ни при каких условиях. На глазах у него выступили слезы. Он вытер слезы грязными пальцами и прошептал:

– Прости, Громол. – Потом взглянул Осьмию в его мертвые глаза и сказал: – Если можешь вернуть меня домой, верни.

Старец кивнул и торжественно изрек:

– Да будет так. Закрой глаза, ходок!

Глеб послушно зажмурил веки и услышал негромкий, спокойный и властный голос Осьмия:

– Руксун... тройчан... гибло...

И тут в сердце у Глеба кольнуло. Нетленные! Он снова открыл глаза и торопливо проговорил:

– Подожди! Совсем забыл тебя спросить! Что ты делаешь с нетленными?

Осьмий замер. Несколько секунд он смотрел на Глеба, словно размышлял, стоит ли доверять ходоку свою тайну или лучше оставить ее при себе, потом разомкнул спекшиеся губы и пробормотал:

– Ты слишком любопытен, чужеземец. Но я скажу. Нетленные – просто коконы. Ты пришел из времени, в котором обожают эксперименты. Считай это моим экспериментом.

– Коконь? – Глеб едва не засмеялся. Вот оно что! Старый упырь решил вывести новых тварей. Как просто и как глупо.

Осьмий, казалось, прочел его мысли. Старец прикрыл веки и заговорил чужим, но знакомым Глебу голосом:

– *«На то, чтобы люди смогли подняться до последнего уровня, могут уйти тысячи лет, тысячи проб и ошибок, тысячи неудачных вариантов. Возможно, когда это случится, люди превратятся в других существ».* – Осьмий открыл глаза и, глянув на Глеба в упор, сухо спросил: – Помнишь эти слова?

– Ты решил вывести новую расу землян? – усмехнулся Глеб. – Но это глупо.

– Не глупее прочего, – пожал сутулыми плечами Осьмий. – Простые решения – самые верные. Эти создания будут лучше вас. Они будут лишены алчности, зависти, ревности, мстительности. И они будут сильнее вас.

– И много их будет? – осведомился Глеб, которому идея Осьмий все еще казалась фантастичной и глупой.

Старец усмехнулся:

– Много. Благодарю купцов – бурая пыль далеко расползлась по земле. И каждый, кто ее испробовал, получит возможность измениться. Я об этом позабочусь.

– Ты хотел сказать «переродиться»? Умереть, стать нетленным и вызреть в утробе кокона в чудовищного мотылька?

– Называй как хочешь. Людей спасти уже не удастся. Рано или поздно они погубят себя сами. Не бойся, Глеб, твое будущее не изменится. Это будет совсем другая история. А теперь расслабься и ступай домой. Руксун... тройчан... гибло... калоста...

Глеб почувствовал, что у него закружилась голова. И вдруг на него нахлынуло видение: орды диковинных крылатых существ наступают на села и города, уничтожают людей, чтобы занять их место под солнцем и создать новую, свободную от страстей, эмоций и предрассудков цивилизацию. И все это из-за того, что Глебу не хватило духа прикончить старого упыря, вообразившего себя новым богом.

Гнев захлестнул Орлова. Рука, привыкшая решать все проблемы просто и эффективно, сама собой потянулась к мечу.

Почти не сознавая, что делает, Глеб выхватил из ножен меч и бросился на Осьмий. Он успел услышать предсмертный крик колдуна, когда лезвие меча вошло тому в сердце, а потом что-то ярко вспыхнуло у Глеба перед глазами, и в следующее мгновение он погрузился во тьму.

4

Кузнец Вакар отложил кузнечные клещи и вытер тряпкой потный лоб. На улице стемнело, и в кузнице царил полумрак. Несколько сальных свечей, которыми щедро снабжали его люди князя Егры, почти догорели. Пора было отдохнуть.

Вакар взял со стола ковш с холодным травяным квасом и сделал несколько глотков. Усталые руки перестали дрожать, а голова прояснилась. Вакар брякнул ковш на стол и вышел на улицу.

На небе светили звезды – спокойные, невозмутимые. Но на душе у кузнеца было беспокойно. Жизнь с каждым годом становилась хуже. Князь Егра беспрестанно ужесточал

законы, удлинял список проступков и повышал мзду.

Люди говорили, что он мудрый правитель, но Вакар не видел большой мудрости в том, чтобы обижать и притеснять свой собственный народ. Впрочем, ратники довольны своим князем. Да и Вакару грех жаловаться. Заказов на всепобедные заговоренные мечи было так много, что он не успевал справляться, даже когда работал сутки напролет.

Обычно, когда дело доходило до такого, Вакар поступал просто: бросал всю работу и дня на четыре уходил в глухой запой. Княжьим поручикам это не нравилось, но слава и умение Вакара были таковы, что они были вынуждены смириться.

Поначалу пробовали воздействовать на Вакара угрозами, но Вакар быстро указал ратникам их место, заявив, что не сдвинется с места, пока главный воевода сам не поднесет ему чарочку.

И поднес. И не покалечил. Даже высечь не решился. Лишь схватил Вакара за бороду, поднял ему голову, глянул свирепо в глаза и сказал:

– погоди, кузнец, будет еще время. Вернусь и припомню тебе эту чарочку.

– Не трудись, воевода, – ответил ему Вакар. – Я один, а воевод и чарочек много.

Воевода скрипнул зубами, но вынужден был отступить.

Помимо княжьего произвола, тревожило кузнеца и другое. Нечисть из Гиблого места все чаще делала вылазки в села. Резали скот, губили людей.

Хорошо хоть нелюдь кишенская не особо озоровала. Пару раз в год кишенские уроды утаскивали из сел одну-двух, много трех, девушек.

Селяне пробовали жаловаться княжьим поручикам, но те лишь отмахивались:

– Без двух баб село не оскудеет.

И что ты с этими поручиками будешь делать? Не князю же на них жаловаться. По-хорошему, конечно, стоило бы. Но князь жалобщиков не жалует, а на расправу скор и лют.

Эх-х...

В темноте Вакар наткнулся на чан с грязной водой и остановился. Опять этот бездельник Кукша воду не вылил. Который год с Вакаром работает, а порядку не знает.

– Кукша! – крикнул Вакар. – Кукша, леший, куда ты подевался?

Послышался шорох, и помощник Вакара – Кукша Шиш – вывалился из-за угла прямо к ногам кузнеца.

– Опять браги напузырился! – с досадой проговорил Вакар. – Ну, погоди – получишь у меня!

Вакар наклонился и протянул руку к парню, но вдруг замер. Череп помощника был сплюснут с боков, а изо рта на траву натекла лужица крови.

Вакар резко выпрямился и тревожно крикнул:

– Ольстра! Ольстра, ты где?

Ответа не последовало. Вакар повернулся и побежал к кузнице.

Черная тень возникла у него на пути. Вакар, не останавливаясь, ударил незнакомца кулаком по голове. Рука у кузнеца была тяжелая, и незнакомец рухнул наземь.

Вакар ворвался в кузню, откинул крышку деревянного короба и выхватил из него два коротких обоюдоострых меча, выкованных из белого железа.

Затем развернулся и выскочил на улицу.

– Ольстра!

Ответа не было.

Еще две тени скользнули к нему с боков. Тусклого света луны хватило, чтобы увидеть безобразные звериные хари врагов. Вакар взмахнул мечами. Тому, что был слева, он снес с плеч башку, второму наискось разрубил грудь. Потом, не останавливаясь, побежал к дому.

– Ольстра! – позвал он на бегу. – Ольстра!

На пути у него выросли еще три фигуры, эти были помощнее и пошире прежних.

Один из незваных гостей – судя по всему, наибольший в этой своре – был похож на

Ворона. Смуглявая, будто у араба, голова, черные круглые глаза, длинный, покрытый костяными наростами нос. Он стоял, сложив руки на груди, и насмешливо смотрел на Вакара.

Слева от Ворона нервно подергивал головой невысокий уродец, похожий на ящерицу. У него были крючковатые трехпалые руки, а на каждом пальце – по огромному когтю, похожему на кривой хазарский кинжал.

Справа от Ворона возвышался огромной горою нелюдь с такой уродливой мордой, что на нее нельзя было смотреть без тошноты. В руке у здоровяка была дубина, окованная железными полосами и усаженная небольшими острыми гвоздями.

Вакар бросился на Ворона, однако уродливый здоровяк преградил ему путь и, взмахнув дубиной, выбил меч из левой руки Вакара.

Вакар отпрыгнул назад и взял меч на изготовку. По лицу его пробежала тень. Пожалуй, сразу с тремя нелюдями ему не совладать. И на помощь позвать не получится. Кузница стоит на окраине села, сторона тут наветренная, кричать бесполезно.

Вакар взглянул Ворону в лицо и громко сказал:

– Мой меч выкован из белого железа и заговорен от нечисти! Тебе со мной не совладать!

– Твой меч карош, – согласился нелюдь (голос у него был хриплый, гортанный, похожий на карканье). – Но нас три, а ты один.

Вакар дернул щекой.

– Мне плевать! Даже если вы нападете всем гуртом, двоих из вас я успею отправить к праотцам, а третьего покалечу. Решайте, кому подышать!

Ворон усмехнулся черными губами.

– Мы не хотим тебя убивать, кузнец. Ты нужен нам живой.

Уродливый нелюдь и человек-ящерица осторожно двинулись к кузнецу, собираясь обойти его с двух сторон. Вакар отступил на шаг, приподнял меч и прорычал:

– Давай, нечисть, подходи! Нашинкую, как капусту!

Уроды остановились и поглядели на своего вожака, ожидая указания. Тот, сложив на груди руки, раздумывал.

Зорко поглядывая на врагов, кузнец с досадой подумал о том, что второпях позабыл о чудных вещах, которые здорово могли бы сейчас помочь. Может, еще не поздно? Вакар глянул на кузницу и прикинул расстояние. Нет, не успеть – перехватят.

Ладно, не беда. Главное, чтобы Ольстру не тронули. Где она, интересно, сейчас? Вроде собиралась на гадание к подружкам. Ушла ли?

Воспользовавшись заминкой, один из нелюдей, невысокий, сутуловатый, похожий на ящерицу, быстро скользнул к Вакару. Однако кузнец не промедлил. Взмахнув мечом, он отсек уроду крючковатую руку. Тот взвыл и отскочил назад.

Ворон гортанно засмеялся, и смех его был похож на карканье. В тот же миг глаза Вакара полезли от изумления на лоб. Из окровавленной культи покалеченного нелюдя выползла на свет новая лапа. Она была тощее и крючковатее предыдущей, но шевелилась и была вполне пригодна для дела.

– Ну и чудеса! – удивленно пробормотал Вакар. – А ежели я тебе башку отрублю – прирастет ли?

Ворон глянул на него холодными, круглыми глазами и прокаркал:

– Иди с нами, кузнец! Будем давать тебе еда, питье, женщины. Много! Будешь править наш нелюдь! Как я!

– Обойдусь, – угрюмо ответил Вакар. – Мне и здесь брашна хватает.

Ворон что-то тихо проговорил на своем наречье, и человек-ящерица быстро скользнул за угол дома.

– Куда это он? – взволнованно спросил Вакар.

Ворон и уродливый здоровяк молчали, мрачно глядя на кузнеца. Не прошло и минуты, как человек-ящер вернулся, и вернулся не один. Одной лапой он держал Ольстру за волосы,

а другой сжимал ей рот.

– Ольстра! – крикнул Вакар и пошел на Ящера, однако нелюдь приставил к ее горлу острые и длинные, как кинжалы, когти и принудил кузнеца остановиться.

Вакар встал посреди тропки, угрюмо наклонил голову и тяжело задышал.

– Отпусти ее, – хрипло проговорил он.

– Идти с нами, кузнец! – каркнул Ворон. – Идти, и твой дочка будет живой!

– Да на что я вам? – в отчаянии проговорил кузнец.

– Твой оружие! – каркнул Ворон. – Будешь коваль его нам!

Вакар посмотрел на Ворона таким взглядом, что усмешка сползла с тонких губ нелюдя.

– Я русич. И я не кую всепобедное оружие для темных злыдней, нелюдь.

– Ты валах, – каркнул нелюдь-ворон.

– Я русич, – повторил Вакар твердо. – И это моя земля.

Ворон повернулся к Ящеру и что-то тихо приказал. Ящер кивнул и легонько чиркнул когтем. Мочка левого уха Ольстры упала на землю. По щеке девушки потекла кровь, она отчаянно закричала, но нелюдь грубо заткнул ей рот.

– Идти с нами, – снова прокаркал Ворон. – Идти, и твой дочка не будет умирать.

Несколько мгновений Вакар стоял, широко расставив ноги и тяжело дыша. Казалось, в любой миг он может сорваться с места и броситься на врагов.

Ворон и его сподручные смотрели на кузнеца с опаской. Наконец Вакар тяжело вздохнул, повернулся к кузне и хрипло проговорил:

– Прости меня, Перун. Я должен пойти с ними.

Кузнец разжал пальцы, и меч со звоном упал на широкие камни, устившие тропу, ведущую к кузне. Уродливый гигант тут же бросился к Вакару, грубо схватил его за плечи, развернул и быстро связал его по рукам и ногам косматыми веревками.

Затем развернул и толкнул к своему возжаку. Пробежав по тропке, Вакар едва не ткнулся Ворону в грудь. Затем остановился, поднял на Ворона пылающий холодным пламенем ярости взгляд и отрывисто проговорил:

– Первоход придет за мной. Он убьет вас всех.

Ворон ухмыльнулся и отрицательно качнул чернявой головой:

– Первоход не выйдет Гиблый лес.

– Ты его плохо знаешь, – сказал Вакар. – Глеб поймает тебя, оциплет, будто куренка, и сунет башкою в кипящее варево. А потом выплеснет варево смердящим псам.

Ворон поморщился и сделал знак уродливому верзиле. Тот вынул из кармана меховой куртки какую-то липкую гадость и шлепнул ею кузнеца по губам. Вакар попробовал разомкнуть губы, но липкая гадость склеила ему рот.

Ворон ослабил в усмешке и прокаркал:

– Нам не надо, чтобы ты говорить. Нам надо, чтобы ты работать. Зверь! – окликнул он на языке нелюди. – Неси его в лес!

Здоровяк оторвал Вакара от земли, закинул его на плечо и зашагал прочь со двора. Через секунду во дворе остались лишь Ворон и Ящер. Ольстра вдруг забила у Ящера в лапах, вывернулась и укусила нелюдя за запястье. Ящер вскрикнул и легонько стукнул Ольстру головой о бревенчатую стену. Затем швырнул девку на землю.

– Возьмем девку с собой? – спросил Ящер на языке нелюди.

Ворон покачал черной головой:

– Нет. Мы должны двигаться быстро. Она будет обузой.

Ящер прищурил выпуклые глаза.

– Жалко. Девка здоровая.

Ворон обдумал его слова, покосился на Ольстру и приказал:

– Догоняй Зверя. Подождете меня в лесу.

– Что ты будешь делать? – спросил Ящер.

– Разберусь с девкой.

Ящер прищурил выпуклые глаза и сказал:

– Будь с ней осторожен. Эта девка больно кусается.

Ворон ухмыльнулся:

– Я тоже.

Ящер повернулся и заспешил за Зверем, а Ворон, не теряя времени, шагнул к Ольстре.

Ольстра открыла глаза и увидела надвигающуюся страшную морду Ворона.

– Нет! – выдохнула она и отползла к стене. – Нет!

Ворон вытянул вперед длинные, покрытые перьями руки, схватил Ольстру за плечи и повалил ее на землю. Ольстра пробовала сопротивляться, но Ворон был страшно силен.

– Спи... – тихо каркнул он. – Когда ты просыпаться, все будет кончиться.

Круглые черные глаза не мигая смотрели на Ольстру. Она почувствовала, что веки ее отяжелели.

– Не насильничай меня... – жалобно попросила Ольстра, борясь с сонливостью. – Пожалей...

– Спи! – повторил Ворон.

Веки Ольстры сомкнулись, дыхание выровнялось. По безобразному лицу Ворона пробежала судорога, штаны мощно вздулись у него в паху. Он запустил руки девушке под юбку и рывком раздвинул ей бедра.

Когда он вошел в нее, с губ Ольстры сорвался долгий, мучительный стон.

– Роди мне сильного воина, девка, – прокаркал Ворон.

Он высунул черный, липкий язык и провел им по розовой щеке Ольстры.

5

Телефон трезвонил, как сумасшедший. Глеб, не открывая глаз, сгреб его с прикроватной тумбочки и поднес к примятому подушкой уху.

– Слушаю!

– Глеб, куда ты пропал? – раздался из трубки взволнованный голос Кати Корольковой. – И почему отключил «корреспондентский» телефон? Турук рвет и мечет!

Голос у Кати был взволнованный, однако Глеба это не слишком-то проняло. Он зевнул и сказал:

– Катюх, не нагнетай. Передай Туруку, что сейчас приеду.

– Только не задерживайся! На этот раз Турук так зол, что точно тебя уволит!

– Не парься, все будет тип-топ.

Глеб отключил связь и швырнул трубку на тумбочку. Затем поднял с пола пачку «Кэмэла», вытряхнул одну сигарету и вставил ее в рот. Закурил, затянулся и сморщил лицо. Вкус у сигареты был какой-то резиновый.

Глеб сделал еще пару затяжек, сунул окурочок в пепельницу и нехотя поднялся с кровати.

Перед тем как пойти умываться, он привычно клацнул клавишей ноутбука, чтобы просмотреть электронную почту. Вдруг что-нибудь важное. Турук, как бы он ни кипел и ни топал ногами, вполне может подождать.

На экране ноутбука развернулась игра. Глеб напряг память, но не помнил, чтобы вчера во что-то играл. Должно быть, это кто-то из его собутыльников притащил игрушку. Скорее всего Яшка Фендель. Его хлебом не корми, дай только порезаться в какой-нибудь «Квак» или «Дум».

Игра была совершенно незнакомая. Огненные буквы в левой верхней части экрана сообщали, что это – начало третьего уровня. Видимо, Фендель торчал тут до рассвета, если успел одолеть второй уровень. Герой, блин.

Глеб взгляделся в картинку.

Две каменные арки и наваленный грудой бурелом слева и справа от арок. Что-то вроде оборонного вала. Не тупо.

С одной стороны бурелома двигалось полчище жутковатых монстров. А по другую стоял всего один герой – человечек в средневековых латах, шлеме и красном плаще. В руках

он держал не меч или боевой топор, а что-то вроде обреза ружья.

Глеб усмехнулся и навел на оружие курсор. Вискочившее оконце сообщило, что оружие называется «ольстра». Переделана кузнецом-вещуном из охотничьего самозарядного ружья «МЦ-21». В обойме – пять патронов калибра 12 мм с разрывными головками.

Всего пять патронов в обойме? И это против полчища чудовищ? Слабовато. Впрочем, на боку у героя висел меч. Глеб, как и большинство здравомыслящих жителей двадцать первого века, питал презрение к холодному оружию, но все же навел на меч курсор. Вспыхнула надпись: «Драконий Зуб».

Ну, естественно. И отчего это создатели компьютерных игр любят такие идиотские и высокопарные названия? Назвали бы просто «Палка-убивалка». Глеб насмешливо хмыкнул, навел курсор на героя игры. Вспыхнуло имя – «Первоход».

Нет, этому парню с монстрами не совладать. Видимо, Фендель закончил второй уровень неважно, действуя по-пьяному напрямик и наобум, раз в начале третьего ему пришлось столкнуться лицом к лицу с целой армадой уродливых гадов.

В самой гуще толпы уродов Глеб разглядел что-то вроде боевой колесницы, на которой стояла в полный рост стройная девушка. Ее темные волосы развевались на ветру, синие глаза гордо смотрели вперед. Красивое лицо девицы было холодным и гордым. Что такая красотка забыла в толпе монстров? Может, она извращенка?

А, неважно.

Глеб, позевывая, ухмыльнулся, шутливо перекрестил героя на экране сложенными щепоткой пальцами и сказал:

– Да будет земля тебе пухом, Первоход!

6

Перед тем как пойти к Туруку, Глеб заскочил в отдел культуры, чтобы перекинуться парой слов с Катей Корольковой. Однако ее на месте не было.

На столе у нее стояла чашка с недопитым черным кофе. Рядом, на краю пепельницы, еще дымилась тонкая сигаретка с красным ободком вокруг белого фильтра.

«Все как всегда», – улыбнулся Глеб. Слава богу, хоть что-то в мире остается неизменным. Он взял чашку и залпом допил кофе, потом ухватился за сигарету и глубоко затянулся.

Странно...

Сигарета – как резиновая, и кофе безвкусный. Видимо, это все из-за похмелья. Глеб затушил окурок в пластиковой пепельнице с надписью «Куріння викликає імпотенцію», которую Катя стащила из какой-то киевской гостиницы, повернулся и вышел в коридор.

В кабинет к Туруку он ввалился без стука.

– Вызывали, Иван Кузьмич?

Турук оторвался от просмотра верстки и глянул на Глеба поверх очков:

– Явился?

– Угу.

– Ну, проходи.

Глеб прикрыл за собой дверь, прошел в кабинет и рухнул в красное кожаное кресло. Несколько секунд Турук молча разглядывал его, затем насмешливо произнес:

– Красавец. А теперь объясни мне, бога ради, какого черта ты делаешь в Москве?

Глеб недоуменно приподнял бровь:

– А где я должен быть?

– В командировке! – рявкнул вдруг редактор. – В Гиблом месте! Я послал тебя туда вчера!

– Ах, да.

Глеб поморщился. «Черт, совсем забыл про эту дурацкую командировку».

– Почему ты не выехал, Орлов?

Глеб понял, что банально проспал, но признаваться в этом редактору не собирался.

– Видите ли, Иван Кузьмич... Дело в том, что я вчера...

– Черт меня дернул поручить это дело тебе, Орлов!

Глеб невинно сморгнул и с примирительной улыбкой проговорил:

– Иван Кузьмич, не убивайтесь вы так. Не поехал сегодня – поеду завтра. Один день ничего не решает.

– Никакого «завтра» не будет, – прорычал Турук. – Не будет, потому что ты уволен!

– Что?

– Ты уволен! – рявкнул редактор. – Собирай свои манатки и выметайся из редакции.

Глеб нахмурился. Обдумал слова Турука и покачал головой:

– Вы не можете меня уволить. Читателям нравятся мои тексты.

– У читателей короткая память, – холодно возразил Турук. – Сегодня они балдеют от твоих текстов, в завтра будут балдеть от статей Кати Корольковой. А твое имя забудут. Навсегда.

Глеб не мог не признать правоту редактора. А потому сменил тон и заискивающе проговорил:

– Иван Кузьмич, я думаю, что нам не стоит...

Взгляд Глеба упал на бутылку коньяка, стоящую на стеллаже. «Кутузов»... Двадцать пять лет выдержки... Сам Турук не пьет, а коньяк держит для гостей. Так-так...

Что-то такое замерцало в памяти Глеба. Коньяк «Кутузов», ночь, всполохи костра... *Нельзя рубить деревья. Большой грех. Сорни-Най мстит будет.*

Потом – дождь, ветер, гроза... Крики Бахтияра. Стоп! Кто такой этот Бахтияр? И тут в голове у Глеба что-то щелкнуло.

– Осьмий! – хрипло воскликнул он и испуганно огляделся по сторонам. – Какого черта! Что происходит?

Широкая физиономия редактора Турука побагровела.

– Орлов, что ты себе позволяешь?

Глеб вскочил со стула, постоял несколько секунд, словно был не в себе, и снова сел.

– Чертов шулер! – рявкнул он вдруг. – Ты сказал, что я ничего не запомню! Ты – чертов фальшивый бог!

В глазах у Глеба потемнело, и ему показалось, что он слышит голос:

– *Васька Оляха – Темный ходок. Громол – призрак. Я – фальшивый бог. Гиблое место сыграло со всеми нами странную шутку, верно? А что оно сделало с тобой, Первоход? Об этом ты не задумывался?*

Глеб вздрогнул и поднял взгляд на Турука. Пелена перед глазами рассеялась. Турук стоял рядом со стулом и тряс его за плечо:

– Орлов! Орлов, что с тобой? Тебе плохо?

Глеб посмотрел на Турука мутным взглядом.

– Я что, уснул? Это из-за похмелья. Простите, Иван Кузьмич, я вчера немного...

Толстое лицо редактора пошло красными пятнами. Он убрал руку с плеча Глеба и сухо проговорил:

– Собирай вещи. И чтобы через двадцать минут духу твоего в редакции не было.

По поводу своего увольнения Глеб особо не парился. Работа не волк, в лес не убежит. Хорошие журналисты и райтеры нужны всем.

Пару часов спустя он уже сидел в маленьком, но жутко дорогом и пафосном ресторанчике в компании поп-певицы Алины Полях.

За столом, кроме Алины и Глеба, расположились друзья и приятели певицы. Глеб в их разговоре почти не участвовал. Он лишь сидел, слушал болтовню своих новых знакомых и

беспрестанно курил, вытягивая из пачки сигарету за сигаретой.

Кончилось тем, что один из приятелей Алины, длинноволосый, ухоженный, благоухающий, как райская клумба, парень повернулся к нему и полубобытствовал:

– Молодой человек, а вы, собственно, кто?

Глеб открыл рот, чтобы ответить, но Алина сделала это за него.

– Глеб – журналист из модного издания, – сказала она.

– А-а, – протянул длинноволосый и тут же потерял к Глебу интерес.

– Ну, короче, – продолжил он прерванный рассказ. – Подхожу я такой к ней и говорю: сумочка-то, поди, из крокодиловой кожи? А она мне: «Да. И, судя по цене, этот крокодил пользовался только самыми дорогими средствами по уходу за кожей!»

Сидевшие за столом засмеялись. Глеб тоже растянул губы в улыбку, хотя шутка не показалась ему такой уж смешной.

– А я всю субботу прошлялась по магазинам, – сообщила, отсмеявшись, одна из подружек Алины, худенькая блондинка с толстыми губами. – Прикупила себе пару тряпок от «Донны Каран» и сапожки от «Маноло Бланик». Мой благоверный выложил за них две штуки «зелени», а я до сих пор не знаю – буду их носить или нет.

– А я своему олуху прямо сказала: «мерс» е-класса уже не модно, – подхватила вторая подруга, морщинистая, загорелая брюнетка с лицом юной старушки. – На таких нынче разъезжают только лохи. А он мне: «Да какая на фиг разница?» Два месяца пришлось уговаривать этого дурака, пока он согласился купить «Бентли».

– А какая «Бентли»? – уточнила Алина.

– Не знаю. Зелененькая такая.

– А я тут на спектакль попал... – посмеиваясь, заговорил длинноволосый парень. – Этого, как его... Забыл фамилию, но режиссер модный, про него нынче все журналы пишут. Так там у него на сцене актрисы с голыми сиськами бегают. Прикиньте! Мы с Сержем сразу выпали в осадок. Вот это жесть!

– Точно! – подтвердила Алина. – И на стриптиз ходить не надо!

Алина и ее друзья хохотали.

– А ты когда последний раз в «Пушкине» была? – спросила у брюнетки блондинка.

– Давно. Неделью, наверно, назад. А что?

– У них там шеф-повар сменился. Цены в менюшке сразу на четверть подскочили, хотя блюда почти все те же. Кошмар! Слушайте, а давайте завтра вечером туда завалимся, а?

Брюнетка покачала головой:

– Прости, Мариш, у меня весь день расписан. С утра фитнес-клуб, потом – массаж, потом – салон красоты. А вечером своего йоркшира подстричь собралась. Мастер ждать не будет. Майкл, может, ты сходишь?

Длинноволосый вздохнул:

– Нет, не могу. У меня типа деловая встреча. Уже столик в «Комме» заказал. А потом его в сауну повезу, он, гад, сауну любит.

– Важный клиент?

– Еще какой. Наши перед ним такую презентуху развернуть собираются, что мама не горюй. Ты, Надюш, Сержа Переверзева позови. Он в последнее время скучный.

– О, точно! Заодно и кокса у него попрошу. Не знаете, у него еще бывает?

– У него постоянно есть. Мой дилер на дно ушел, я пару раз у него занимал. Слушайте, а кто видел последнего «Терминатора»?

Блондинка зевнула, прикрыв рот узкой, ухоженной ладошкой.

– Я нынче в кино редко выбираюсь. Туда теперь одни только лохи ходят. Даже на премьерах ни одного приличного лица, одни только мутанты в джинсе «от аш-энд-эм».

– Да, мутанты постепенно завоевывают мир, – подтвердил длинноволосый.

– Покупают плазменные телевизоры!

– Копят на «Мазду»!

– Отдыхают со своими тетехами в Турции!

– Может, и нам лохами заделаться? Растворимся в толпе, и они нас не сожрут.
Прятели Алины переглянулись и расхохотались.
Глеб встал из-за стола. Алина схватила его за руку:
– Глебчик, ты куда?
– Мне надо... Извини.
Глеб повернулся и зашагал прочь от столика.
Покинув ресторан, он остановился, чтобы достать сигареты, и увидел неподалеку небольшую толпу, митингующую у входа в сквер. Лидер орал в рупор:
– Мы требуем убрать Ленина из Мавзолея! Требуем снять звезды с кремлевских башен! Требуем убрать трупы из Кремлевской стены! Москва – не кладбище! Долой кремлевских упырей!
Глеб отвернулся, сунул в рот сигарету и зашагал к метро.

8

Вечером Глеб сидел у себя дома со стаканом водки в одной руке и сигаретой – в другой. Сидел и смотрел в окно отрешенным взглядом.

На улице стремительно темнело. Налетевшая мгла охватила небосвод. Где-то вдалеке раскатисто прогрехотал гром. Вспыхнула молния. Взгляд Глеба упал на руку, в которой он держал стакан. Шрамы были на месте. Все девять. Хотя... (Веки Глеба взволнованно дрогнули.) Один из шрамов стал явно меньше. Меньше... Но не исчез. Значит ли это, что второе испытание, о котором говорила ведьма, еще не закончено?..

Глеб перевел взгляд на компьютер, на экране которого мерцала оцепеневшая картинка. Каменные арки, вал из бурелома и земли, армада нечисти и одинокий воин, сжимающий в руке ольстру. И где-то там, в глубине орды мутантов, боевая колесница, на которой в полный рост стоит стройная темноволосая девушка.

Глеб вздохнул и протянул руку к «мышь». Затем подвел курсор к крестику в правом верхнем углу экрана и щелкнул клавишей. Выскочившее окно осведомилось:

Продолжить игру?
Да, Нет.

– Где же ты, Громол? – прошептал Глеб унылым голосом.

Но не было ответа, лишь дождь барабанил по жестяному карнизу, монотонно и тоскливо, и так же тоскливо было на сердце у Глеба. Неужели он снова проиграл? Неужели трусость снова не позволила ему сделать правильный выбор?..

Господи, он всего лишь хотел вернуться домой. И Осьмий выполнил его просьбу. Конечно, можно было открыть дверь и получить ответы на все свои вопросы. Но...

Что, если бы ответы оказались ему не по зубам? Он всего лишь человек. Простой парень из двадцать первого века. Не ученый, не философ, не великий писатель и не президент державы. Так какого черта выбор пал именно на него?

– Я просто хочу жить своей жизнью, – с ожесточением проговорил Глеб. – Просто жить, как живут остальные. Не думать, не мучиться, не париться над «проклятыми вопросами», а просто жить!

За окном раскатисто прогремыхал гром, дождь перешел в ливень. Глеб поднес к губам стакан с водкой, но остановился и уставился на экран компьютера.

Там творилось что-то важное. Что-то, до чего Глебу уже не было дела. Однако губы его приоткрылись, и рот сам собой произнес:

– Громол, где же ты?.. Где же ты, Громол?

Глеб секунду или две колебался, затем поставил стакан с недопитой водкой на стол, положил ладонь на «мышь», подвел курсор к выбранному варианту ответа и щелкнул клавишей.

Война демонов

Глава первая

1

В крохотный квадрат окна под потолком лился солнечный свет. Светлее, однако, в подземелье от этого почти не делалось. На плотно утоптанном земляном полу, покрытом полусгнившей соломой, лежали, закутавшись в рваньё, люди.

Все они были похожи, и лишь один отличался от прочих. Он был намного крупнее других узников, крепок и мускулист, как бык, а его огромная, покрытая редкими волосами голова была увенчана двумя огромными шишками, похожими на рога. Одет он был так же, как другие, в грязное тряпье.

По углам подземелья поблескивала наледь. Узники спали. Из их приоткрытых чохоточных ртов вырывался белый парок. Кто-то постанывал во сне, кто-то кашлял, кто-то стучал зубами от холода.

Бычеголовому полонцу, казалось, приходилось тяжелее, чем другим. Меж дыр в его рубище проглядывала окровавленная кожа. Голова его была покрыта глубокими, едва запекшимися ссадинами. Дрожал он беспрестанно, да так, что все подземелье ходило ходуном.

Один из полонцев, лысый, со впалыми щеками, уселся на полу, посмотрел на Бычеголова и проговорил:

– Эй, паря, будешь так клацать зубами, они у тебя отвалятся.

Бычеголов не ответил. Лысый узник поднялся с земляного пола и, пошатываясь, подошел к Бычеголову. Присел рядом, вгляделся в его лицо:

– Э, парень... Да ты, я вижу, совсем плох.

Бычеголов не ответил и на этот раз. Лысый вздохнул и, немного поколебавшись, стянул с себя дырявый суконный плащ.

– На-ка вот, согрейся. – Он укрыл Бычеголова плащом.

Другой узник поднял голову, поскреб грязными пальцами щеку и недовольно спросил:

– Пошто с уродом теплом делишься, Довгуш?

– Недолго ему осталось, – ответил невысокий. – Кончается ведь.

– Он еще нас с тобой переживет. Гляди, какой здоровый.

Невысокий Довгуш хмыкнул и покачал головой:

– Ты, Паркун, видать, недолго в подземелье-то. Здоровые, они раньше других кончаются. Это мы с тобой, как мышки малые, нам зернышко брось – мы и сыты, лоскутком укрой – мы и согреты. А этакому верзиле без хорошего куска мяса и недели не протянуть.

Лязгнул железный засов, и дубовая дверь распахнулась. В подземелье, пригнувшись, чтобы не расшибить головы о притолоку, вошли трое охоронцев.

– Который тут урод? – рявкнул один из них.

– Да вон он, – кивнул на Бычеголова Паркун.

Охоронцы подошли к нелюдю, подхватили его под мышки и потащили к выходу.

– Куда вы его? – спросил Довгуш.

– На кудыкину гору, – мрачно ответил охоронец и захлопнул дверь.

* * *

– А ну-ка, Дранный, вжарь ему еще десяточек!

Дранный был кат опытный, бил толково, с оттяжкой. На десятом ударе сморился и вытер потное лицо тряпкой.

– Уф-ф... Умаялся совсем. Здоровый бык. Такого плетью не перешибешь.

Бычеголов висел на дубовых подлокотках, не произнося ни слова.

– Слышь, нелюдь! – окликнул его княжий дознаватель. – Как тебя там... Бычеголов! Для тебя, я чай, наша плеть – навроде щекотки? Можь, тебя чем другим пощекотать, а?

Кат прищурил раскосые глаза, оглядел изорванную в клочья спину Бычеголова и небрежно осведомился:

– Что, ежели ему спину водкой взбрызнуть?

– Водкой? – Дознаватель хмыкнул. – Жирновато будет. Водка – продукт дорогой.

– Зато развлечемся. Говорю тебе – весело будет.

– Это ты так говоришь, потому что водка моя. А была бы твоя, только б я ее и видел.

Дранный хохотнул:

– Верно. У меня б не застоялась.

Спина Бычеголова была сплошь иссечена железным оконечником плети. Под ногами у нелюдя набралась лужица вязкой, темной крови.

– Кровь-то его собери, – сказал дознаватель, – зря же пропадет.

Кат взял со стола специальную вбористую, как губка, тряпицу, нагнулся и тщательно промокнул кровь Бычеголова. Затем выпрямился и выжал кровь из тряпицы в глиняную кубышку.

– Ну, вот! – засмеялся дознаватель. – Крови, что в кубышке, тебе на дюжину кувшинчиков водки хватит! А ежели у барышников, то и того больше.

Дранный внимательно посмотрел на дознавателя, облизнул губы толстым языком и мрачно проговорил:

– А я, слышь, у барыг-то не покупаю. Я княжьи указы чту.

Дознаватель согнал улыбку с лица.

– Я тоже, – дрогнувшим голосом промолвил он. – А это я только так... шутки ради сказал.

– Шутки? – Кат прищурил глаза. – Гляди – дошutiшься.

Дознаватель побледнел.

– Что ты, Дранный, – поспешно промолвил он. – Нешто я из противленцев?

– А кто тебя знает? – с угрюмой насмешливостью ответил кат. – Кабы подтянуть тебя чуток на дыбке, вот тогда бы правду и выложил.

Дознаватель побледнел еще больше. Он попробовал улыбнуться, но улыбка его вышла кислой.

– Какой ты, право, смешной, – сдавленно проговорил он. – Городишь, сам не знаешь, что. Ну, хочешь, я тебе водки налью?

– Что ж, налей.

Дознаватель достал из кармана маленькую крынку, пододвинул к себе оловянный стаканчик, стоявший на столе, и плеснул туда водки из крынки.

– Чего жмешься? – хмуро усмехнулся Дранный. – Барыжья водка-то?

– Тьфу на тебя! – Дознаватель плеснул еще немного. – Столько хватит?

– До краев, говорю, лей.

Дознаватель вздохнул.

– Супостат ты, супостат... Разорить меня решил?

Однако водку долил. Дранный взял стаканчик, набрал немного водки в рот, повернулся к Бычеголову и, надув щеки, выплюнул фонтан водки на окровавленную спину уroda.

Бычеголов дернулся, но не застонал и не зашипел.

– Это ему, как нам с тобой дождичек, – заметил дознаватель. – Зря только водку перевел.

Кат выплеснул в рот остатки водки и передернулся.

– Эй, нелюдь! – окликнул он. – А что, ежели я тебе эту водку в одно место впрысну и лучинку горящую поднесу? Тоже молчать будешь?

И вдруг Бычеголов дернулся в цепях. Мышцы его вздулись, из глотки вырвался

натужный хрип. Кат удивленно вскинул брови и отвел руку для удара, но тут железная цепь лопнула.

Бычеголов сбросил с себя оковы, схватил ката за голову и с хрустом свернул ему шею. Отшвырнул от себя обмякшее тело и, пригнув рогатую голову, двинулся на обомлевшего дознавателя. По пути он сгреб со стола кувшин со своей кровью и сунул его в лицо изумленному и растерявшемуся дознавателю.

– Пей! – рявкнул Бычеголов.

– Н-не могу, – проскулил дознаватель, с ужасом глядя на кувшин.

– Пей – убью.

Дознаватель поднес кувшин к губам и послушно отхлебнул. Сморщился, но грубого слова сказать не посмел. Бычеголов усмехнулся.

– Ты – упырь, – пробасил он. – Кровь пьешь. Скажи это!

– Я упырь, – слабо пробормотал дознаватель.

Бычеголов прищурил глаза:

– А что делают с упырями?

– Убивают, – выдохнул дознаватель. Лицо его сморщилось, и он плаксиво проговорил:
– Пожалей, прошу...

Бычеголов схватил дознавателя за тощие плечи, выдернул его из-за стола и с силой швырнул об стену. Раздался хруст ломающихся костей, и мертвое тело дознавателя рухнуло на земляной пол.

Бычеголов плюнул на труп, повернулся и вышел из пыточной палаты.

Навстречу Бычеголову выскочили два охоронца. Бычеголов, не останавливаясь, схватил их за волосы и хрястнул друг о друга головами, потом отбросил в стороны и, не оглядываясь, двинулся дальше по коридору.

Из-за угла вывернул еще один охоронец – Бычеголов молниеносно схватил врага пальцами за шею и вырвал ему кадык.

Еще трое охоронцев появились у него на пути. Бычеголов пригнул голову и устремился на них. Бедолаги не успели даже вынуть мечи из ножен. Одному из них Бычеголов расшиб лбом лицо, а двум другим сломал черепа ударами своих крепких и тяжелых, будто кузнечные молоты, кулаков.

Минуту спустя Бычеголов, убив по пути еще четырех охоронцев, вышел из темницы, остановился и взгляделся в темноту.

– Диона! – негромко позвал он.

Из-за дерева выступила стройная, темноволосая девушка.

– Как все прошло? – тихо спросила она на темном языке нелюди.

– Нормально, – ответил Бычеголов.

– Ключи добыл?

– Да.

Бычеголов показал ей связку ключей.

– Молодец. – Девушка встала на цыпочки и поцеловала урода в бугристую, окровавленную щеку.

Бычеголов хотел обнять девушку, но она отстранилась:

– Не сейчас. Сильно они тебя помяли?

– Нет, – прогудел он. – Отлежусь денек и буду в порядке.

– Хорошо. А теперь пора уходить!

Девушка повернулась и быстро зашагала к деревьям. Вдохнув полной грудью бодрящий воздух воли, Бычеголов тихо рассмеялся, затем быстро нагнал девушку, и вскоре оба они растворились в темноте...

(Продолжение – в романе «Камень вампира»)